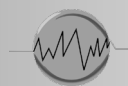

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5–6 2017 (МАЙ-ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

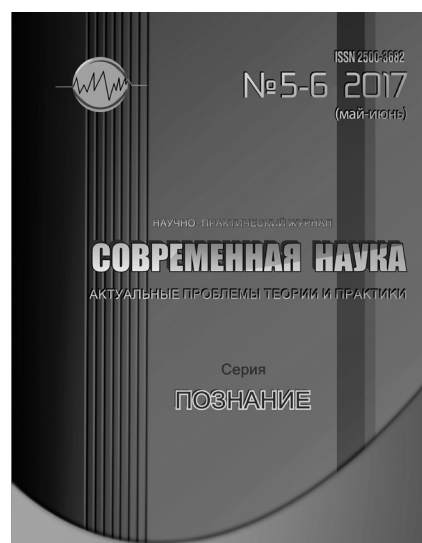
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 01.08.2017 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 3-4 март–апрель 2017 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Белякова И.Г.** — Взаимодействие коммуникаторов в рамках интегративной модели межкультурной компетентности
Belyakova I. — The interaction of communicators within an integrative model of cultural fluency 4
- Шадиев Д.Х.** — Киноискусство как элемент пропаганды в Японии середины XX века
Shadiev D. — Cinema as an element of propaganda in Japan in the mid-20th century 9

ПСИХОЛОГИЯ

- Арпентьева М.Р.** — Гендерные и кросс-культурные проблемы нравственного развития личности
Arpentieva M. — Gender and cross-cultural problems of moral development of personality 13
- Арпентьева М.Р.** — Виктимное поведение: способы защиты и профилактики ситуаций сексуального насилия
Arpentieva M. — Victimization: ways of protection and prevention of situations of sexual violence 21
- Белевич Н.А.** — Рассказческая деятельность как метод психокоррекции поведения детей дошкольного возраста
Belevich N. — Narrative activity as a method of psychological correction of behavior of children of preschool age 27
- Боевникова Е.А.** — Определение мотивации у кандидатов в замещающие родители как профилактика вторичного сиротства
Boenkina E. — The definition of motivation among the candidates in the substitute parents as prevention of secondary orphanage 32
- Жуйкова М.В.** — Межпоколенческая передача девиантного материнского поведения
Zhuykova M. — The intergenerational transmission of deviant maternal behavior 38
- Завертяева А.А.** — Основные подходы к исследованию сущности, структуры, функций и механизмов беспомощности
Zavertyaeva A. — Basic approaches to the research of the entity, structure, functions and mechanisms of helplessness 44
- Кутейников А.Н., Поляков Д.Ю.** — Применение технологии психолого-педагогического взаимодействия и ее роль в повышении результативности подготовки юных спортсменов
Kuteynikov A., Polyakov D. — The usage of technology of psycho-pedagogical interaction and its role in improving the effectiveness of training young sportsperson 49

- Фугина О.А.** — Отражение русской культуры в творчестве Дж. Баланчина
Fugina O. — The refraction of the Russian culture in Balanchine's creativity 52

- Чотчаев А.А.** — К проблеме формирования асертивного поведения подростков
Chotchayev A. — Problem of formation of assertive behaviour of teenagers 57

ФИЛОСОФИЯ

- Бернацкий В.О., Макухин П.Г.** — Действительность как методологическая основа решения парадокса времени
Bernatskiy V., Makuhin P. — Reality as a methodological basis of the time paradox solution 61

- Бондаренко В.В.** — Учение Вениамина Алексеевича Снегирева о субстанциональности человеческой души
Bondarenko V. — Teaching of Benjamin F. Snegirev about the substantiality of the human soul 66

- Донцов Н.В.** — Особенности философии Древней Индии и Китая
Dontsov N. — Features of the philosophy of Ancient India and China 72

- Лаптинская С.В.** — Финализм как одно из философских оснований исследований сущности эволюции
Laptinskaya S. — Finalism as one of the philosophical bases of research of essence of evolution 78

- Сафронов А.В.** — Проблема определения понятия «субъективная реальность» в современном контексте: диалектика человеческой реальности, случайности и необходимости
Safronov A. — The problem of defining the concept of «subjective reality» in the modern context: the dialectic of human reality, randomness and necessity 83

- Шарова М.А.** — Философско-психологические взгляды С.С. Гогоцкого (анализ статей из энциклопедических изданий «Философский лексикон» и «Философский словарь...»)
Sharova M. — Philosophical and psychological views of S. S. Gogotsky (analysis of articles from encyclopedias «Philosophical lexicon», and «Philosophical dictionary») 90

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши авторы. Our Authors 93
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 94

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАТОРОВ В РАМКАХ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

THE INTERACTION OF COMMUNICATORS WITHIN AN INTEGRATIVE MODEL OF CULTURAL FLUENCY

I. Belyakova

Summary. In modern changing global multilingual space, it is difficult to overestimate the importance of the individual intercultural competence. Using the development of the leading scientists in the study of intercultural communication through a comparative analysis, the author analyzes integrative model of intercultural competence at the level of individual communicators, that is, actors and coactors of intercultural communication. As components of the study he discusses motivation, communication knowledge, and communication skills. It is concluded that the more motivated, knowledgeable, skillful in terms of skills are the communicators, the more competent they are from the point of view of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, globalization, cultural fluency, communicator, actor, coactor, integrative model.

Белякова Ирина Геннадиевна

*К.псх.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы При Президенте РФ
i.g.belyakova@gmail.com*

Аннотация. В современном меняющемся глобальном многоязычном пространстве трудно переоценить важность наличия у индивида межкультурной компетентности. Используя разработки ведущих ученых в области изучения межкультурной коммуникации путем сравнительного анализа, автор анализирует интегративную модель межкультурной компетентности на уровне отдельных коммуникаторов, то есть акторов и коакторов межкультурной коммуникации. В качестве компонентов изучения рассматриваются мотивация, коммуникационные знания и навыки коммуникации. Делается вывод о том, что, чем более мотивированными, осведомленными, умелыми в плане навыков являются коммуникаторы, тем более компетентными они являются с точки зрения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобализация, межкультурная компетентность, коммуникатор, актер, коактор, интегративная модель.

В эпоху глобального общества межкультурная компетентность стала насущной необходимостью для адаптации человеческого общества в целом, социальных и профессиональных групп и индивидов к вызовам 21 века. Большинство из существующих моделей межкультурной компетентности сведено к описанию набора умений, способностей и отношенческо — поведенческих моделей, то есть компетенций и служат в основном для выработки основных правил компетентного межкультурного взаимодействия и адаптации к нему. Примером может служить набор характеристик, выработанный эмпирическим путем американским ученым Брайном Шпитцбергом [4]. В этот список включены: способность адаптироваться к различным культурам, способность иметь дело с различным общественными системами, способность справляться с психологическим стрессом, способность устанавливать межличностные отношения, способность содействовать коммуникации, способность понимать других, приспособляемость, способность к само — коррекции, осознание себя и культуры, осознание сущности культурных различий, осторожность, харизма, восприятие коммуникации, способность к коммуникации, коммуникативные функции, поведение управления разговорным процессом, сотрудничество, культурная эмпатия, культурное взаимодействие, зависящая тревожность, межличностная гибкость, межлич-

ностная гармония, межличностный интерес, невербальные модели поведения, личностное настраивание, само раскрытие, консерватизм, социальная адаптация, семейное общение, сила личности, вербальное поведение.

Мы видим, что что в целом, все эти умения, навыки и отношения чрезвычайно важны в выработке межкультурной компетентности. Взятые в общем и разбитые по отдельным группам, они являются ступеньками, по которым индивид поднимается вверх к вершине, на которой выполняется сама цель межкультурной коммуникации. По сути, чрезвычайно трудно сказать какие из вышеупомянутых умений и навыков наиболее важны. Однако, по нашему мнению, они могут быть сформированы в группы.

Группа 1 может быть представлена группой характеристик личности, такие как осторожность, харизма, осторожность, уверенность в себе, инициативность. Они являются унаследованными или выработанными в течение жизни чертами личности. Группа 2 может быть представлена межличностными знаниями и умениями, основанными на этих знаниях, такими как межличностная гибкость, межличностная гармония, межличностный интерес, личностное настраивание, некомпетентность. Эти знания и умения могут быть сформированы

только путем и в результате межличностного и межкультурного общения. Группа 3 может быть представлена навыками, выработанными в процессе межкультурной коммуникации и действиями, осуществляющимися в процессе межкультурной коммуникации для ее эффективного и результативного завершения. К этой группе могут быть отнесены способности адаптироваться к другим культурам, справляться с психологическим стрессом, устанавливать межличностные отношения, руководить мнением, выполнение задачи, перенос выработанного алгоритма действия на другие ситуации и другие. Навыки профессионального общения, такие как профессиональная компетентность преподавателя также могут быть причислены к этой группе. Анализируя предложенный список, мы не можем не отметить наличие психологических характеристик личности, поведенческих моделей и сред общения, к примеру, семейное общение и умений, и навыков, являющихся по сути результатами эффективного межкультурного общения; являясь безусловно важными по отдельности и в целом, мы наблюдаем их разрозненность и не равноценность.

Отметим, что более продуктивным подходом была бы попытка разработать интегративную модель межкультурной компетентности, основываясь на теоретических и постулатах, и эмпирических сведениях, которая одновременно могла бы содержать характерные предположения эффективного компетентного поведения в межкультурной коммуникации. Гипотезы, легшие в основу этой модели, анализируются на трех системных уровнях: 1) системный уровень коммуникатора или индивидуальный уровень, 2) системный уровень эпизода и 3) системный уровень отношений. Системный уровень коммуникатора включает те возможные характеристики индивида, которые могут способствовать компетентному взаимодействию в нормативном для социума смысле. Системный уровень эпизода те черты определенного актора, которые способствуют появлению впечатлений о компетентности со стороны определенного коактора в определенном эпизоде коммуникационного взаимодействия. Системный уровень отношений включает те компоненты, которые прежде всего помогают становлению компетентности индивида во всем диапазоне и на всех этапах взаимоотношений, а не только в отдельно взятом эпизоде. Каждый последующий системный уровень суммирует логические умозаключения и предположения предыдущих. Эти предположения служат как для обзора теории межкультурной компетентности в форматах межкультурных контекстов, так и формулировки практических советов. В равной степени, в которой участники межкультурной коммуникации могут проанализировать ситуации межкультурной коммуникации достаточно для понимания начальных условий, так и каждое предложение содер-

жит определенные шаги и меры усовершенствования компетентности участников в ситуациях общения, в которых они побывали.

Модель отображает процесс двоичного взаимодействия в качестве функции мотивации к коммуникации двух индивидов, их знаний о коммуникации в указанном контексте и навыков в воплощении их мотивации и знаний. В течение всего взаимодействия как внутри отдельных эпизодов, так и в целом периоде, поведение соотносится с ожиданиями каждого участника от другого участника и от процесса взаимодействия.

Рассмотрим системный уровень коммуникатора, анализируя мотивацию, коммуникационные знания и навыки коммуникаторов.

1. По мере возрастания мотивации коммуникатора возрастает коммуникативная компетентность.

Очевидно, что чем больше человек хочет произвести положительное впечатление и общаться эффективно, тем больше вероятности, что он будет воспринимать себя и восприниматься другими в качестве компетентного участника коммуникации. Вопрос состоит в том, что именно составляет и приводит к высокому уровню мотивации. В этом отношении можно сделать несколько предположений.

а) По мере возрастания уверенности возрастает мотивация коммуникатора. Следует отметить, что уверенность возникает на основе индивидуального опыта коммуникатора. Например, индивид, ощущающий нервозность при общении с посторонними людьми, вероятнее всего будет чувствовать себя менее уверенно при общении с представителями других культур. Более того, чем меньше индивид знаком с данным типом ситуации, тем менее уверен он будет относительно того, что делать и как. Отметим также, что некоторые ситуации несут в себе более важные скрытые смыслы и подтексты более трудные для разрешения, например, международные деловые переговоры, целью которых является заключение многомиллионных контрактов. Таким образом, социальное беспокойство, знакомство с ситуацией, важность либо результаты межкультурной коммуникации оказывают большое влияние на уверенность участников межкультурной коммуникации.

б) По мере возрастания убежденности в полезную результативность и эффективность межкультурной коммуникации возрастает уверенность коммуникаторов. Убежденность в полезную результативность коммуникации является само восприятием способности выполнить заданную модель поведения [1]. Уточним, что чем более акторы уверены, что они обладают способностью уча-

ствовать в ряде положительных и значимых действий, тем более они склонны осуществить их. Например, безусловно профессиональный судья обладает гораздо большей убежденностью в полезной результативности по разрешению споров и ведению переговоров по контрактам, чем обычный человек. Однако, профессиональный судья вряд ли будет обладать большей уверенностью, чем обычный человек в том, что сможет установить дружеские отношения с людьми другой культуры. Таким образом, уверенность в полезной результативности и эффективности межкультурной коммуникации обычно зависит от цели коммуникации и соотносится с ознакомленностью коммуникаторов с задачами коммуникации и контекстом или контекстами.

в) По мере того, как возрастает относительное соотношение затраты и выгоды\ результата от межкультурной коммуникации, возрастает мотивация коммуникатора. Любая ситуация может быть оценена с точки зрения определенного потенциала затрат и выгод. Даже в абсолютно проигрышных ситуациях необходимо осознавать наиболее предпочтительное и выигрышное поведение. Аналогично в выигрышных ситуациях наименее желательные результаты являются наиболее затратными. Таким образом, ощущение потенциальных выгод возрастает относительно потенциальных затрат деятельности по мере того как индивид становится более мотивирован на это конкретное действие.

2. По мере того, как возрастает коммуникационное знание, возрастает коммуникативная компетенция.

Чем больше коммуникатор знает, как общаться хорошо и правильно, тем более компетентным будет этот человек. Примером может служить актер, которому для хорошей игры на сцене нужна не только мотивация, отсутствие боязни сцены, но и знание сценария, замысла режиссера и т.п.

Коммуникационное знание о взаимодействии происходит на нескольких микроскопических уровнях [2]. Актер должен знать функцию коммуникации, которую ему нужно осуществить. Эти модели поведения соединяются для речевых актов, выражающих контентные функции, например, задавание вопросов и формулирование утверждений. Для реализации речевых актов требуется знание семантики, синтаксиса, т. е. набора лингвистических знаний. Реальное осуществление речевой деятельности предполагает адаптация к поведению коактора. Следующие гипотезы помогут уточнить значение знания для компетентного межкультурного взаимодействия.

а) По мере того, как возрастает соответствующее задаче знание процедуры взаимодействия, возрастает знание коммуникатора.

Знание процедуры касается того каким образом происходит социальное взаимодействие, а не что является его предметом. Например, знание содержания шутки означает субстантивное знание шутки, а знание, каким образом рассказывать ее со всеми вербальными и невербальными атрибутами, паузами и т.п. подразумевает знание процедуры. Таким образом, чем больше индивид знает, как следовать поведенческим и манерным моделям на уровне межкультурного общения, тем более осведомленным он будет в общении с другими в этой культуре.

б) По мере совершенствования мастерства в стратегиях приобретения знаний возрастает знание коммуникатора.

Человек, не знающий, как вести себя в тех или иных условиях, не может быть сразу же обвинен в некомпетентности. Человечество изобрело множество средств узнавания, что и как делать в незнакомой ситуации. Метафора «международный шпионаж» иллюстрирует некоторые стратегии получения информации, такие как расспросы, наблюдение, обмен информацией, блеф, преднамеренное нарушение культурных традиций коакторов с целью провоцирования их на раскрытие нужных сведений и другие [5].

Чем больше типов таких стратегий знают акторы, тем больше способными они оказываются в получении знаний для компетентного взаимодействия в чужой культуре.

в) По мере возрастания идентичности и ролевого многообразия увеличивается и знание коммуникатора.

В общем, чем больше экспозиция индивида к определенным типам людей, ролям и представлениям о себе, тем более он способен понять различные роли и ролевые поведенческие характеристики в чужом культурном окружении. Некоторые люди проживают в течение всей жизни очень узкий диапазон контекстов и ролей, другие, наоборот приобретают обширный опыт социальных ролей, индивидуальных (работа, семья) и групповых (связи с политическими партиями, религиозными, благотворительными организациями).

Индивид, обладающий сложным представлением о себе, отражающим эти социальные идентичности и общавшийся с разнообразием типов личностей в разных ролях способен лучше понимать типы действий характерные для чужой культуры [3].

г) По мере увеличения возможностями распоряжаться знаниями возрастает знание коммуникатора.

Многие качества личности соотносятся с оптимальной обработкой информации. Известно, что индивиды

с высокими умственными и когнитивными способностями, способностью к самоанализу, навыками слушать собеседника, адекватным невербальным поведением, способностью к эмпатии, точностью восприятия, способностью решения проблемных задач с большей степенью вероятности обладают знаниями о том, как вести себя в незнакомой культурной обстановке. Безусловно, обладание информацией очень важно, но индивиду также необходимо знать, как анализировать и обрабатывать полученную информацию для эффективного межкультурного общения.

3. По мере улучшения навыков коммуникации возрастает компетентность коммуникатора.

Мы называем навыками любые повторяемые, нацеленные на результат действия или цепочки действий.

а) По мере возрастания альтерцентризма улучшается и навык межкультурного общения коммуникатора.

Под понятием альтерцентризма мы будем понимать фокусировку, интерес к другому человеку, то есть собеседнику, коактору в процессе общения. Поведенческие модели, такие как направленный взгляд, поддержание разговора по интересным для коактора темам, поза, наклон тела по отношению к собеседнику указывают на расположенность к собеседнику.

б) По мере возрастания коммуникационной координации улучшается навык межкультурного общения коммуникатора.

Под коммуникационной координацией мы понимаем поведенческие модели, способствующие плавному течению акта коммуникации. Такие модели заключаются в избегании резкого прерывания общения, в плавном начале и конце отдельных эпизодов общения, в адекватном переключении с одной темы на другую, поддержании спокойного темпа общения и другие. Они безусловно способствуют грамотному управлению межкультурным взаимодействием.

в) По мере возрастания коммуникационного самообладания улучшается навык межкультурного общения коммуникатора.

Иметь самообладание в процессе акта коммуникации значит отражать в своих поведенческих манерах спокойствие и уверенность. Самообладание подразумевает отсутствие показателей нервозности, таких как, например, бегающий взгляд, срывающийся голос и наличие устойчивого по громкости и темпа голоса, расслабленной позы, четко сформулированных утверждений. Коммуникатор, обладающий коммуникационным само-

обладанием, выступает в межкультурном общении как уверенный и контролирующий себя индивид.

г) По мере возрастания экспрессивности процесса межкультурной коммуникации улучшается навык межкультурного общения коммуникатора.

Экспрессивность касается навыков, обеспечивающих живость, красочность, насыщенность и разнообразность в коммуникативном поведении. Более точно, экспрессивность выражается в таких поведенческих моделях, как разнообразие интонационных моделей, выражений лица, реакций на услышанное, обширный словарный запас, жесты и т.п. Экспрессивное межкультурное общение коммуникаторов заключается в способности воспроизводить коммуникационный процесс грамотно с позиции своей и чужой культуры и с точки зрения контекста, добываясь нужного вербального и невербального уровня общения.

д) По мере возрастания коммуникационной адаптации улучшается навык межкультурной коммуникации коммуникатора.

Адаптация считается одним из распространенных атрибутов межкультурного коммуникатора. Адаптация подразумевает тонкую подстройку поведения коммуникатора к поведенческим моделям других участников общения. Интересным является тот факт, что адаптация предполагает приспособление действий коактора к целям актора. Взамен эгоцентричной ориентации адаптация подразумевает изменение и уравнивание целей и намерений актора с целью подгонки их потребностям коактора межкультурного общения. Таким образом, навык адаптации подразумевают сдвиги как в поведенческих моделях, так и в целях актора и коактора в процессе акта межкультурной коммуникации.

Таким образом, было рассмотрено межкультурное взаимодействие на базе трех основных компонента компетентного межкультурного общения. Можно констатировать, что, чем более мотивированным, осведомленным, умелым в плане навыков является индивид, тем более компетентным его можно рассматривать, в том числе и с точки зрения межкультурной коммуникации. Однако, наличие этих трех компонентов у коммуникаторов одновременно крайне желательно, но не всегда достижимо. Например, коммуникатор с очень высокой степенью мотивации может компенсировать недостаток знания и умений настойчивостью и усилиями в достижении целей, аналогично индивид, обладающий знаниями и опытом, как, к примеру, вести те или иные переговоры, может успешно провести их с минимальной мотивацией. Тем не менее, при наличии этих трех компонентов мы можем утверждать о большей межкультурной компетентности участников межкультурного процесса и их эффективном взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency *American Psychologist*, 37, 122–147.
2. Greene, J. O. (1984). A cognitive approach to human communication. An action assembly theory. *Communication Monographs*, 51, 289–300.
3. Havighurst, R. J. (1957). The social competence of middle-aged people. *Genetic Psychology Mono-graphs*, 56, 297–375.
4. Spitzberg, B. H. (1989). Issues in the development of a theory of interpersonal competence in the inter-cultural context. *International Journal of Intercultural Relations*, 13, 241–268.
5. Spitzberg, B. H., and Cupach, W R (1984) *Interpersonal Communication Competence*. Beverly Hills, Calif.: Sage.

© Белякова Ирина Геннадиевна (i.g.belyakova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КИНОИСКУССТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОПАГАНДЫ В ЯПОНИИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Шадиев Дауд Хасанович

Аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов, Россия, Санкт-Петербург
d19901510@mail.ru

CINEMA AS AN ELEMENT OF PROPAGANDA IN JAPAN IN THE MID-20TH CENTURY

D. Shadiey

Summary. The cinema of Japan is an interesting phenomenon in the history of culture and one of the key places in it are propaganda films. The twentieth century for the country of the rising sun is one of the most violent changes that have occurred in society. Society torn to pieces because of rapid industrialization and continued military expansion was on the verge of exhaustion as a human so moral resource.

This led to the need for the authorities to form public opinion with the necessary response to the changes, that is — propaganda. And it was the cinematography that was the tool that allowed the most productive way to broadcast new ideas and manipulate information. Still undeveloped critical thinking towards a new kind of art gave the possibility of almost unlimited influence both on society as a whole and on the individual in particular.

In this article, the author views cinematography as an element of propaganda in the middle of the 20th century on the example of Japan. The analysis is based on the research of a number of films such as «Five Scouts» («Goonin no sekkohei» in 1938) directed by Tomotaka Tadzak, «Malay Tiger» («Maray no tora» 1943) Masato Kogi, «Divine Sailors Momotaro» (« Momotaro: Umi no Simpei, 1945) directed by Mitsui Seo and others. These films are examples of the then existing trend in the cinema, which has become an instrument that creates the desired response to the policy of Japan in the population of this country.

Keywords: Historical drama; Japan; The Malayan tiger; Five scouts; cinema; propaganda.

Аннотация. Кинематограф Японии — это интереснейшее явление в истории культуры и одно из ключевых мест в нем занимают пропагандистские фильмы. Двадцатый век для страны восходящего солнца является одним из самых бурных на произошедшие изменения в социуме. Общество, разрываемое на части из-за стремительной индустриализации и продолжительное военной экспансии находилось на грани истощения как людского так морального ресурса.

Это привело к потребности власти к формированию общественного мнения с нужным откликом на происходящие изменения, то есть — пропаганде. И именно кинематограф являлся тем инструментом который позволял наиболее продуктивно транслировать новые идеи и манипулировать информацией. Еще невыработанное критической мышление к новому виду искусства дало возможность практически безграничного влияния как на общество в целом, так и на индивидуума в частности.

В данной статье автор рассматривает кинематограф как элемент пропаганды в середине XX века на примере Японии. Анализ производится на основе исследования ряда кинолент таких как «Пять разведчиков» («Гонин-но сэкокхэй» 1938 года) режиссера Томотакэ Тадзака, «Малайский тигр» («Марэй но тора» 1943 год) Масато Коги, «Божественные моряки Момотаро» («Момотаро: Уми но симпэй» 1945 года) режиссера Мицудэ Сэо и других. Эти кинокартины являются образчиками существующей тогда направленности в кинематографе, который стал инструментом, создающим нужный отклик на проводимую политику Японии у населения данной страны.

Ключевые слова: дзидайгэки; Япония; Малайский тигр; Пять разведчиков; кинематограф; пропаганда.

Япония XX века является страной контрастов. Общество, разрываемое на части из-за стремительной индустриализации, искало себя как в обращении к старым традициям, так и в новых веяниях, пришедших из запада. В данный период времени страна пережила множество изменений, как политических, так и социальных. Стремительное развитие еще недавно феодального государства, вызванное желанием встать вровень с крупными западными странами, привело к истощению материальных и людских ресурсов, требуемых для такого скачка.

Так, стремительно развивающиеся и расширяющиеся города, потребляли все больше продовольствия, а промышленность, получившая огромный искусствен-

но созданный толчок, также требовала ресурсы, которые Япония просто не могла получить. Одним из выходов для государства в таковой ситуации является торговля, но и она не обеспечивала получение достаточного количества ресурсов. Общество, находящееся в переходном периоде от одной культурной формации к другой и проводимое увеличение военной программы, вынуждала граждан трудиться еще больше для достижения поставленных задач по милитаризации страны, которые на тот момент не могли быть выполнены за счет внутренних возможностей экономики.

Все это оказывало сильное давление на граждан Японии и приводило к волнениям внутри общества. В пе-

риод Мэйдзи страну сотрясало множество восстаний, как со стороны самураев, которые были лишены своих привилегий, так и крестьян которое боролось за единые права. Особенно показательна в этом плане является первая сформированная политическая партия Японии «Дзюто» (либеральная партия) которая активно организовывала массовые беспорядки с лозунгами о свободе и народных правах. Пришедший на смену Мэйдзи период Сёва также не принес облегчение для народа страны восходящего солнца проводимая политика государства привела к участию во второй мировой войне и еще большему перенапряжению граждан.

Несмотря на явный технологический прорыв в Японии, произошедший в период Сёва, положение народа как таковое не улучшилось, а проводимые военные операции требовали все больше ресурсов как материальных, так и людских. Также поддержка своего режима на занятых территориях материка, изматывало население, все это приводило к потребности власти в формировании общественного мнения с нужным откликом на происходящие изменения, то есть — пропаганде.

И одним из основных инструментов пропаганды для страны восходящего солнца стал кинематограф. Кинематограф Японии — это интересное явление и особое место в нем занимают пропагандистские фильмы.

Как уже упоминалось выше, с развитием военной экспансии требовалось целенаправленное воздействие на граждан страны, с целью создания положительного отклика в связи с решениями правительства. С помощью кинематографа стало возможно транслировать новые идеи и манипулировать информацией. Еще невыработанное критической мышление к новому виду искусства дало возможность практически безграничного влияния как на общество в целом, так и на индивидуума в частности. Благодаря невозможности в большинстве случаев проверить поступающую информацию, особенно с тех случаях, когда речь идет о не бытовых историях, стало возможным формирование пропагандистами нужного им образа врага в социуме. Создавая образ героя или врага, автор киноленты может вносить изменения в оценочное суждение индивидуума по отношению к тем или иным событиям или решениям. Еще В.И. Ленин, как известно, высоко оценивавший идеологический потенциал кинематографа, призывал обратить внимание «... на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна»¹. Он также обращал внимание на необходимость «...сохранения пропорции

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970 Т. 44 С.361

между увеселительными картинками и картинками пропагандистского характера»², что говорит о признании возможности воздействия на сознание в плане формирования нужной картины мира.

Первыми пропагандистским направлением в кинематографе Японии было документальное кино. Существующее тогда направление документальных фильмов было направлено на показ военных действий в положительном свете. Получившее серьезную как материальную, так и государственную поддержку, данное направление в кинематографе на короткий период стало основным, положительное освещение, происходящих событий было направлено на получение нужного отклика от населения. Так были сняты фильмы, серьезно повлиявшие на отношение японского населения на проводимую политику.

Как пример пропаганды возьмем произошедшее, 7 июля 1937 года на мосту Люгоуцяо под Пекином перестрелку между японскими и китайскими частями. Которая стала отправной точкой для начала войны и целого направления пропагандистских фильмов с целью создания образа врага и оправдания проводимой политики. Данное событие стало фигурировать в кинематографе Японии того времени как «кинематография о инциденте», которое породило множество фильмом черпающие свою сюжетную основу с полей сражений. Так в киноленте японского режиссера Томотака Тадзика «Пять разведчиков» («Гонин-но сэккохэй» 1938 года) фильм был снят на основе маленького газетного сообщения. По сюжету кинокартины рота японской армии проникает в китайский городок, и, пока основные военные силы размещались, были отправлены разведчики, которые в процессе выполнения задания потеряли одного из своих товарищей. Тяжкие часы ожидания командира роты оправдываются к утру, когда последний пятый разведчик возвращается с задания. Фильм интерес тем, что в нем не видно, как такового врага, а показаны тяготы войны и стойкость солдат, которые идут на поле бой и делают все от них возможное для достижения поставленной задачи. Данный фильм был признан лучшим в Японии и отправлен в Венецию, где получил награду.

Так как данная кинолента являлась первой получившей кинопремию вне Японии и транслировала точку зрения на войну со стороны страны восходящего солнца, то было закономерным то, что её начали использовать для массовой пропаганды как внутри страны, так и вне. Представляет интерес письмо одного из японских консулов в Европе приведенное в книге за авторством Акиры Ивасаки:

² Там же. С.579.

«Создатели фильма «Пять разведчиков» не ставили перед собой пропагандистских целей. Мы же должны использовать фильм именно для пропаганды. Благодаря совершенной операторской технике удалось передать тяготы войны, трудности, выпавшие на долю наших офицеров и солдат, их несгибаемую волю...»³.

И хотя мы видим, автор письма отмечает, что таковой фильм был не пропагандисткой направленности, стоит упомянуть, что в то время проводимая политикой цензура кинофильмов сильно влияла на выпускаемые фильмы. Так, уже с 30-х годов XX века, в Японии имело серьёзное влияние фашистская партия, которая отрицательно относилась к свободе творчества в кинематографе. Из-за её действий многие кинокартины не были завершены, а другие были просто запрещены. Существующее направление бытовой драмы в киноискусстве страны восходящего солнца было подвергнуто серьёзной критике, и выпуск фильмов такой направленности практически прекратился. Единственные киноленты, чувствующие себя спокойно, были: фильмы про самураев и, набирающая тогда популярность, кинохроника с мест военных действий. Новое направление в документалистике «кинематограф о инциденте» получал значительную поддержку.

В дальнейшем стали выпускаться фильмы, финансируемые армией для создания нужного отношения к инородцам, направленные на создание негативного образа китайцев и европейцев. В картине Масато Коги «Малайский тигр» («Марэй но тора» 1943 год) шла речь о японском агента ведущего борьбу за освобождение коренных народов от европейской колонизации. В данном фильме европейцы изображены в негативном свете, совершают противоправные поступки по отношению к жителям колонии. Таки образом, все действия главного героя оправданны и несут в себе благородное начало в освобождение Азии от захватчиков, что хорошо соотносилось с основным политическим посылом, который заключался в свободной Азии под мудрым управлением «старшего брата» Японии.

Наиболее показательным примером является первый полнометражный анимационный фильм «Momotaro's Divine Sea Warriors» («Божественные моряки Момотаро») 1945 года. Он несет в себе явные пропагандистские цели и, что наиболее важно, нацелено на детей. Фильм основан на известной японской сказке «Момотаро: Мальчик-Персик», где мальчик Момотаро сражается с группой демонов (Они) на далеком острове. Название данной истории идет от самого персонажа, который появляется из найденного пожилой парой персика. В тоже время демоны совершают нападения на деревню, где живет Момотаро, и творят там всяческое зло. Главный

герой решается на путешествие к острову, для того чтобы сразиться с ними. По пути он встречает верных друзей в лице обезьяны, фазана и собаки. Победив демонов, он забирает их сокровища и возвращается домой в свою приемную семью. Эта незамысловатая история является одной из популярнейших детских сказок, а Момотаро — одним из известнейших персонажей фольклора.

И вот первый полнометражный анимационный фильм на основе этой незамысловатой сказки был снят по заказу Министерства военно-морского флота Японии. Режиссер Мицуюэ Сэо вполне успешно внес в этот детский сюжет пропагандистские черты. В данном фильме Момотаро, и группа его друзей становятся военными пилотами японской империи.

Все положительные персонажи, мирные, в том числе и военные, которые изображены в виде животных, иногда антропоморфных, иногда — нет, но с явной направленностью на создание изображения наиболее притягательного для детей.

В тоже время все более человечные персонажи кроме Момотаро, который, несет в себе явно детские черты, изображены нарочно гротескно. Иностранцы изображены наиболее похожими на людей, но при этом, вызывают отторжение своей гротескностью в изображении. Но не только внешний вид, также и поведение британцев вызывает у потенциального зрителя отрицательные эмоции. В их поведении проявляются недисциплинированность и трусость, отсутствует следование воинской чести и всего того, что находило сильное порицание.

Таким образом, японская армия, выступает как положительный элемент, который действуют не только во благо своей страны, но и во благо других людей, благодаря чему легко воспринимаются детьми как положительные герои. Очень любопытно одно из первых появлений иностранцев в фильме, которое связано с черными кораблями, являющимися неприкрытой аллегорией насильственного открытия Японии в 1854 году со стороны США. И потому освобождение мультипликационного острова японцами можно воспринимать как акт освобождения и уничтожения врагов родины.

Из выше приведенных примеров мы видим, как кинематограф способен транслировать идеи, он может влиять на ценностные ориентиры индивидуума, изменяя его реакцию на происходящее так, как это требуется в данный момент. Подводя итоги, можно с уверенностью говорить, что киноискусство является одним из важнейших элементов пропаганды с целью формирования нужного отклика на происходящие события в мире, а также ключевым звеном в проводимой политике Японского государства.

³ Ивасаки Акира История японского кино. М., 1966. с. 127

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История и культура Японии. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2002. — 288с.
2. Агафонова Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма. — Минск: Тесей, 2008. — 392 с.
3. Баскаков В. Е. Фильм — движение эпохи. — М.: Искусство, 1989. — 220с.
4. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. — СПб.: Наука, 2004. — 360 с.
5. Ивасаки А. История японского кино. М.: Прогресс, 1966. — 320 с.
6. Иванов Б. А. Введение в японскую анимацию.
7. Комаров С. В. История зарубежного кино. — Т. 1. — М.: Искусство, 1965. — 416с.
8. Костина А. В. Культурология: учебник. — М.: КноРус, 2008. — 320 с.
9. Кравченко А. И. Культурология. — М.: Академический Проект, 2000. — 736с.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. — 742 с.
11. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики, Таллин, 1973. — 92 с.
12. Сато Т. Кино Японии. М.: Радуга, 1988. — 224с.
13. Сэнсом Дж. Б. Япония: краткая история культуры. СПб.: Издательство «Евразия», 1999. — 576с, илл.
14. Jonathan Clements Anime: A History. UK.: British Film Institute, 2013. — 256р.
15. Jonathan Clements, Helen McCarthy The Anime Encyclopedia: A Guide to Japanese Animation Since 1917. — California: Stone Bridge Press, 2006. — 867р.

© Шадиев Дауд Хасанович (d19901510@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

ГЕНДЕРНЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

GENDER AND CROSS-CULTURAL PROBLEMS OF MORAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY

M. Arpentieva

Summary. There are significant differences in how people relate to their culture. There is no doubt that what culture the person is born, has a huge impact on his behavior throughout life. Probably people differ from one another in their interpretation of reality, not so much, as they do in their initial assumptions.

Therefore, understanding culture is the key that turns the sometimes senseless activity of the person attempting to influence his opponent, in their meaningful interaction.

This article discusses these issues, allowing on the basis of Gingerich and cross-cultural differences to consider in detail the basic problems of moral development of the human personality in modern society.

Keywords: cross-cultural differences, gender differences, culture, personality development, moral development.

Арпентьева Мариям Равильевна

*Д.псих.н., доцент,
mariam_rav@mail.ru*

Аннотация. Существуют значительные различия в том, как люди относятся к своей культуре. Нет сомнений что то, в какой культуре рожден человек, имеет огромное влияние на его поведение на протяжении всей жизни. Вероятно, люди отличаются друг от друга в своей интерпретации действительности не так уж сильно, как они это делают в своих первичных предположениях.

Поэтому понимание культуры является тем ключом, который превращает подчас бессмысленную активность человека, пытающегося оказать воздействие на своего оппонента, в их осмысленное взаимодействие.

В данной статье рассмотрены данные вопросы, позволяющие на основе гендерных и кросс-культурных различий детально рассмотреть основные проблемы нравственного развития личности человека в современном социуме.

Ключевые слова: и кросс-культурные различия, гендерные особенности, культура, развитие личности, нравственное развитие.

В работе по природе культуры, П. Бергер и Т. Лукманн, делают некоторые важные замечания о влиянии культуры на человека. Основной способ, которым культура влияет на нас,— это определение порядка вещей, которые когда-либо встретятся нам (Berger P. & Luckmann T., 1967). Но культура простирается глубже.

В работе с клиентом иной этнокультурной группы для организации успешного терапевтического контакта важно и необходимо учитывать следующие моменты (Ho M. K., 1992, Dillard J. L., 1973, Paniagua F. A., 1994, Berry J. W., 1990, 1992, Berry J. W. et al., 1988, Boyd-Franklin N., 1989, Locke D. C., 1994, Russel D. M., 1988, Pedersen P., 1994 и др.):

- ♦ общую историю народа, к которому причисляет себя клиент, типичные ярлыки, приписываемые представителям той или иной группы, характер, степень выраженности расистских установок по отношению к той социальной общности, к которой принадлежит клиент, основные специфические религиозные убеждения и обыденные представления (folk beliefs), бытующие в данной этнокультурной группе, их роль и конкретное содержание,
- ♦ специфические культурные «паранойи», навязчивые страхи (типа страха болезни у афроамериканцев — healthy cultural paranoia phenomenon),

имплицитные теории здоровья и болезни, имплицитные теории безумия, психических нарушений и переживаний, специфические формы типичных психопатологических синдромов, особые симптомокомплексы,

- ♦ «фамилизм» (familism) — общее значение семьи как смыслового центра жизни человека, клановость или индивидуализм (individualism), забота о собственном благополучии, карьере, индивидуальном продвижении и интересах (различие self- and other-oriented persons),
- ♦ ригидность, жесткость распределения ролей или гибкость семейной ролевой структуры (role flexibility), взаимозаменяемость ролей, жесткость семейной иерархии, ее особенности, ценность традиционных образов мужественности (machism) и женственности (marinism),
- ♦ роль детей, отношение к ним в семье, эйджеизм, ориентация культуры на личность (personalism), открытость, или на формальные отношения (formalism), ритуалы и нормы, распространенное в данной культуре представление о судьбе (fatalism), типы фатализма, понятие о справедливости, его роль, тип личностной зрелости, свойственный большинству людей данной культуры.

Оценка культурного разнообразия включает ряд взаимосвязанных показателей:

1. **Индивидуализм-коллективизм** — кластер установок, верований, убеждений и поведенческих реакций по отношению к себе и людям (Hui C., Triandis H., 1986, Goodman, 1994).

2. **Независимая личность** характеризуется вниманием к собственным потребностям, толерантностью к неопределенности и самоконтролем, социальной и личностной гибкостью и зрелостью (Kumagai H.A., 1981, Markus H.R., Kitayama S., 1991). Первое понятие связано с существующим в индивидуалистических культурах разделением «Я» и общества, это человек индивидуалистического сообщества (Yochida T., 1994, p.252–253).

3. **Высоко- и низкоконтекстуальная коммуникация.** По Э. Холу, высоко и низкоконтекстные (high-context and low-context) стили общения (Hall E.T., 1976) в разной степени зависят от ситуации взаимодействия.

- ◆ Высококонтекстуальное общение характеризуется многосмысленностью, особой значимостью и амбивалентностью контекста, более характерно для коллективистических культур.
- ◆ Низкоконтекстуальное общение — более однозначное, открытое — характерно для индивидуалистических культур (Hall E.T., 1976, Gudykunst W., Ting-Toomey S., 1990, p.44).

Т.о., самое важное измерение, по которому западная и восточная культуры существенно различны и в настоящее время претерпевают изменения — это *индивидуализм — коллективизм*. Так, например, в западной культуре широко распространились две противоположные идеи. Первая — индивиды являются подчиненными коллективу. Вторая — коллектив подчиняется индивидам. Представление о том, что индивид является основным, обладающим властью объектом исключительной ценности, — индивидуализм, обратное мнение о том, что некоторая социальная группа, государство, религия, семья и т.д., по сравнению с индивидом, обладает большей властью и ценностью — коллективизм. В коллективистических культурах индивидуальные интересы, подчиняются интересам определенной социальной группы.

Для тех, кто рожден на Западе, идея индивидуализма кажется очевидной и естественной, и, потому сложно понять иные представления о взаимоотношениях личности и коллектива.

Западная культура видит каждого индивида как уникального и поощряет развитие личности, ценит самовы-

ражение, независимо от того, что выражено личностью. Приветствуется аутентичность, креативность, спонтанность. Главное — ценятся индивидуальные достижения — талант. Это те аспекты индивидуализма, которые в англо-американской культуре развиты предельно.

Г. Хофстид провел исследование служащих международной корпорации IBM в 67 странах, в том числе их индивидуальные и социальные ценности служащих. Результаты показали, что люди из США, Австралии, Англии, Канады, Нидерландов — наиболее индивидуалистичны. Представители Тайваня, Перу, Пакистана, Колумбии и Венесуэлы менее индивидуалистичны (Hofstide G., 1980, Стефаненко Т.Г., 1999).

В других культурах, особенно азиатских и африканских, индивид побуждается не выражать самого себя, а быть частью группы, особенно семьи. Не все культуры ценят творчество в искусстве, многие из них приветствуют ремесло. Т.о., не все культуры учат выражать себя. Если взять американского психолога, он проинструктирует клиента выражать свои эмоции. Если взять японского психотерапевта, который использует Морита-терапию, он научит его подавлять ваши эмоции и импульсы, вас научат дисциплине. (Weisz J et al, 1984). Ст. Дэрне отмечает, что хинди, с которыми он беседовал, не считали, что они являются сами собой, при выражении своих эмоций, для них наиболее важно точное исполнение предписанных социальных ролей. (Derne St., 1992.)

Различие между коллективистической и индивидуалистической идеей о соотношении личности и общества привела М. Маусса к гипотезе о западном происхождении идеи индивидуализма (Mauss M., 1938/1985). Это предположение было уточнено как антропологами, например, К. Гирцем, так и психологами, такими как Р. Шведер, Х. Маркус и Ш. Катаяма (Geertz C., 1974, Shweder R. et al., 1982, Marcus H. & Kitajama Sh., 1991). Р. Шведер считает, что понятие личности, Я, является западной идеей, не представленной в западной культуре. Чтобы проиллюстрировать это, он провел простое исследование в США и Индии, прося людей в обеих странах описать нескольких своих знакомых. Американцы стремились использовать термины черт, в то время как индусы использовали термины поведения. Например, американцы говорят: «Она — приветливая», а индусы упоминают конкретное поведение: «Она приносит пироги нашей семье на праздники». Американцы скажут: «Он - добрый.», а индусы: «Кто бы ни стал его другом, он будет помнить его всегда и всегда придет на помощь». Однако индусы тоже используют слова черт, но делают это реже, чем американцы. Это различие существенно: около 50% описаний американцев были сделаны в терминах абстрактных, независимых от контекста черт, и только 20% индийских описаний были подобного рода. Они мыслят

«холически», т.е. не выделяя личность из контекста. Т.о., они не оперируют той концепцией личности, которая есть в западной культуре.

Одно из решений проблемы представлено концепцией **культурного релятивизма**, — представлением о том, что все культурные системы валидны в том смысле, что не существует единственно правильного образа жизни, напротив, каждая культура открывает свой собственный наилучший образ жизни. Т.о., культурный релятивизм часто сочетается с социальным конструктивизмом, исходящим из того, что все культуры и системы морали конструируются людьми, и поэтому — произвольны. Для релятивистов и социальных конструктивистов вопрос об истинности и ложности является внутренним вопросом в отдельной культуре; т.е. некто может спросить: «Для американцев воровать и обманывать — это хорошо?» и кто-то может ответить: «Плохо». Но нельзя спросить: «Хорошо ли для кого-то обманывать и воровать?», т.к. для релятивиста все моральные вопросы соотносятся с определенной системой морали. Релятивизм имеет две привлекательные особенности.

1. Довольно сложно решить, какой кодекс морали правильный. Мы свободны в том, чтобы следовать любому кодексу морали, который нам нравится, так же как и говорить на любом языке.

2. Принцип толерантности к другим культурам: мы не должны навязывать наш способ жизни, свою мораль другим людям. Ни одна культура не имеет исключительного понимания моральной правоты, надо уважать системы морали в других культурах.

Одно из возражений против этих аргументов заключается в том, что убеждение о необходимости терпимости к другим само является убеждением о специфичности культуры, и у релятивистов нет оснований настаивать на релятивизме.

Другой подход заключается в том, что кажущиеся различия культур — поверхностны; существует более глубокая универсальная мораль, которой придерживаются все культуры.

Следующий подход предлагает рассмотреть проблему в контексте развития человека. Наиболее заметной фигурой в изучении развития морали в психологии является Л. Колберг. В его теории развития морали предполагается, что определенные аспекты морали — универсальны. Моральное развитие — прежде всего когнитивное развитие. Когда ребенок учится мыслить, он неизбежно учится морали. Следуя за Ж. Пиаже, он утверждал, что размышления о ситуации или моральное действие — есть результат правильного — не эгоцен-

тричного — взгляда. Маленький ребенок эгоцентричен, т.е. видит свои действия, исходя из своей позиции, выгоды. Но с возрастом перспективы взгляда расширяются. Социальная перспектива, то, как другие люди из его культуры думают о нем, сменяется рассмотрением себя и своего поведения в «универсальной» перспективе, с точки зрения абстрактных правил и принципов (Kohlberg L. et al., 1969,1977).

Понимание морали у детей созревает путем прохождения ряда стадий. Люди из разных культур могут остановиться на определенной стадии, но моральное развитие в целом фиксировано в определенном порядке стадий и не предполагает скачков или возвратов. И поскольку рассмотрение **морали как абстрактных принципов** наступает последним в развитии (является итогом развития) — то это **наиболее правильная** моральная позиция (Kohlberg L., 1971). **Универсальным** в моральных кодексах разных культур оказывается **порядок стадий** развития морали. К. Джиллиган считает, что Л. Кольберг фиксирует этапы развития мужской морали, поэтому в стандартных моральных ситуациях, женщины оказываются менее морально развитыми, чем мужчины. Но моральные суждения женщин согласовываются не с формальными правилами, а с ценностями коллективной жизни. Женская мораль согласуется не с необходимостью следовать правилам, а с любовью к людям. Мужчины следуют этике правил, справедливости и честности; женщины больше согласуются с заботой о людях, с которыми общаются (Gilligan C, 1982).

Причину трудностей в установлении направленности и **критериев женского морального роста** по сравнению с **мужским моральным развитием** К. Гиллиган, одна из наиболее известных в этой области исследовательниц, видит в преимущественной ориентации психологов на маскулинную модель развития. Маскулинность характеризуется осознанием собственной автономии, которое проявляется в независимости суждений, в их беспристрастности, избеганию и не подвластности чувствам, обстоятельствам конкретных ситуаций, в подчинении универсальным принципам человеческого существования. Течение духовной жизни женщин, напротив, определяется релятивностью суждений в их ситуативной и эмоциональной обусловленности, желании построения близких и позитивных отношений с окружающими. Отклонение женского развития от маскулинной модели считается отклонением от нормы, поэтому неспособность женщин соответствовать ей оценивается как неспособность к развитию.

По ее мнению, процесс морального развития представляет собой переплетение двух различных путей, обусловленных мужским и женским типами развития, которые имеют свои уникальные критерии, ценностные

ориентиры и способы разрешения моральных проблем. Женские «образы зрелости» отличаются от мужских и соответствуют различиям в понимании идеалов человеческой духовной зрелости.

В отличие от «мужской» (внеперсональной и беспристрастной) морали справедливости, «женская» мораль или мораль заботы — это мораль индивидуальных отношений. Она основана на чувстве непосредственной связи между людьми, предшествующем моральной убежденности в правильном и неправильном, в моральных принципах. Отношение матери к ребенку, например, определяется не знанием универсальных принципов, а любовью и заботой о нем. Любовь и забота немыслимы без понимания потребностей конкретного, не похожего на других человека, без «пристрастного» отношения к нему. В этом случае качество морального действия определяется способностью к сопереживанию.

Открытие значимости близости, взаимосвязи и заботы, к которому мужчины приходят в середине, а то и в конце их жизни, — это то, что женщины знают с самого начала. Однако из-за того, что это знание считается «интуитивным», или «инстинктивным», психологи отказывались объяснять его развитие. Моральное развитие сосредоточивается на совершенствовании этого знания и, таким образом, прочерчивает главную линию психологического развития в жизни обоих полов. По мнению исследовательницы, предмет морального развития не только содержит конечную иллюстрацию повторяющегося образца в исследовании и оценке половых различий в литературе о человеческом развитии, но и детально показывает, почему природа и значимость развития женщин были так долго непонятны.

Исследователями отмечается, что в то время как объект изучения Л. Кольберга беспокоится о людях, игнорирующих права друг друга, женщина — объект исследований К. Гиллиган беспокоится о «возможности упущения, о том, что ты не помог другим, когда мог бы это сделать» и поиске наиболее болезненного для всех участников способа выхода из проблемной ситуации. В женской концепции моральная дилемма смещается от проблемы реализации собственных прав, не противоречащих правам других, к проблеме, как «вести моральную жизнь, которая подразумевает исполнение обязанностей по отношению к себе самому, своей семье и людям вообще». Проблема в таком случае становится проблемой ограничения ответственности без выхода за пределы морали. Женская автономия, существующая в контексте взаимоотношений, определяется как моделирование чувства чрезвычайной ответственности посредством осознания того, что другие люди несут ответственность за свою собственную судьбу (Верч Дж., 1996, Знаков В. В., 1998 и др.).

Автономная ступень, в представлении Дж. Лоувингер, подразумевает отказ от моральных дихотомий и их замену «чувством сложности и многоликости характеров реальных людей и реальных ситуаций». В общении женщины в большей степени, чем мужчины, обращают внимание на побудительные причины и последствия неправды, лжи и обмана. Они придают большее значение сокрытию и представлению в искаженном виде чувств и мыслей, чем фактов. Женщины обращают внимание на процессуальные аспекты искажения и анализируют возможность оправдания совершивших их людей. Мужчины же связывают неправду, ложь и обман в основном с искажением фактов. Они дают нравственную оценку результата воздействий этих искажений действительно на участников коммуникации.

В то время как концепция морали прав, которая характеризует, по Л. Кольбергу, высший уровень развития, направлена на достижение объективной справедливости или справедливого разрешения моральных дилемм, с которыми могли бы согласиться все разумные люди, концепция ответственности подчеркивает ограниченность любого отдельного решения и описывает конфликты, которые при этом остаются. Таким образом, становится понятно, почему мораль прав и невмешательства в ее скрытом оправдании равнодушия и беспристрастности может часто казаться женщинам пугающей, а мораль ответственности выглядит неубедительной и расплывчатой с мужской точки зрения.

Признаками уникальности критериев возрастного развития мужчин и женщин, по мнению Гиллиган, являются **особенности языка**, на котором люди говорят о своей жизни, индивидуальные представления о мире своего бытия, проявление личной активности. Обнаружить все эти особенности можно, лишь прислушиваясь к голосам людей, анализируя ответы на вопросы о морали и самости, опыте разрешения моральных конфликтов, жизненном выборе, представлениях о моральных проблемах (Артемьева О. В., 1992). Неспособность экспериментатора «вообразить ответ, не снисшедший моральной философии М. Кольберга», делает его неспособным услышать решаемый испытуемой вопрос, логику ответа: «Социальный язык женщин», по Гиллиган, превращает единоголосый текст в диалогический, текст, который может взаимодействовать с их «голосом» (Гримшоу Дж., 1993, Эймс Р. Т., Холл Д. Л., 1993, Noddis N., 1984, Grimshaw J., 1986 (по «Феминизм», 1993)).

Одним из наиболее важных вопросов, наиболее выпукло встающих перед исследователем **гендерных особенностей дискурсивных стратегий**, является анализ отношений социальной власти и индивидуальной морали (ценностей), вовлеченных в дискурсивные презентации «Я» («Феминизм», 1993, Crawford M.,

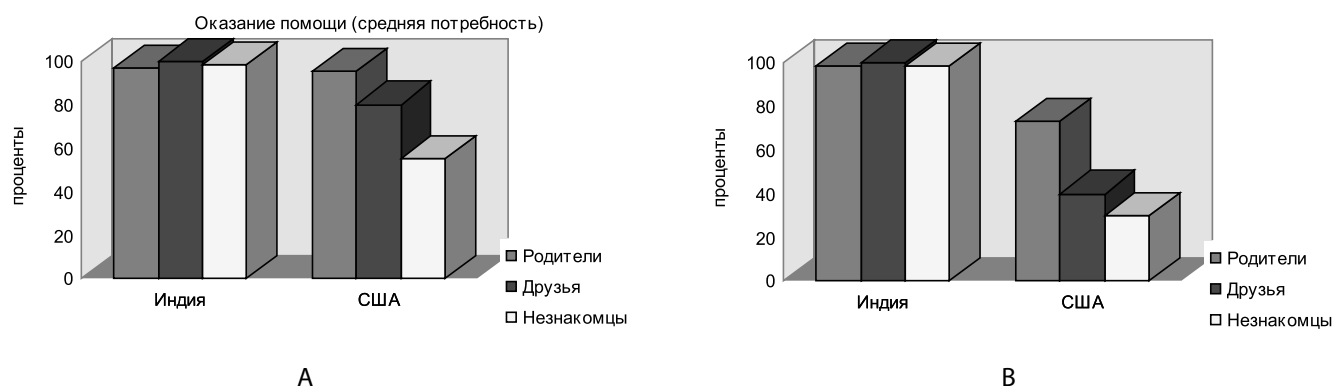

Рис. 1. А — Процент субъектов из Индии и США, которые считают помощь при средней потребности обязательной. В — Процент субъектов, считающих, что люди имеют право вмешиваться, если родитель, друг или незнакомец отказывают в помощи.

1995, 1998, др.). Дискурсивные практики, нацеленные на женские и мужские «Я» и воплощающие нормы обыденной морали, конструируют версии того, что должно быть приятно и неприятно женщинам и мужчинам, и, таким образом, подкрепляют специфические для обеих групп интенции (желания и стремления). Восприятие женщинами и мужчинами самих себя и их позиция в обществе зависят от того, как конструируются эти желания и нежелания, стремления к осуществлению или к избеганию тех или иных поступков. Феминные и маскулинные позиции, наша субъектность и идентичность формируются под действием дефиниций желаний, которые нас окружают и предписывают направленность наших стремлений. Эти конструкции, как отмечают исследователи, могут быть приятными и лестными, но от этого они не перестают быть репрессивными и не становятся более естественными (Coward R, 1984 from Potter, J. & Wetherell, M., 1987). Так, разведение понятий «желание» и «стремление», а также «желания и нежелания», «стремления» и «избегания» в социальном взаимодействии проявляется в различии форм организации межличностных контактов. Общественные нормы формируют в целом позитивный и в достаточной мере определенный желающий образ женщины, и скорее негативный и неопределенный — избегающий образ мужчины. Эти представления-образы естественным образом сказываются на построении личной и социальной идентичности, типах взросления. Женское взросление осуществляется в рамках социально определенного сценария, предполагающего необходимость развития социально-психологической компетентности и, в частности, такого ее компонента как диалогическая компетентность — умение и желание учитывать в повседневных поступках и переживаниях точку зрения другого человека. Мужское взросление во многом строится, исходя из стремления избежать женских форм поведения и реализовать соб-

ственный человеческий потенциал. Другой человек изначально выступает скорее как оппонент, мнение которого учитывается при необходимости и только потом, пройдя солидную «школу жизни», мужчина начинает понимать значение диалога, множественных позиций и точек зрения, начинает стремиться к «многоголосому» отражению происходящего.

Дж. Миллер полагает, что основной существующий сегодня раскол в понимании морали — не между мужчинами и женщинами на Западе, а между представителями индивидуалистских и коллективистских культур. Миллер предположила, что индийская культура, например, уделяет большее внимание, чем западная, обязательной заботе о других людях. Чтобы показать это, она спрашивала испытуемых из Нью-Хайвена, Коннектикута и индусов из Майсура (Индия), что они думают о человеке, которому не удалось выполнить просьбу другого. Одним говорилось о жизненно угрожающей нужде, другим — об умеренной потребности, третьим — о второстепенной потребности. Некоторым испытуемым сообщалось, что просящий о помощи был незнаком с человеком, который отказал ему в просьбе, другим сказали, что нуждающийся был лучшим другом, а третьим сказали, что отказавший был родителем просящего.

В этом исследовании американцы считали родителей морально обязанными помочь при умеренной и серьезной нужде своим детям, и при жизненно опасной ситуации — другу и незнакомцу. Но они не рассматривали главное действующее лицо морально обязанным помочь при умеренной или незначительной нужде незнакомцу или другу, или при незначительной нужде своим детям (Рисунок 1). Индийцы рассматривали главного героя как обязанного помочь (хотя и в разной степени) при любой нужде (Miller J. et al, 1990).

В другом исследовании Дж. Миллер спрашивала испытуемых из Индии и США, что должен делать человек, если он сталкивается с конфликтом между чувством чьим-то чувством долга перед человеком, с которым его связывают близкие отношения и общий моральный долг. Например, испытуемого просили представить себе, что он в Лос-Анджелесе и при нем обручальное кольцо его лучшего друга, и предполагалось, что он должен доставить кольцо другу в Сан-Франциско, но у него нет денег на билет. Дилемма в следующем: должен ли он украсть билет у другого пассажира? Результаты показали, что в США в пользу межличностного выбора были сделаны 40% выборов, 60% — в пользу требований справедливости, и, напротив, 80% индусов склонили свое мнение США в пользу межличностного выбора (Miller J. et al, 1992). Очевидно, что хинди больше внимания уделяют отношениям, чем требованиям абстрактной справедливости.

Исследования Дж. Миллер открыли другое интересное различие между американцами и хинди. Хинди считают, что если выбор для человека из этой истории был правильным, то должно быть моральное право, толкающее человека совершить этот выбор (или препятствующее совершить неправильное действие). У американцев другая точка зрения. Хотя они считали, что главный герой имеет объективное моральное требование, например, украсть билет, — они не считают, что кто-либо имеет право заставлять личность сделать это. Т.о. они видят разницу между тем, что морально правильно или неправильно и тем, что вынужденно.

Т.о., еще одна характеристика нашей индивидуалистической культуры — это сильный запрет на вмешательство в право других людей принимать моральные решения и предпринимать действия, которые следуют из этих решений, даже если мы думаем, что другие люди не правы в своем решении.

Таким образом, отметим, что **понимание** коллективистических культур индивидуалистическими, предполагает понимание того, что:

- ◆ Во многих случаях межличностная реальность (отношения) важнее внутренней и внешней (объективной) реальности,
- ◆ Коллективизм имеет свои плюсы: свобода как возможность время от времени менять свои

взгляды, умение сказать миру нет разными способами, возможность уделять много времени выражению чувств к другим людям, интересоваться их мнением, всегда имеющаяся возможность измениться и исправиться.

- ◆ Важно обдумать, как в той или иной ситуации человек иной культуры воспринимает внутреннее, внешние и межличностные слои взаимодействия. Надо сосредоточить внимание не на собственном понимании, а на возможных контрастах восприятия ситуации другим человеком.
- ◆ Больше внимания надо уделять невербальному общению.

Реализация желания **изменить человека иной культуры**, помочь ему предполагает:

- ◆ Необходимость формулировать высказывания так, чтобы вызывать у него позитивные чувства (принятие).
- ◆ Учиться использовать извинения: как для смягчения фразы (вежливость), так и для того, чтобы предотвратить или суметь вовремя исправить ошибки.
- ◆ Перед принятием решения учитывать альтернативные мнения и оценки, а также нормы принятия решений, распространенные в культуре клиента.
- ◆ Предлагать клиенту менее директивный и менее четко направленный, чем в общении с представителями собственной группы, стиль общения.
- ◆ Говорить «нет» не прямо, а по возможности используя специальные конструкции, контрвопросы и т.д., использовать принятые в той или иной культуре специальные конструкции ритуально-вежливого общения.

Гендерные и кросс-культурные стереотипы морального поведения имеют ряд общих черт, если рассматривать такой важный параметр как коллективизм-индивидуализм. Вместе с тем, этнокультурные стереотипы оказываются понятием более широким, чем гендерные стереотипы нравственного осмысления мира и общения с другими людьми. Однако гендерные стереотипы и основанные на них способы и феномены взаимодействия полов могут выступать как одна из моделей исследования стереотипов этнокультурных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: Academia-центр, 1995. Джерджен К. Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. — М.: ИНИОН РАН, 1995. — С. 51–73.
2. Верч Дж. Голос разума. — М.: Тривола, 1996. — 176с.
3. Феминизм: Восток. Запад. Россия. — М.: Наука, 1993. — 310с.
4. Berry J. et al. Cross-cultural psychology: Research and applications. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. — 230p.

5. Berry J. W. Psychology of acculturation. // *Applied cross-cultural psychology*. / Ed. by Brislin R. — Newbury Park, CA: Sage, 1990. — P. 232–253.
6. Boyd-Franklin N. Black families therapy: A multisystems approach. — N.-Y.: Guilford Press, 1989. — 210p.
7. Brislin R. W., Yoshida T. The content of cross-cultural training. An introduction. // *Improving intercultural interactions: Modules for cross-cultural training programs*. / Eds. by R. W. Brislin, T. Yoshida. — Newbury Park, CA: Sage, 1994. — 360p. — P. 1–14.
8. Cormier L. Sh., Cormier W. H. Interviewing strategies for helpers. *Fundamental skills and Cognitive Behavioral Interventions*. — Calif., Pacific Grove: Brooks/Cole Publishing Company, 1991. — 670p.
9. Dana R. H. Multicultural assessment perspectives for professional psychology, — Boston: Allyn&Bacon, 1993. — 210p.
10. Dana R. H. Understanding cultural identity in intervention and assessment- L.: Sage, 1998. — 272p.
11. Derne S. Beyond institutional and impulsive conceptions of self: Family structure and socially anchored real self. // *Ethos*, 1992. — 20, 259–288.
12. Des Pres T. The survivors: An anatomy of the death camps. New York: Oxford University Press. 1976. — 240p.
13. Feminism and discourse. / Ed. by S. Wilkinson, C. Kitzinger. — L.: Sage, 1995. — 208p.
14. Gender and discourse. / Ed. by R. Wodak. — L.: Sage, 1997. — 320p.
15. Gilligan C. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. — 240p.
16. Goldberg P. A women prejudiced against women? // *Transaction*. — 1968. — April. — P. 28–30.
17. Gudykunst W., Ting-Toomey S. Culture and interpersonal communication. — Newbury Park, CA: Sage, 1990. — 230p.
18. Hall E. T. Beyond culture. — N.-Y.: Doubleday, 1976. — 310p.
19. Hofstede G. Culture's consequences. — Beverly Hills, CA: Sage, 1980. — 240p.
20. Horner M. S. Femininity and successful achievement: A basic inconsistency. // *Feminine personality and conflict*. / Eds. by J. M. Bardwick et al. — Monterey, CA: Brooks/Cole, 1970. — 210p.
21. Hui C. H. Measurement of individual-collectivism. // *Journal of Research in Personality*, 1988. — 22, 17–36.
22. *Improving intercultural interactions: Modules for cross-cultural training programs*. / Eds. by R. W. Brislin, T. Yoshida. — Newbury Park, CA: Sage, 1994. — 360p.
23. Jamrozic A., Boland C. Social welfare policy for a multicultural society. — Canberra, Australia: Policy Options Paper, Department of the Prime Minister, 1988. — 140p.
24. Jenkins J. O., Ramsey G. A. Minorities. // *The clinical psychology handbook*. / Eds. by M. Hersen, A. E. Kazdin, A. S. Bellack. — N.-Y.: Pergamon, 1991. — P. 724–740.
25. Kelly R. M. The gendered economy: Work, careers and success, 1991. — 280p.
26. Koenig F. Sex attribution to hypothetical persons described by an adjective trait list: A replication // *Perceptual and Motor Skills*, 1995. — V. 81. — 3. — P. 723–730.
27. Kohlberg L. From is to ought: How to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development. // T. Mishel (Ed.). *Cognitive development and epistemology*. New York: Academic Press. 1971
28. Kohlberg L., & Hersh R. H. Moral development: A review of the theory. // *Theory into Practice*, 1977. — 16, 53–59.
29. Kohlberg L., Kramer R. Continuities and Discontinuities in Child and Adult Development // *Human Development*. — 1969. — 12. — P. 93–120.
30. Locke D. C. Increasing multicultural understanding: A comprehensive model. — L.: Sage Publ., 1994. — 150p.
31. Loevinger J., Wessler R. Measuring Ego Development. San Francisco, 1970. — 230p.
32. Markus H. Self-schemata and processing information about the self. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977. — 35. — P. 63–78.
33. Markus H. Smith J., Moreland R. L. Role of the self-concept in the perception of others. // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1985. — V. 49. — P. 1494–1512.
34. Markus H. R., & Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991. — P. 244–253.
35. Mauro R., Sato K., & Tucker J. The role of appraisal in human emotions: A cross-cultural study. // *Journal of Social Psychology*, 1992. — 62, 301–317.
36. Mauss M. A category of the human mind: // *The notion of person: The notion of self*. / Tr. W. D. Halls. — M. Carrithers S. Collins & S. Lukes (Eds.). — The University Press. 1938/1985. — 260p.
37. Miller J. G. Culture and the development of everyday social explanation. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. — 46, 961–978.
38. Miller J. G., Bersoff D. M. Culture and moral judgement: How are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. — 62, 541–544.
39. Miller J. G., Bersoff D. M., & Harwood R. L. Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. — 58, 33–47.
40. Myers D. G. *Social Psychology*. Fourth edition. — N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1993. — 582p.
41. Paniagua F. A. Assessing and treating culturally diverse clients: A practical guide. — L.: Sage Publ., 1994. — 140p.
42. Paniagua F. A., Baer D. M. A procedural analysis of the symbolic forms of behavior therapy. // *Behaviorism*. — 1981. — 9. — P. 171–205.
43. Pedersen P. *Handbook of cross-cultural counseling and therapy*. — Westport, CT: Greenwood Press, 1987. — 400p.
44. Pedersen P. Multicultural counseling. // *Improving intercultural interactions: Modules for cross-cultural training programs*. / Eds. by R. W. Brislin, T. Yoshida. — Newbury Park, CA: Sage, 1994. — 360p. — P. 221–240.
45. Sears D. O., Peplau L. A., Taylor Sh. E. *Social psychology*. — Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1991. — 634 p.
46. Shechter R. A. Voice of hidden minority: Identification and transference in the cross-cultural working alliance. // *American J. of Psychoanalysis*. — 1992. — 52 (4). — P. 339–349.
47. Simons R. C., Huges C. C. Cultural bound syndromes and mental illness. // *Culture ethnicity and mental illness*. / Ed. by A. C. Gaw. — Washington, DC: American Psychiatric Press, 1993. — P. 75–93.
48. Smetana J. G., Schlagman N., & Adams P. W. Preschool children's judgments about hypothetical and actual transgressions. // *Child Development*, 1993. — 64, 202–214.

49. Street S., Kimmel E., Kromrey J. D. Revisiting university student gender perceptions // *Sex Roles*, 1995. — V. 33. — (3–4). — P. 183–201.
50. Sue D.W. et al. *Multicultural counseling competencies* — L.: Sage, 1998. — 176p.
51. Sue S et al. Community mental health services fo ethnic minority groups.// *J. of Consulting and clinical Psychology*. — 1991. — 59. — P. 433–540.
52. Ting-Toomey S. A face negotiating theory.// *Theory in intercultural communication*. / Eds. by J. Kim, W. Gudykunst. — Newbury Park, CA: Sage, 1988. — 250p.
53. Turel E. Distinct conceptual and developmental domains: Social convention and morality.// C. B. Keasey, (Ed.). *Nebraska symposium on motivation*. -Lincoln: University of Nebraska Press. 1977. — V. 25, P. 77–116
54. Tyler F., Susswell D., Williams-McCoy J. Ethnic validity in psychotherapy.// *Psychotherapy*. — 1985. — 22. — P. 311–320.
55. Weisz J.R., Rothbaum F. M., & Blackburn T. C. Standing out and standing in: The psychology of control in America and Japan.// *American Psychologist*, 1884. — 39, 955–969.
56. Weston D.R., & Turiel E. Act-rule relations: Children’s concepts of social rules. // *Developmental Psychology*, 1980. — 16, 417–424.
57. Wohl J. Integration of cultural awareness into psychotherapy.// *American J. of Psychotherapy*. — 1989. — V.53. -N.3. -P.343–356.
58. Yamamoto J. et al. *Cross-cultural psychotherapy.// Culture ethnicity and mental illness*. /Ed. by A. C. Gaw. — Wachington, DC: American Psychiatric Press, 1993. — P. 101–124.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ И ПРОФИЛАКТИКИ СИТУАЦИЙ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

VICTIMIZATION: WAYS OF PROTECTION AND PREVENTION OF SITUATIONS OF SEXUAL VIOLENCE

M. Arpentieva

Summary. The relevance of the themes of the Anna article due to the fact that the interest to victimization behavior in our country and abroad is quite high. Violence becomes the measure of social «development» increasingly frequent and varied, and people's need for preserving individual freedoms and privacy and security — is growing.

Therefore, this article describes the main methods of protection and prevention of situations of sexual violence in different situations

Keywords: victimization, violence, sacrifice, personal freedom, security of the person.

Арпентьева Мариям Равильевна

*Д.псх.н., доцент, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru*

Аннотация. Актуальность темы анной статьи обусловлена тем фактом, что интерес к виктимному поведению в нашей стране и за рубежом достаточно высок. Ситуации насилия становятся по мере социального «развития» все более частыми и разнообразными, а потребность людей в сохранении личностной свободы и приватности и безопасности — растет.

Поэтому в данной статье рассмотрены основные способы защиты и профилактики ситуаций сексуального насилия в различных ситуациях

Ключевые слова: виктимное поведение, насилие, жертва, свобода личности, безопасность личности.

Виктимология интересуется тем, как поведение и психологические характеристики жертвы влияют на развитие и исход криминальной ситуации, ситуации насилия. При этом основная тенденция, свойственная как научному, так и обыденному мышлению, заключается в том, чтобы рассматривать виктимное поведение: поведение жертвы, — отдельно от поведения агрессора или «преследователя». И чаще всего — как поведение лишённого собственной активности объекта, а не субъекта. Однако действительно серьёзный анализ этой проблемы связан с рассмотрением по крайней мере пары отношений: «жертва-преследователь». На самом же деле, помимо этих двух персонажей обыденных социальных драм разного уровня сложности и криминальности, во взаимодействии жертвы и её преследователя всегда: явно или не явно, — включено третье лицо. Этот некий наблюдатель или посредник («спаситель») представлен либо конкретным лицом, либо обществом в целом. Спаситель замыкает «треугольник власти», в который включены Жертва и Преследователь. Именно он является основным интерпретатором процессов, происходящих между жертвой и её преследователем. И именно ему мы обязаны столь распространённым и мифами о том, что:

- ♦ жертва всегда так или иначе провоцирует преследователя (ведут себя неосторожно, подсознательно стремятся реализовать свои «сексуальные» фантазии, открыто провоцируют преследователя),

- ♦ преследователя (особенно преследователя-маньяка) несложно распознать по специфическим поведенческим особенностям,
- ♦ преследователь — человек заслуживающий только наказания, но не сочувствия, или, —напротив, его нужно скорее пожалеть, попытаться понять, что (какая психическая травма) привело его на этот путь,
- ♦ жертву, которую испачкало прикосновение «насильника» следует пожалеть и т.д. (Агеев В.С., 1990, Кравцова О.А., 1999, Антонян Ю.М., Голубков В.П., Кудряков Ю.Н., 1990, Пайнз Д., 1997, др.).

За каждым из этих мифов часто стоит элементарный страх:

- ♦ оказаться на месте этой самой жертвы и быть лишённой возможности сопротивляться насилию, нежелание представлять и готовится к столь травматичному для каждого современного человека опыту, как опыт насилия («Со мной бы такого никогда не случилось»),
- ♦ быть осуждённым в ситуации, когда по той или иной причине человеку самому «придется» стать преследователем.

Исходя из этих представлений принимается решения:

- а) о необходимости спасения,
- б) способе спасения «жертвы».

Однако разделение людей на «преследователей» и «жертв» изначально заложено и закреплено в особенно-

стях языкового описания картины мира. Понятию «жертва», вопреки сознательной оценке ситуации насилия, часто оказываются семантически близки такие конструкты как «слабый», «испачканный», «тусклый», «пассивный», «женский», — то есть «плохой». Понятию «преследователь», напротив, — «сильный», «яркий», «активный», «мужской» — то есть, в конечном счете, «хороший».

Психологически грамотная позиция по отношению к насильнику, как это ни парадоксально, — попытаться понять его. Попытки жертвы понять свое собственное поведение, выявить, что именно в ее манере поведения и поступках вызывает агрессию и может провоцировать «преследователя» эффективны преимущественно в целях и на этапе профилактики ситуаций насилия. В момент нападения же основная задача, стоящая перед жертвой — правильно выбрать тактику поведения по отношению к напавшему. Как правило, именно правильный выбор стратегии поведения определяет результат встречи. Наиболее бесперспективной является ситуация, когда жертва оказывается полностью парализованной страхом и не способна контролировать не только действия насильника, но и свои собственные поступки.

Первое, что нужно помнить жертве это то, что насильник **не слушает ее**. Он слышит и увлечен только собой, своим, чаще всего довольно неприятным, разрушающим его веру в людей и доверие к себе, «сном». То, как, с какой стороны, преследователь нападает, помогает **определить** и **способы наиболее эффективной борьбы** с ним. Нападая, преследователь раскрывается, демонстрируя свои «слабые» и уязвимые места.

Однако самым эффективным способом является **уход от контакта, тех провокаций**, которые насильник создает, чтобы направить ваш с ним контакт по определенному и желательному для него сценарию. Для этого вам нужно постараться либо вовсе **не слушать насильника, вести себя** прямо противоположно тому, как это принято в обществе, и настолько **«странно и шокирующее»**, насколько вы можете. Либо вы можете **слушать: но — только факты**. Не обращайте внимания на оценки, которые преследователь дает вам, себе, другим людям, «безнадежности ваших попыток к бегству» и т.д..

Если же вы уже «попались» и убежать поздно, вы это отчетливо осознали, попытайтесь **осознать способ, с помощью которого вас загнали в ловушку**. В этой ситуации слушать его надо очень внимательно, обращая внимание на: **а) факты, б) способ их интерпретации**.

В любом случае это ослабит эмоциональный шок и позволит взглянуть на ситуацию более целостно и здраво, оценить возможные способы бегства и/или преобразования ситуации насилия.

Далее есть два возможных пути:

- а) использовать полученную информацию против «преследователя»,
- б) «подключившись» к насильнику, разделив на каком-то этапе его фантазии, уверенно изменить соотношение сил и саму ситуацию, изменив ход задуманного им сценария.

Однако довольно хорошо известно, что среди преследователей не так уж и мало людей с высокими умственными способностями. И жертву может ждать сюрприз: способ нападения, который транслирует насильник, может оказаться лишь способом вывести ее слабые места: чтобы эффективнее манипулировать вами. В этой ситуации отбрасывать ранее полученные данные не следует, нужно лишь попытаться заново их интегрировать. Попытки скрыть себя, разного рода **умолчания**, отражают нас подчас ярче, чем все сказанное и выраженное нами. Надо обращать особое внимание на темы, которых преследователь избегает, постоянно контролировать характер его ответов: искренен ли он, говорит ли он правду, или предоставил в распоряжение жертвы очередную маску.

В ряде исследований подчеркивается важность того, чтобы жертва имела представление о различных типах насильников. «Преследователей» можно разделить на ряд подтипов:

- ◆ тиран, характеризующийся изначальным подозрительностью и недоверием к людям и самому себе,
- ◆ «учитель», рассматривающий себя как человека исключительно свободного, «элитарную», утонченную личность,
- ◆ человек, боящийся всех и вся, практически постоянно находящийся в депрессивном состоянии, но тщательно скрывающий эти обстоятельства от других,
- ◆ «обычный», конформный субъект, имеющий ряд «извиняющих» вспышки насилия обстоятельств (алкоголь, наркотики, профессиональные или семейные трудности, стрессы и т.д.).

В отношении ситуаций, когда преследователь выходит за рамки законных действий выявлено два наиболее часто встречающихся в реальной практике и на страницах научных исследований типа. К первому типу относятся лица, которым свойственны сниженный порог фрустрации, недостаточная эмоциональная устойчивость, импульсивность, легкость актуализации чувства враждебности и агрессивных тенденций. Вследствие этого значительный класс ситуаций, расцениваемый большинством людей как эмоционально нейтральные, воспринимается ими как личностно значимые, остро

конфликтные, требующие немедленного активного участия.

Их жизнедеятельность протекает в поле конфликтного противостояния, в результате чего установки на конфронтацию, деструктивное взаимодействие являются постоянно активизированными, а насильственное разрешение периодически воспроизводящихся конфликтов становятся привычными, стереотипизированными и наиболее отработанным способом их реагирования. При этом отмечается сниженная способность этих субъектов к объективному анализу конфликтов и причин их возникновения, характера и особенностей собственной роли в нем. Ввиду присущей им склонности к непосредственному отреагированию возникающих агрессивных тенденций конфликтные ситуации, как правило, не носят затяжного характера, отличаются кратковременностью протекания, эти люди как бы «переходят» из одного конфликта в другой в ответ уже на новый раздражитель.

Второй тип образуют лица, для которых характерны аффективная ригидность, склонность к фиксации на препятствии, обидчивость, злопамятность. В силу этих свойств возникает повышенная «предрасположенность» к попаданию в длительные психотравмирующие конфликтные ситуации, для адекватного разрешения которых у этих лиц не имеется достаточных личностных ресурсов. При этом осуществляемая ими активность, формально направленная на конструктивное разрешение ситуации, из-за указанных личностных особенностей фактически является непродуктивной, представляет собой тиражирование негибких, стереотипных («лобовых») приемов — не выходящих за рамки конфликтов, не ведущих к их объективному разрешению. В этих случаях собственные усилия расцениваются как единственно возможные и оптимальные, отмечается значительное снижение способности к поиску альтернативных нестандартных способов преодоления фрустрирующих обстоятельств, а реалистичность оценки предпринятых действий, позиции другого участника конфликта и всей ситуации в целом значительно падает. При дальнейшей эскалации межличностного противостояния рассогласованность объективного развития событий и личностных ожиданий может привести к резкому нарастанию эмоционального напряжения с последующим аффективным агрессивным взрывом.

Каждый тип насильника обычно стремится выбрать определенный тип жертвы. Особенности кадего из типов могут подстказать оптимальные способы профилактики нападений со стороны кадего из типов и конкретные меры защиты в ситуации нападения.

В. П. Илларионов (1993) отмечает, что в ситуации переговоров и обыденном деловом взаимодействии пси-

хологическое обеспечение безопасности делового общения предполагает:

1. Знание основных психологических мотивов обращения людей с лицами, создающими экстремальную ситуацию: а) личностных: эмоциональных, невротическо-психопатологических и корыстных; б) политико-идеологических,
2. Знание рекомендаций по ведению переговоров с кадегой из групп лиц, создавших экстремальную ситуацию, ситуацию насилия.
3. Одной из важных задач в рамках рассмотрения проблем безопасности является воспитание «личности безопасного типа» (В. Сапронов (по Пацакула И. И., 1999)). Личность безопасного типа способна не только выжить в опасных ситуациях сама, но и помочь выжить окружающим.

В любой ситуации альтернативой манипуляции остается творческая манипуляция: осознанное и умелое стремление к нарушению ритуалов обыденного профессионального и интимно-личностного взаимодействия, рефлексия тех «иррациональных верований» и «мифов», которыми в изобилии пропитано наше повседневное общение.

Особый тип насилия представляют собой ситуации, в которых само насилие является для насильника всего лишь средством получения возможно более полного контроля над всеми поступками и сознанием другого человека (для чего, например, предназначена всем известная «техника промывки мозгов»). В этом случае противостоять насильнику, методично и постоянно воздействующему на человека, достаточно сложно. Но не невозможно. Важно понимать, что любой навязываемый вам поведенческий ритуал, вопреки распространенному мнению о том, что можно контролировать тело, не контролируя душу,— позволяет, как, например, показали результаты эксперимента Ст. Милграма (1963, 1965, 1974 и др.), воздействовать на вашу личность в целом (ibid. Myers D., 1993 и др.). Цель насильника — а) для начала просто заставить вас говорить и что-то делать, б) затем — говорить и делать что-то определенное, в чем и состоит его истинная цель. Яркой иллюстрацией служат фашистские концлагеря: превратить человека в животное, предмет и заставить его поверить в собственную «предметность». Именно поэтому, как свидетельствуют В. Франкл (1990) и ряд других исследователей), в застенках концлагерей выживали не столько физически сильные и крепкие люди, сколько люди, хорошо ориентирующиеся в собственном духовном мире, способные осознавать реальные цели других людей, с развитой рефлексией.

О значении насильно навязываемых людям убеждений свидетельствуют воспоминания бывших узников

фашистских концлагерей. Они рассказывают, что охранники изо дня в день внушали узникам, что у них нет никакой надежды на освобождение, и лишь смерть может открыть дверь лагеря. В конце концов, многие заключенные начинали испытывать чувства безнадежности и беспомощности, что приводило к их быстрой гибели.

Общее правило выживания таково: чтобы выжить в той или иной ситуации, нужно ее изучать. Чем напряженнее, серьезнее и травматичнее ситуация, в которую попал человек, тем большие усилия требуется приложить к осознанию происходящего. Но осознание актуально происходящего важно всегда. С одной стороны, даже повседневное и иногда практически не заметное даже самой жертве насилие может привести к целому ряду деструктивных для ее личности последствий. С другой стороны, осознание — важное условие психологического здоровья человека вообще. Оно обеспечивает внутреннюю конгруэнтность, целостность субъекта, дает возможность человеку развиваться. Для того, чтобы человек был здоров, страх знания не должен быть сильнее «воли к смыслу» и «потребности в знании» (Маслоу А., 1997, Мей Р., 1997, Роджерс К., 1991, 1994, Цвейг С., 1993, Хохряков Г. Ф., 1990, Maslow А., 1963 и др.).

В ситуации, когда момент насилия уже позади, и вам нужно «выбираться», попытайтесь определить те иррациональные предпосылки, которые лежат в основании ваших оценок происшедшего, оценок и переживаний ваших близких. Особенно важным это является в наших условиях: жертва сексуального насилия, например, доказывая сам факт изнасилования и пытаясь привлечь насильника к ответственности, неизбежно сталкивается с «вторичной виктимизацией». Вторичная виктимизация является результатом необходимости давать отчет, рассказывать о происшедшем, участвовать в ситуации допроса и опознания и т.д. (О. А. Краснова, 1999)

Конструктивная переработка деструктивного опыта требует соблюдения ряда условий: а) **необходимость «помнить себя»:** сознавать реальные причины своих поступков и реальные переживания, б) способностью к **трансформации страдания: возрастания** терпимости к абсурдности некоторых фрагментов своей жизни, со способностью преодолевать ту боль, которая прежде была невыносимой, смотреть поверх боли.

- ◆ Боль помимо того, что доставляет удовольствие преследователю, доказывая ему, что он обладает над вами контролем,
- ◆ служит для того, чтобы заставить вас перестать думать, ограничить возможный спектр ваших переживаний чувством вины и неполноценности.

Сохранить себя в этой ситуации значит:

- а) отмежеваться от переживаний преследователя,

- б) разграничить себя и собственную боль для того, чтобы попытаться осмыслить ее.

Существует ряд **техник, облегчающих противостояние насильнику и экстремисту в повседневном деловом и личностном общении.** Приведем одну из них в виде тренингового упражнения (Жуков Ю. М., Петренко А. Е., 1995).

Все члены тренинговой группы разделяются инструктором попарно.

Каждая пара получает возможность проведения диалога с использованием наушников и микрофонов без визуального контакта. Остальные члены группы контролируют ход развития диалога также без визуального контакта с говорящими.

Участник тренинга, исполнявший роль «экстремиста» получит фиксированное задание на уровне алгоритма (заставить партнера согласиться с выдачей денег в определенное время, определенную сумму, на определенных условиях). Второй участник получает инструкцию на ведение диалога таким образом, чтобы изменить условия, навязываемые «экстремистом» или затянуть ведение переговоров на определенное время.

Второй участник тренинга также получает инструкцию на запоминание характерных признаков голоса и речи «экстремиста», а также сопровождавших диалог фоновых звуков для дальнейшей фиксации этого в специально разработанной памятке.

Памятка участникам

Некоторые контрмеры против недобросовестных приемов в деловом общении:

- ◆ задайте вопрос;
- ◆ пропускайте некоторые враждебные замечания мимо ушей;
- ◆ используйте враждебные замечания в положительных целях;
- ◆ записывайте сказанное;
- ◆ раскройте их тактику, показав им, что вы ее поняли;
- ◆ попросите их изложить то же самое позитивно;
- ◆ говорите спокойно;
- ◆ прибегайте к юмору;
- ◆ меняйте направление;
- ◆ согласитесь обсудить это позднее;
- ◆ попросите перерыва;
- ◆ «покажите мне, почему это справедливо»;
- ◆ «пожалуйста повторите, как вы услышали мои слова»;
- ◆ «можем мы обсудить это наедине?».

Еще одно упражнение — «Техника отказа».

Участники делятся на две одинаковые по численности группы и рассаживаются друг против друга. Участники одной группы должны придумать какое-нибудь деловое предложение, и сообщить его своему партнеру. Партнер же должен ответить отказом, причем сделать это нужно трижды,

- ◆ первый раз сказать: «Нет, потому, что...»,
- ◆ второй раз: «Да, но...»,
- ◆ в третий раз: «Да, если Вы...».

Продуктивность данной техники связана с тем, что она дает возможность включить в речевую ткань диалога любые шаги в сторону разрешения конфликта. Особое значение при этом имеет подчеркивание мужских эталонов поведения, чести, достоинства, верности данному слову и т.д.

Необходимо умело использовать важнейший инструмент адаптивного поведения, глубоко заложенный в инстинктивную структуру психики человека — страх, неподвластный зачастую словесно-логическому мышлению, находящийся в «нижних этажах» мозга. Страх, как осознание ответственности за свои действия.

Испытанным приемом получения психологического выигрыша является использование возможностей рефлексии — «поставить себя на место лица, создающего экстремальную ситуацию». Понять «изнутри» другого — ход его мыслей, эмоции страха и ожидания, уверенность в одном и радость в другом — означает уже известную степень управления поступками другого человека.

Л.Б. Филонов выявил шесть стадий, значимых для сближения в условиях затрудненного общения, которые представляют законченные циклы формирования отдельных образований у каждого участника взаимодействия (по Петренко А. Е., 1995). В их основе лежит частная готовность к принятию воздействия, «удовлетворение индивидуальных ожиданий» по пути к «достигающему» воздействию. Это стадии:

1. накопления согласий;
2. поиска совпадения интересов;
3. принятия принципов и свойств личности, предлагаемых для общения;
4. выявление характеристик, опасных для общения;
5. индивидуального воздействия и регуляции поведения;
6. выработки общих правил и взаимодействия.

На основании практики специалистами выработаны некоторые рекомендации по поведению и аргументации ведущего переговоры с лицами, создающими экстремальную ситуацию, например, в общении с террористами.

Для снятия напряженности и создания обстановки благоприятной для ведения переговоров важны:

- ◆ выражение внимания и серьезности при изложении первоначальных требований, даже если некоторые из них неприемлемы;
- ◆ демонстрация спокойствия, позволяющего сделать вывод, что решительные меры приниматься в данный момент не будут;
- ◆ внушение уверенности в благоприятном исходе, в случае, если будут соблюдаться договоренности сторон;
- ◆ детальное обсуждение требований лиц, создающих экстремальную ситуацию, показывающее, что все они оцениваются с точки зрения возможности их выполнения;
- ◆ отсутствие эмоциональных оценок и слов типа «бандиты», «возмездие», «негодяи» и пр.

Для установления психологического контакта:

- ◆ персонифицировать участников переговоров, назвать себя и попросить как-то представиться другую сторону.
- ◆ попытаться подстроиться под лексический строй другой стороны, вести диалог на доступном для нее уровне;
- ◆ апеллировать к проявлению положительных качеств личности — проявление гуманности к заложникам, показать, что от этого зависит ход переговоров;
- ◆ в какой-то удобный момент в уместной форме проявить сожаление, что пришлось прибегать к такому способу действий.

Для получения информации о лицах, создающих экстремальную ситуацию:

- ◆ стремиться к личному контакту в начале переговоров или на каком-то этапе, принимая в расчет и вопросы собственной безопасности;
- ◆ задавать вопросы, требующие развернутого ответа, стимулировать к обсуждению всех возможных проблем;
- ◆ внимательно слушать и желательно документировать с помощью технических средств;
- ◆ анализировать особенности речи и голоса, интонацию, паузы, акцент, а также, если есть возможность обращать внимание на жесты, мимику и другие невербальные параметры общения;
- ◆ постараться оценить психическое состояние лиц, создающих экстремальную ситуацию, наличие стресса, степень контроля над собственным поведением, логичность и связность мышления.

Для убеждения и аргументированного изложения позиции:

- ◆ согласиться с некоторыми взглядами и идеями, которые можно поддержать хотя бы из тактических соображений;
- ◆ сначала обсудить то, что больше всего волнует лиц, создающих экстремальную ситуацию;
- ◆ четко формулировать позиции, формировать достигнутые договоренности;
- ◆ обсуждать аргументы каждой из сторон применяя логические законы, например, используя фразы «допустим я это сделаю...», свести к абсурду явно невыполнимые требования или путем постановки серии вопросов, требующих однозначных ответов от лиц, создающих экстремальную ситуацию, заставить их самих дать устраивающий ответ.

В обыденных взаимоотношениях можно воспользоваться правилами, сформулированными в ре-терапии. RE-терапия, созданная В. Guemey (Relation Enhancement

therapy, *îãðãããããããããã ãã* «увеличение, возрастание отношений»), по своей сути является способом изменения личности и межличностных отношений путем научения (Яковлева С.В., 1998). В этом подходе человека обучают достигать сознательного контроля над тем, что раньше было для него бесспорным в межличностных отношениях. Предполагается, что если человек знает, какие ответные чувства вызывает его отклик на их высказывания, он может использовать свое поведение для достижения осознанных целей..

Для этого человека обучают навыкам эмпатии, экспрессивному умению (умению выразить себя), дискуссионно-переговору умению, умению решать межличностные проблемы и конфликты, самоизменяющемуся умению, умению помочь изменениям других, обобщающему умению (поддержанию этих умений на уровне постоянной готовности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Голубков В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилование: причины и предупреждение. — М.: Юридлит, 1990. — 210с.
2. Атватер И. Я вас слушаю. — М.: Экономика, 1988. — 110с.
3. Волков Е. Н. Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1997. — № 1. — С. 102–109.
4. Илларионов В. П. Переговоры с преступниками. — М.: Юридлит, 1993. — 280с.
5. Петренко Е. А. Проблема безопасности в деловом общении. — Дипл. работа. — М.: МГУ, 1995. — 57 с.
6. Ташева А. И. Сексуальные оскорбления в современной американской семье. // Психологический вестник РГУ. Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. — Вып. 1. Часть 2. — С. 37–51.
7. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. — М.: Юридлит, 1991. — 290с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./ Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. -М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
9. Яковлева С. В. Психологическое консультирование: теория и процесс. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1998. — 176с. — С.82–87.
10. Janoff-Bulman R. Assumptive Worlds and the stress of traumatic events.// Social Cognition. — 1989. — V.7. — № 2. — P. 135–146.
11. Maslow A. The need to know and fear of knowing.// J. of General Psychology.-1963.-V.68.-P.111–124.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАССКАЗЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД ПСИХОКОРРЕКЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

NARRATIVE ACTIVITY AS A METHOD OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF BEHAVIOR OF CHILDREN OF PRESCHOOL AGE

N. Belevich

Summary. The article is devoted to a complex analysis of the influence of narrative activity on the development of the personality and mental functions of a preschooler. Consequently, there is an increase in the level of general and social intelligence that promotes more successful socialization in society, and also affects the emotional state in general. The basic principles of the influence of the story and narrative activity on mental functions and the personality are the basis for psychocorrectional work with children of preschool age.

Keywords: communication, story, narrative activity, imagotherapy, emotional development, preschooler.

Белевич Наталия Александровна

*К.псх.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия
n-2012@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния рассказческой деятельности на развитие личности и психических функций ребёнка дошкольного возраста. Вследствие этого происходит повышение уровня общего и социального интеллекта, что способствует более успешной социализации в обществе, а так же влияет на эмоциональное состояние в целом. Основные принципы влияния рассказа и рассказческой деятельности на психические функции и на личность положены в основу психокоррекционной работы с детьми дошкольного возраста.

Ключевые слова: коммуникация, рассказ, рассказческая деятельность, имажотерапия, эмоциональное развитие, интеллектуальное развитие, социализация, дошкольник.

Рассказ как интегративный психический процесс

Термин «Рассказ» в его жанровом значении обычно применяется ко всякому небольшому повествовательному прозаическому литературному произведению с реалистической окраской, содержащему развернутое и законченное повествование о каком-либо отдельном событии, случае, житейском эпизоде и т.п. [3, с.652]. Для нас рассказ интересен тем, какие процессы в развитии личности человека он затрагивает. Первые работы посвященные изучению рассказческой деятельности были связаны с театральным искусством. Одним из основоположников изучения этого вопроса был Николай Сергеевич Говоров, который будучи актёром, практически всю свою жизнь посвятил экспериментальным поискам «большой жизненной правды на сцене», продолжая дело великих русских актёров Щепкина, Прова Садовского, Горбунова, Андреева-Бурлака, Вахтангова, Закушняка, Станиславского. Первоначально, на интуитивном уровне он делал это в области театрального искусства и понял, что рассказ — это главное звено всего процесса общения людей. Отличительной чертой работ Н. С. Говорова является тот факт, что после продолжительных поисков истины по данной теме, он перешёл к поиску научного обоснования и фундаментом для такого поиска послужили работы Б. Г. Ананьева. [2, с. 7]

Таким образом понятие «рассказ из литературы переходит в плоскость психологии, т.к. является развернутой формой речи, содержит в себе определённый объем информации о чём-либо. Рассказ как действие можно определить как вид психологической деятельности, которую Н.С. Говоров определил как «рассказческая деятельность» [2, с. 263]. Надо отметить, что рассказческая деятельность несколько отличается от известного понятия «коммуникативная деятельность». Основным содержанием рассказческой деятельности также является передача информации, в процессе которой рассказывающий через процесс осознания действительности выделяет из потока явлений определенные факты, события, отношения, качества, в результате чего происходит передача мыслей, знаний, жизненного опыта. Речевой материал, имеющий место в рассказе представляет собой словесно объективную форму отражения мышления рассказчика, которая может раскрывать личность человека, его психологическую сущность. Через рассказ можно понять отношение рассказчика к предмету, явление, к слушателю. В процессе рассказа происходит изменение знаний и отношений к предмету рассказа, что часто происходит в практике психологического консультирования, в результате чего меняются и взаимоотношения между рассказчиком и слушателем.

Известно, что речь — это процесс мышления. Таким образом, рассказ является формой устного выражения процесса мышления. Здесь необходимо помнить о том,

что рассказ адресован слушателю и восприятие рассказа также активным образом воздействует на мышление человека. Поэтому слушая рассказ слушатель оказывается втянут в активный процесс мышления, воспроизводства следственно-логических связей, воспоминаний, определения отношения к услышанному. Таким образом можно говорить о том, что рассказ учит мыслить и тренирует мышление. Через восприятие рассказа происходит повтор мыслительных операций, которые формируются рассказчиком в процессе изложения мысли, а в процессе рассказывания в процессе выстраивания логики и последовательности событий формируется понимание информации и принятие её как продукта собственного мышления. Через этот процесс происходит изменение отношения к реальной действительности, обогащая личность новыми знаниями, расширяя жизненный опыт и качественно изменяя познавательные способности. Именно эти принципы влияния рассказа на психические функции и на личность положены в основу психокоррекционной работы с детьми дошкольного возраста.

Практика применения развития рассказческой деятельности в работе с детьми дошкольного возраста

Влияние рассказческой деятельности на формирование личности легло в основу разработки методики «театр рассказа». Термин был предложен Н.С. Говоровым, который на стыке двух направлений — актёрское мастерство и психология человека смог проследить влияние рассказческой деятельности на развитие психических процессов и формирование личности. В дальнейшем Вольпериным И.Е. в 1966 году был предложен метод имаготерапии (от лат. *imago* — образ, подобие, + *therapeia* — терапия), как один из методов игровой психотерапии.

Сущность метода заключается в том, что входя в образ предполагаемого героя и проигрывая его поведение, его чувства, эмоции можно воспроизвести психотравмирующую ситуацию, но в безопасном варианте для самой личности. Таким образом личность получает определенный опыт действия в той или иной ситуации, расширяет свою психологическую компетентность и всё это происходит без травматизации Эго личности разрешить трудную жизненную ситуацию.

Изначально предложенный метод использовался для лечения больных страдающих невротическими синдромами различного происхождения, в частности, страдающих раздражительностью, изменчивостью настроения, психосоматическими расстройствами. Психотерапевтическая работа строилась на том, что человеку с невротическими расстройствами было необходимо несколько раз в день проигрывать позитивное поведение,

т.е. реализовывать модель поведения якобы другого человека, но это поведение желаемо для человека. Таким образом, можно проигрывать уверенное поведение, или радостное и позитивное отношение к жизни и т.д. Суть заключается в том, что проигрывание образа должно быть искренне и правдиво, что позволяет в течении 2–3 месяцев такого лечения перепрограммировать сознание, а значит и сформировать желаемое поведение, которое в дальнейшем становилось потребностью личности и в дальнейшем формировалось как естественное состояние субъекта.

В дальнейшем метод стал развиваться, появились определенные методики работы и различные направления.

Основой имаготерапия (от лат. — образ) является психотерапия образом. Данную терапию может проводить психолог в дошкольном учреждении, но и в домашних условия родители так же могут активно использовать образ литературных героев для создания здоровой атмосферы в семье и создания условий для развития ребёнка как в социальном, так и в интеллектуальном плане. Для этого необходимо очень тщательно подходить к выбору литературных произведений. очень важно, чтобы образы, которые формирует литературный герой были близки тем ценностям, которые родители хотят воспитать в ребёнке. Трудно себе представить, что кто-то из родителей хочет вырастить агрессивного, лживого или пассивного ребёнка. Скорее всего каждому родителю хочется увидеть своего ребёнка целеустремленным, уверенным в себе, хорошо ориентирующимся в нормах поведения в обществе, но тогда и образы литературных героев, на которых растёт и развивается ребёнок должны быть соответствующими. Ведь если обратиться к знаниям возрастной психологии об особенностях восприятия ребёнка дошкольника, то очевиден тот факт, что у детей этого возраста еще стёрта граница между реальным и вымышленным. Именно поэтому дети очень близко воспринимают сюжеты сказок, для них все события описанные в сказке — это и есть жизнь, для ребёнка — это больше правда, чем вымысел. Тогда зачем же создавать в его сознании негативные «картинки» об этой жизни? Зачем нагружать его сознание негативными образами которые так наглядно представлены в современных мультфильмах и фильмах для детей. Современная кинематография погружает с ранних лет детей в яркие, захватывающие внимание детей цвета, которые в быстротечности сюжета лишают возможности думать и оценивать поведение героев. Все положительные герои шаблонны и обязательно или со сверхспособностями или безмерно красивы на столько, что ребёнку никогда не достичь этого в реальной жизни. Или же теперь ещё стало модно в положительные герои выводить явных негодяев или непомерно уродливых внешне пер-

сонажей, что тоже, хоть и является обратной стороной медали, но по критерию влияния на развитие внутреннего эмоционального мира ребёнка — не лучше. Исчезли герои у которых можно было бы чему-то учиться, стёрлись границы между добром и злом. Сказка, в широком её понимании перестала быть логической задачей, в которой «ложь, да в ней намёк, добрым молодцам — урок». Приходится писать о кинематографических мультипликационных фильмах, т.к. во-первых, дети привыкли к пассивному восприятию информации, а во-вторых, найти хорошую новую книгу для ребёнка — ещё надо постараться. Эта тема не нова, но тем не менее она становится со временем менее болезненной, травматичной и пагубной для развития детей. Понятны терзания родителей, которые говорят о том, что если они и ограничат ребёнка от просмотра такого рода мультфильмов, игр, фильмов, то ребёнок увидит их у друзей или будет чувствовать себя ущербным среди сверстников. Поэтому, при условии, что не получается исключить это явление, то будет разумно, хотя бы обсуждать увиденное с ребёнком, выражать к этому своё отношение и интересоваться его мнением о просмотренном. Учить думать, дифференцировать и критически и активно анализировать полученную информацию вот основная задача родителей. А для того, чтобы этот процесс шёл проще и естественней, необходимо количество некачественных, с точки зрения рассказческой деятельности и имготерапии, литературных образов сократить до минимума, дать ребёнку альтернативу в виде качественных и развивающих мышление и социализацию детей источников кинематографии и литературы. На сегодняшний день таковыми для раннего возраста, с точки зрения автора, видятся мультфильмы советской эпохи, которые и на сегодняшний день не потеряли своей актуальности, т.к. для ребёнка представлены образы, которые решают насущные для детской жизни проблемы добра и зла. Далее, для следующей возрастной категории, всё так же интересны произведения Н. Носова, Б. Заходера, Г. Цыферова, В. Драгунского, С. Михалкова, Э. Успенского и мн. других детских писателей, рассказы которых до сих пор волнуют души детей не яркой картинкой, а понятным для ребёнка образом, который способен поставить вопрос и заставить пылкий детский ум искать на него ответ. И именно поиск ответа или определение отношения к жизненным обстоятельствам героев и будет той самой основой для развития мышления, социальной адаптации, развития кругозора.

Конечно, нельзя говорить, что развитие навыков рассказческой деятельности — это панацея от всех бед. К сожалению лёгких путей не бывает, и волшебной таблетки ещё никто не придумал. Но результаты описанного выше исследования и практика работы по разработанной программе развития рассказческой деятельности даёт возможность говорить о том, что для каждой семьи при-

обретение такого опыта и навыка окажется полезным по-своему. Для кого-то эффект будет заключаться в прочных доверительных отношениях, для кого-то в развитии коммуникативных навыков, кто-то заметит, что ребёнок быстрее стал развиваться, усваивать новую информацию, кто-то просто получит удовольствие от общения со своим ребёнком и узнает много нового не только о нём, но и о себе. В любом случае и в любом количестве, этот метод не требующий ни каких затрат кроме времени, благоприятно отразится на эмоциональном, социальном и интеллектуальном развитии детей.

«Настольный театр рассказа» как инновационная методика работы с детьми

Изучение влияния рассказческой деятельности и терапии образом легло в основу методики «настольный театр рассказа» и разработки программы «Психокоррекция поведения детей дошкольного возраста». В работе используются короткие рассказы, сказки, в основу которых заложены поведенческие проблемы и раскрывается их решение [1, с. 22]. В процессе работы с рассказом помимо психокоррекционной задачи решается еще и ряд других задач:

- ♦ образовательная задача — это формирование целостной картины мира об окружающей действительности. Основные темы, используемые в сказках — быт человека животных, птиц, растений, сезонные изменения и погода. Организация развивающей среды в группе построена так, чтобы закреплять формируемые представления детей (внесение предметных игрушек, картинного материала, моделирование сказки в театральном уголке).
- ♦ здоровье сберегающая задача состоит в том, чтобы подбираемый литературный материал (сказки) соответствовал возрастным психологическим возможностям детей и тем самым мы сохраняем психическое здоровье детей (содержание материала соответствует детскому опыту; длительности сказки соответствует возможностям ребенка; частая смена видов деятельности помогает поддерживать интерес к процессу и способствует развитию психических функций).

Складывается социальная ситуация развития, характерная для ребенка, обозначенная формулой: «ребёнок-предмет-взрослый». Разворачивается совершенно новая форма общения — ситуативно-деловое общение, которое представляет собой практическое, деловое сотрудничество по поводу действий с предметами и составляет основу взаимодействия ребёнка со взрослым, что способствует развитию адаптационных возможностей. Средства общения — это привлечение внимания

к предмету, обмен игрушками, обучение использованию предметов по назначению, совместные игры.

Взрослый для ребёнка дошкольного возраста — это, прежде всего, соучастник предметной деятельности и игры. Со стороны взрослого важны внимательность и доброжелательность к партнёру. Кроме того, он выступает как образец для подражания, как человек, оценивающий знания и умения ребёнка и эмоционально поддерживающий его, подкрепляющий успехи и достижения.

В течение 10 лет работая с детьми дошкольного возраста в данном направлении была разработана программа работы с детьми, которая проводится в несколько этапов.

Каждое занятие включает в себя рассказ, сказку, которая посвящена определённой теме, направленной на изучение свойств предметов, на усвоение бытовых навыков, на социальное развитие и адаптацию ребенка. Работа со сказкой, рассказом включает в себя несколько этапов:

1. Подготовительный этап включает в себя пальчиковые игры или двигательную гимнастику, проговаривание стихов и чистоговорок, знакомство с героями сказки, перед прослушиванием. Данный этап позволяет активизировать концентрацию внимания и другие психические функции, настроить ребенка на работу.

2. Этап просмотра сказки. Психолог рассказывает сказку с использованием настольного театра. В процессе просмотра сказки у детей формируются навыки концентрации внимания, произвольного запоминания, расширение пассивного словарного запаса и формирование дидактических психологических понятий не в отрыве от жизни, а в сюжете представленной сказки, что имеет важное значение для процесса осознания и дальнейшего использования полученных знаний в реальной жизни ребенка. Так как в основе сказки заложена проблемная ситуация близкая для ребенка, то как правило она вызывает интерес, что очень важно для психокоррекционной работы. Сказка построена по всем классическим законам этого жанра: завязка, кульминация и развязка. Каждому из этих этапов необходимо уделить достаточное внимание и для достижения психологического эффекта важно найти правильные «рычаги воздействия», которые окажутся действенными именно для этого ребёнка и для заявленной родителями проблемы. В кульминационном моменте важно через героев сказки практически повторить неправильный вариант поведения ребенка, а в развязке объяснить причины поведения сказочных героев, их чувства и обязательно показать правильный выход из этой ситуации.

3. Этап активного пересказа. На данном этапе ребёнку предоставляется возможность стать активным участником процесса. На начальных этапах с помощью психолога, ребенок пытается пересказать сказку, на основе подражания взрослому, так как у него это получается. Как правило дети с удовольствием и энтузиазмом готовы играть в новые игрушки в новых обстоятельствах. Задача психолога заключается в том, чтобы эта игра носила развивающий характер, а именно направить ребенка на целенаправленное воспроизведение сюжета, побудить воспроизвести запомнившиеся действия и восстановить «выпавшие» из памяти ребенка сюжеты. Но основная задача это пробудить экспрессивную речь, которая неразрывно связана с процессом мышления, что достигается за счет вовлеченности ребенка в процесс игры и непосредственного желания озвучить происходящее в сюжете сказки.

4. Этап осмысления. Ребенку предлагается высказать собственное мнение по поводу поведения героев. Что они хотели сказать своим «плохим» поведением, какой персонаж понравился больше, чем понравился. Ни при каких обстоятельствах не рекомендуется сравнивать ситуацию сказочных героев с реальной ситуацией ребёнка.

5. Этап совместной работы с родителями. Этот этап можно осуществлять начиная со второго или третьего занятия, по мере готовности ребёнка. Суть заключается в том, что ребёнок является главным «кукловодом» и самостоятельно рассказывает сказку зрителям — родителям. Данный этап необходим для вовлеченности родителей в процесс психокоррекции. На данном этапе у ребёнка появляется дополнительная ответственность за то, что он рассказывает, часто вносятся собственные дополнения в сюжет сказки, что является важной информацией для выстраивания детско-родительских отношений и лучшего понимания мотивов поведения ребёнка родителями. Немаловажным является и то, что родители просматривая сказку в исполнении ребёнка, также знакомятся с мотивами, чувствами персонажей конкретной ситуации и расширяют свой багаж знаний о решении проблемных ситуаций. Родителям рекомендуется поддержать рассказчика — ребенка бурными аплодисментами и также не сравнивать сказочную ситуацию с реальной проблемной ситуацией в поведении ребёнка. Благодаря этому этапу работа становится комплексной и продуктивной.

Таким образом данная методика является многофункциональной и направленной на всестороннее развитие ребенка. Она является более естественной для дошкольного возраста, особенно для детей данной категории, так как ребенок не вырывается из жизненной среды и все дидактические понятия и социальные навыки усваивает в контексте с его детским мироощущением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белевич Н.А. «Театр рассказа» как инновационная методика работы с детьми, имеющими задержку в психическом развитии / Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: сборник материалов международной научно-практической конференции, 23–24 апреля 2015 г. / под общ. ред. Ю. П. Платонова. — СПб.: СПбГИПСР, 2015. — с. 22.
2. Говоров, Н. С. Театр рассказа — СПб.: Астерион, 2008. — 412 с
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 25-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. — 976 с.

© Белевич Наталия Александровна (n-2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОТИВАЦИИ У КАНДИДАТОВ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ КАК ПРОФИЛАКТИКА ВТОРИЧНОГО СИРОТСТВА

THE DEFINITION OF MOTIVATION AMONG THE CANDIDATES IN THE SUBSTITUTE PARENTS AS PREVENTION OF SECONDARY ORPHANAGE

E. Boenkina

Summary. This article is devoted to the study the motivation of adaptation child orphans on the upbringing in its family of potential substitute parents. The essence of the concept «motivation of the substitute parents», its characteristic, the urgency of determining the motivation of the substitute parents at the present stage were discussed. Special attention is paid to the analysis of existing practices in psychological research and the main approaches to the study of motivation candidates in substitute parents. The problem is relevant, since it is the motivation is one of the key features in the selection of substitute parents. The problem is relevant because that motivation is one of the key features in the selection of substitute parents. Main motivational aspects of creating a substitute family were defined, as well as the empirical results of research motivational orientation of candidates for substitute parents. The relationship between motivational orientation of substitute parents and secondary orphanage of children are discussed.

Keywords: child left without care, motivation, motivational orientation of potential substitute parents, motives, orphans, secondary orphanage, substitute family.

Боенкина Елена Алексеевна

Аспирант, Томский государственный педагогический университет, elboen@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению мотивации принятия ребенка-сироты на воспитание в свою семью потенциальными замещающими родителями. Рассмотрена сущность понятия «мотивация» замещающих родителей, ее характеристика, актуальность определения мотивации у кандидатов в замещающие родители на современном этапе. Особое внимание в статье уделяется анализу имеющихся в психологической практике исследований и основных подходов к изучению мотивации у кандидатов в замещающие родители. Проблема является актуальной, поскольку именно мотивация является одной из ключевых характеристик при отборе замещающих родителей. Представлен анализ основных мотивационных аспектов создания замещающей семьи. Статья включает данные эмпирического исследования, проведенного с помощью авторской анкеты для определения мотивационной направленности у кандидатов в замещающие родители и ряда диагностических методик. Исследование проводилось в Томской области в течение 2011–2016 годов, его выборку составили 195 человек, в возрасте от 28 до 63 лет. Сделаны основные выводы о взаимосвязи между мотивационной направленностью замещающих родителей и вторичным сиротством детей.

Ключевые слова: замещающая семья, дети-сироты, мотивационная направленность потенциальных замещающих родителей, мотивация, мотивы, ребенок, оставшийся без попечения родителей, вторичное сиротство.

В настоящее время изучение мотивации потенциальных замещающих родителей приобретает особую актуальность и является предметом изучения нашего исследования, поскольку мотивация является одной из основных характеристик при отборе замещающих родителей, а также именно от мотивационной направленности родителей зависят и успех воспитания приемного ребенка, и психологическое здоровье всех членов семьи.

Также проблема замещающих семей в последнее время в нашем государстве приобрела огромную значимость в связи с активным распространением разных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Замещающая семья — это любая форма жизнеустройства или форма семейного воспитания детей, нуждающихся в защите государства, где воспитатели и приемные родители не являются биологическими родителями ребенка (семья усыновителей,

приемная, патронатная, опекунская семья, семейно воспитательная группа, семейный детский дом и др.) [10, 70].

Большое значение определению мотивации у потенциальных замещающих родителей уделяется в работах И. Дуновски [5], Г.С. Красницкой [7]. Так, И. Дуновски считает, что для усыновления подходят только те люди, которые принимают ребенка в семью по причинам, не противоречащим главной цели усыновления, — максимальной пользы для общефизического развития и формирования личности ребенка [5]. Н.А. Палиева, В.В. Савченко, Г.Н. Соломатина [14, с. 132–137] в своем исследовании рассматривают мотивацию принятия потенциальными приемными родителями ребенка-сироты в семью на основе разработанного теста-опросника «Мотивация выбора приемного ребенка» ими выделены мотивационные комплексы, свойственные для кандидатов в приемные родители, дана их характеристика и определены пути психолого-педагогической работы

с рассматриваемой категорией семей. На наш взгляд, мотивация — это процесс, управляющий поведением, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость. Другими словами, это то, что побуждает человека действовать определенным образом. Нас в этом смысле интересует, что же движет потенциальным замещающим родителем, когда он принимает решение взять на воспитание приемного ребенка [3].

В.Н. Ослон [13] в своем исследовании замещающих семей, отмечала, что часто мысль о приеме ребенка появляется в тех семьях, где ранее уже был опыт воспитания некровного ребенка. По мнению В.А. Маглыш, некоторые мотивы продиктованы нарушенными отношениями между супругами (отсутствие взаимопонимания) или личностной проблемой (комплекс неполноценности, потребность в постоянном социальном одобрении). Попытка решить такие проблемы принятием ребенка в семью обречена на неуспех, т.к. проблема кроется в личности замещающего родителя или его внутрисемейных отношениях [8].

Изучая мотивационную направленность потенциальных замещающих родителей, мы будем придерживаться полимотивационного подхода, который предполагает наличие совокупности мотивов при доминировании одного ведущего. Также решение о принятии в семью ребенка-сироты и ребенка, оставшегося без попечения родителей, часто обусловлено как личностными побуждениями, так и социальными факторами. Существующие в обществе стереотипы и предубеждения формируют определенные нормы и правила поведения, такие, как необходимость обязательного наличия в семье детей, обеспечение себе поддержки в «немогущей» старости благодаря детям, продолжение семейных традиций и расширение материального и социального капитала своей семьи и т.п. [14, с. 133]. Кроме того, будущие замещающие родители могут руководствоваться меркантильными интересами, часто решая свои материальные проблемы при помощи имеющейся системы государственной поддержки замещающих семей. Чаще это встречается в регионах с неразвитой инфраструктурой, сельскохозяйственной специализацией региональной экономики и с высоким процентом безработицы.

Также принято считать, что деньги изменяют поведение человека: побудительная мотивация меняется к лучшему, а социальное поведение — к худшему. Командой экономистов и психологов из США и Канады, была проведена серия экспериментов, которая показала, что одно лишь напоминание о деньгах приносит людям ощущение независимости и самодостаточности. Обратной стороной этого явления оказался эгоизм: вспомнив о деньгах, испытуемые отказывались от помощи и переставали помогать другим. В ходе эксперимента, выясни-

лось, что люди, помышляющие в душе о высоких доходах, в среднем оказываются более целеустремленными и самонадеянными, но зато и более эгоистичными. [9].

Анализ зарубежных исследований дает еще более широкое видение того, что нам известно о мотивации, способствующей успешному размещению ребенка-сироты в замещающей семье. В подробном обзоре современных исследований профессором Джуди Себба из Университета Оксфорда был сделан ряд важных выводов [11, с. 18].

1. Ключевым фактором мотивации для кандидатов в замещающие родители является встреча с опытными приемными родителями или знакомство с теми, кто сегодня стали приемными родителями, а в детстве были приемными детьми.
2. Подвигнуть человека к решению создать замещающую семью может распространенный в обществе миф о том, что проблемы с приемным ребенком в семье легко решаются с помощью чтения соответствующей литературы и получения достаточной информации (McHughetal., 2004).
3. Основной является внутренняя, по сути, альтруистическая мотивация, связанная не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием деятельности по воспитанию ребенка в семье, часто отражающейся в желании «изменить жизнь несчастного ребенка», «любить детей» (Buehleretal., 2003).
4. По имеющимся данным, доход не является основной мотивацией принятия решения о создании замещающей семьи. И хотя в исследованиях такой мотивации редко специально обращают внимание на разные доходы замещающих родителей, некоторые сведения по данному вопросу имеются (Randleetal., 2012).
5. Другие мотивы включают желание расширить семью (найти брата/сестру для единственного ребенка в семье), что-то сделать для других, получить личный опыт воспитания приемных детей, иметь занятость на дому (Anderssonetal., 2001).
6. Процесс и длительность процедуры принятия решения о возможности стать кандидатом в замещающие родители в некоторых исследованиях описывается как демотивирующий (Keogh, Svensson, 1999) [3].

В настоящий момент существует несколько классификаций мотивов принятия ребенка в семью. Большинство исследователей считают, что мотивы могут быть как позитивными, так и негативными предикторами создания замещающей семьи. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Е. Жуйковой, Л. Печниковой было проведено исследование, в котором анализировались особенности

семейной системы и мотивации к появлению ребенка у принимающих семей. Они выделили две группы мотивов у замещающих родителей (мотивы, связанные с потерями и связанные с приобретениями) [1, с. 58–62].

О.В. Бессчетнова считает, что самыми распространенными причинами для воспитания приемных детей являются: желание усыновить ребенка в случае невозможности иметь собственного по физиологическим причинам; любовь к детям, в то время как собственные дети уже выросли; желание дать ребенку то, чего сами родители были лишены в детстве чувство милосердия к детям, нуждающимся в поддержке и защите; смерть собственного ребенка; религиозные мотивы; укрепление распадающейся семьи с помощью ребенка; гибель близких родственников; чувство одиночества [2].

Мотивационная направленность замещающих родителей влияет на их отношения с детьми, поэтому важно, оценивая характер мотивации, определять конструктивные или деструктивные мотивы, лежат в основе желания потенциального замещающего родителя. Под конструктивными мотивами мы понимаем мотивы, способствующие успешной адаптации приемного ребенка в семье, нацеленные на создание благоприятных условий для его развития, например: нереализованное материнство, отсутствие кровных детей, желание иметь больше детей, не до конца реализованный родительский потенциал, нерастратенная любовь, привязанность к конкретному ребенку и другие.

Деструктивные мотивы продиктованы ожиданием собственной выгоды или связаны с нереалистичными ожиданиями по отношению к будущему ребенку. Например, к деструктивным, потенциально опасным мотивам принятия ребенка в семью, Л.С. Печникова [15] относит следующие:

1. В усыновленном ребенке родители надеются найти замену умершему родному ребенку.
2. Семья решает усыновить ребёнка, поскольку не может иметь детей.
3. Семья хочет «сделать доброе дело», взять в семью ребёнка, заботясь о детях вообще и желая делом помочь им. При этом родители постоянно ждут от ребенка благодарности за их поступок.
4. Семья берёт приёмного ребёнка для реализации своих педагогических амбиций, желая с помощью правильного воспитания сделать из «трудного» ребёнка достойного и успешного.
5. Одинокая женщина, не имея собственной семьи, решает создать её путем усыновления ребёнка. На ребенка возлагается обязанность сделать счастливой приемную мать, ведь для этого его и взяли.
6. Мотивом может быть экономический интерес, обычно прямо не вербализуемый.

7. В основе стремления усыновить ребенка могут лежать также сугубо патологические мотивы [4, с. 17].

Кроме того мотивы принятия ребенка в замещающую семью можно также разделить на пять групп: направленность «общегуманистическая»; направленность потенциального замещающего родителя на ребенка; направленность на собственную семью; направленность потенциального замещающего родителя на себя; направленность на общественное мнение (мотивация социальной желательности) [11, с.81–85].

Решение принять ребенка в семью обычно имеет несколько мотивов. Среди них могут быть как конструктивные, так и деструктивные. Замечательно, если у кандидата выявлены только конструктивные мотивы. При наличии конструктивных мотивов, некоторые деструктивные мотивы допустимы. Если уровень деструктивной мотивации высокий, то имеющиеся конструктивные мотивы не учитываются. При среднем уровне деструктивной мотивации для принятия решения необходимо особо тщательно проанализировать семейную ситуацию и внутрисемейные отношения. Если у кандидата в замещающие родители преобладают деструктивные мотивы, то существует очень большой риск возврата приемного ребенка [5]. Далее переходим к эмпирической части нашего исследования.

Организация эмпирического исследования и анализ результатов

Цель исследования — изучить структуру мотивационного процесса на принятие детей в семью у кандидатов в замещающие родители. Гипотезой исследования является предположение, что существует взаимосвязь между особенностями структуры мотивации принятия детей в семью и долгосрочным результатом этого принятия, выражающемся в сохранении детей в семье или реализации феномена вторичного сиротства.

Для решения поставленных в исследовании цели и задач, а также в соответствии с гипотезой и объектом был использован следующий комплекс методик эмпирического исследования: авторская анкета (специально разработанная для определения мотивационной направленности) для первичного собеседования с кандидатами в замещающие родители; авторская анкета для родителей, вернувших приемных детей; диагностика самооценки мотивации одобрения (тест на искренность ответов Д. Марлоу и Д. Крауна); диагностика полимотивационных тенденций в «Я-концепции» личности (С.М. Петрова); тест «Мотивация к избеганию неудач» (Т. Элсер).

Исследование проводилось в сельской местности в Томской области в течение 2011–2016 годов. Его вы-

борку составили 195 человек, в возрасте от 28 до 63 лет, которые были разделены на 4 группы. Первую группу составили 55 человек — это лица, которые хотят принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей. Вторая группа — 50 человек — замещающие родители, которые уже взяли детей и на момент исследования и у них все благополучно. В третью группу — 20 человек вошли родители, которые взяли и вернули детей. Четвертую группу — 70 человек — составили граждане, которые не брали и не хотят брать на воспитание детей-сирот.

Выборочная совокупность была изучена общепринятыми методами статистической обработки данных. Статистическая обработка проведена с использованием программных пакетов Microsoft MS Office Excel 2007 и StatSoft statistica 8.0. Результаты экспериментального исследования сравнивались с помощью параметрического t-критерия Стьюдента, дисперсионный анализ, кластерный анализ, корреляционный анализ.

Основные выводы по результатам анализа анкет:

1. Социальный портрет граждан, желающих взять детей на воспитание, уже действующих замещающих родителей и вернувших детей:

Первую группу составили лица, средний возраст которых составляет 40 ($\pm 10,6$) лет, 91% — женщины, 69% граждан состоят в браке, 82% имеют кровных детей, у 5% есть высшее образование, 13% являются безработными.

Средний возраст второй группы составляет 41 ($\pm 9,7$), 90% — женщины, 82% граждан состоят в браке, 90% имеют кровных детей, у 8% есть высшее образование, 20% являются только замещающими родителями (другого дохода у них нет).

Третья группа — это родители, средний возраст которых составляет 44 (± 9), 95% — женщины, 80% граждан состоят в браке, 100% имеют кровных детей, у 5% есть высшее образование, 35% являются безработными.

Четвертую группу составили лица, средний возраст которых составляет 40 ($\pm 8,7$), 74% — женщины, 79% граждан состоят в браке, 86% имеют кровных детей, у 39% есть высшее образование, 10% являются безработными.

2. Основные причины, по которым берут детей на воспитание в семью:

В 1 группе — 82% выбрали возмездную опеку (применную семью), что говорит о материальной заинтересованности граждан (желание приобрести материальные выгоды, использовать ребенка в своих интересах; полу-

чать вознаграждение за свой труд). Также среди основных мотивов принятия ребенка в семью были названы: 22% — неудачная попытка завести собственных детей; 24% — взросление кровных детей; 12% — появление крестьянского хозяйства; 11% — изменение материального положения; 15% — считают, что ребенок укрепит их семью; 15%, что ребенок будет их помощником; 10% желание помочь детям; 9% — поиск смысла жизни; 9% долг перед умершими родственниками; 7% решение проблемы занятости; 7% иметь рабочую силу (можно было выбрать из предложенных или написать свои несколько вариантов ответов).

Во 2 группе — 90% выбрали возмездную опеку (применную семью), что также говорит о материальной заинтересованности граждан. Среди основных мотивов принятия ребенка в семью наиболее часто встречались следующие: 36%, что ребенок будет их помощником; 32% — взросление кровных детей; 22% — неудачная попытка завести собственных детей; 16% — считают, что ребенок укрепит их семью; 16% — изменение материального положения; 8% — появление крестьянского хозяйства; 6% смерть близких; 6% — повторный брак; 2% — предразводное состояние семьи.

В 3 группе — 85% выбрали возмездную опеку (применную семью), что также говорит о материальной заинтересованности граждан. Среди основных мотивов принятия ребенка в семью наиболее часто встречались следующие: 45% считали, что ребенок принесет в семью радость; 32% — взросление кровных детей; 15% — предразводное состояние (считали, что ребенок укрепит семью); 15% — неудачная попытка завести собственных детей; по 10%: возможность получать льготы; поиск смысла жизни; решение проблемы занятости; желание помочь ребенку; по 5%: тяжелая болезнь членов семьи; смерть близких; знакомство с конкретным ребенком; потеря работы (можно было выбрать из предложенных или написать свои несколько вариантов ответов).

3. 20 человек вернули детей обратно в государственные учреждения. Среди основных причин возврата чаще всего были названы следующие: 70% отметили, что ухудшились взаимоотношения в семье; 65% столкнулись с «трудным поведением» ребенка (10% — с ложью детей; 5% — с воровством, 5% — с плохим поведением в школе); 30% — не смогли выстроить гармоничных отношений с ребенком; 30% столкнулись с проблемами со здоровьем у ребенка; 20% — нежелание самого ребенка оставаться в семье; 15% — с нежеланием ребенка учиться.

Проанализировав результаты анкеты в каждой группе по выделенным пунктам (вопросам анкеты), перейдем к анализу полимотивационных тенденций также для

каждой группы респондентов. В 1 группе преобладают альтруистическая (73%) и материальная (70%) мотивации принятия ребенка в семью; во 2 группе — материальная (74%) и коммуникативная (52%) тенденции; в 3 группе испытуемых преобладают материальная и познавательная (45%) тенденции, а также коммуникативная (30%) мотивация принятия ребенка в семью. В 4 группе испытуемых, не бравших детей на воспитание и не желающих брать, преобладает трудовая тенденция, далее следует материальная (40%), однако у 54% испытуемых материальная тенденция вообще отсутствует, а это значит, что мы не можем говорить о материальной мотивации, как ведущей для данной группы испытуемых.

В результате полученных данных по методике Марлоу-Крауна, можно говорить о том, что в 4 группе по сравнению с остальными группами испытуемых ниже самооценка мотивации одобрения, т.е. низкий уровень потребности в одобрении со стороны других людей, испытуемые этой группы не стараются выглядеть в глазах окружающих лучше, чем они есть на самом деле и тем самым они ставят себя вне социальных связей и социального одобрения. В 1 группе низкий уровень мотивации одобрения вообще отсутствует, что может свидетельствовать о неуверенности испытуемых в себе, зависимости их от мнения и одобрения окружающих. В 3 группе испытуемых самый высокий по сравнению с другими группами уровень высокой мотивации одобрения — 55%, что говорит либо о неискренности испытуемых с экспериментатором, либо о неискренности испытуемых с самими собой. Самый высокий процент средней мотивации одобрения у 2 группы замещающих родителей, где на момент исследования все хорошо — 64% и у испытуемых 4 группы — 63%. Можно утверждать, что особенности их поведения говорит о желании выглядеть в глазах окружающих вполне адекватно (т.е. казаться такими, какими они являются на самом деле), что вполне нормально, т.к. свойственно большинству людей. Данное поведение свидетельствует о самостоятельности в суждениях о себе.

Уровень мотивации к избеганию неудач по методике Т. Элерса позволяет сделать вывод о том, что 4 группа значительно различается с 1 и 2 группами по параметру избегания неудач. Испытуемые 4 группы относительно второй и первой групп стараются больше избегать неудач. Людям, у которых преобладает мотив «избегания неудач», важно найти область деятельности, в которой можно применять свои психофизиологические задатки, преобразуя их в позитивный результат. Также у 10% испытуемых в 3 группе слишком высокий уровень мотивации, что может свидетельствовать о личности, у которой преобладает мотив избегания неудач, которая предпочитает ма лый, или, наоборот, очень большой риск, где неудача не угрожает престижу. У таких людей часто

высокий уровень страха перед несчастными случаями и защиты, и они чаще других попадают в подобные неприятности. Если у человека преобладает мотив избегания неудач, то это приводит к занижению самооценки и уровню притязаний. Люди, у которых низкий уровень мотивации к успеху, чаще тяготеют к выполняемой работе и проявляют неуверенность в себе.

В купе с данными уровня мотивации одобрения по методике Марлоу-Крауна, можно говорить, что 4 группа меньше ориентирована на одобрение и более склонна к избеганию неудач, это мотивирует данную группу людей, по сравнению с 1 и 2 группами. Также 4 группа по сравнению с 3 группой склонна к меньшей мотивации на одобрение, но не на избегание неудач.

Выводы

1. Мотивы, которые движут замещающими родителями разнообразны. Кроме «правильных» мотивов, существуют и «неправильные» — попытка решить материальные, личностные или внутрисемейные проблемы за счет приемного ребенка. Кроме материальной мотивации (желание приобрести материальные выгоды; использовать ребенка в своих интересах; получать вознаграждение за труд замещающего родителя, стаж работы; создать многодетную семью, чтобы приобрести определенный статус и льготы) наиболее часто при анализе анкет встречались следующие мотивы: долг перед умершими родственниками; взросление собственных детей; невозможность иметь собственных детей; повторный брак; желание иметь рабочую силу; компенсировать недостаток любви; желание помочь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

2. Полученные данные свидетельствуют о преобладании в 1 группе (70%), во 2 группе (74%), в 3 группе (45%) материальной тенденции, наряду с другими тенденциями: альтруистической (1 группа), коммуникативной (2 группа), познавательной (3 группа), в отличие от 4 группы испытуемых, у которых преобладает трудовая тенденция.

3. На наш взгляд, об успешности в воспитании детей испытуемых 2 группы может свидетельствовать, кроме мотивации принятия ребенка в семью (в этой группе самый высокий процент средней мотивации одобрения — 64%, что говорит о желании выглядеть в глазах окружающих адекватно и слишком высокой уровень мотивация к избеганию неудач лишь у 2% замещающих родителей (что ниже, чем у испытуемых других групп и у 86% испытуемых 2 группы низкая мотивация к избеганию неудач, что выше, чем у испытуемых остальных групп), и тот факт, что 82% — находятся в браке (а дети, конечно же, должны воспитываться в полных семьях); средний возраст замещающих родителей — 41 (±9,7) лет; у 90% — есть

кровные дети (что говорит об имеющемся родительском опыте); у 8% — имеется высшее образование (этот процент выше, чем в 1 и 3 группе испытуемых, но в 4,9 раз ниже, чем в 4 группе респондентов). 62% замещающих родителей имеют постоянное место работы помимо оплачиваемого труда приемного родителя (что ниже, чем в 1 группе и выше, чем в 3 группе).

4. Самый высокий по сравнению с другими группами уровень высокой мотивации одобрения — 55% — 3 группе испытуемых (вернувших детей обратно в государственные учреждения). У 10% испытуемых в этой группе слишком высокий уровень мотивации «избегания неудач». По результатам полимотивационной тенденции в «Я-концепции» личности методике С.М. Петрова в 3 группе преобладают материальная и коммуникативная мотивации принятия ребенка в семью. По результатам анкет, в 3 группе — 85% выбрали возмездную опеку (при-

емную семью), 35% являлись безработными, что также говорит о материальной заинтересованности граждан. Среди причин возврата детей в этой группе необходимо указать на неадекватное представление о трудностях, с которыми столкнулись родители при воспитании приемных детей, непонимание особенностей развития ребенка и неоправдание ожиданий замещающих родителей. Выявляя доминирующий мотив принятия ребенка в семью у кандидатов в замещающие родители, мы ограждаем в дальнейшем ребенка от травм, разочарования, вторичного сиротства.

Таким образом, мы считаем, что от мотивации принятия ребенка в семью зависят не только будущие детско-родительские отношения в замещающей семье, но и в целом успешность или неуспешность дальнейшего ее существования, что подтверждают данные нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибчук М.А., Жуйкова Е. Б. Системный подход к психологии семьи. Методические материалы для специалистов сферы семейного устройства. М.: Независимый Институт семьи и демографии, 2009. С. 108.
- Бессчетнова, О. В. Приемная семья: сущность, проблемы, перспективы развития / О. В. Бессчетнова, Т. А. Юмашева [монография]. Саратов: Наука, 2007. 240 с.
- Боевнина Е. А. Определение мотивационной направленности у кандидатов в замещающие родители как профилактика вторичного сиротства // Психология, социология и педагогика. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/12/6172> (дата обращения: 26.05.2017).
- Боевнина Е. А. Мотивация принятия решения о создании замещающей семьи / III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 22–26 апреля 2013 г. — Томск, 2013. — Том III: Педагогика и психология, ч. 2. С. 13–18.
- Дуновски, И. Воспитание приемных детей / Воспитание детей в неполной семье. М.: Прогресс, 1980. С. 130–133.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Красницкая, Г. С. Усыновление: вопросы и ответы: специалистам органов опеки и попечительства. М.: Сфера, 1997. 94 с.
- Маглыш В. А. Факторы и закономерности формирования родительских установок кандидатов в усыновление // Психологический журнал (РБ). 2007. №2. С. 82–88.
- Марков А. Деньги мотивируют человеческие поступки на бессознательном уровне // <http://elementy.ru/news/430516> (дата обращения: 06.06.2013).
- Махнач А.В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Использование полуструктурированного интервью при отборе замещающих родителей // Психологическая диагностика. 2009. № 4. С. 95–115.
- Махнач А.В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Институт психологии, 2013. С. 219.
- Осипова И. И. Замещающая семья в России // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 70–81
- Ослон В. Н., Холмогорова А. Б. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 39.
- Палеева Н.А., Савченко В. В., Соломахина Г. Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 1. С. 132–137.
- Печникова Л. С. Личностные особенности подростков с девиантным поведением, воспитывающихся в приемных семьях. // Мат-лы 1 междунар. конф. по клинической психологии памяти Б. В. Зейгарник. М. МГУ, 2001.

© Боевнина Елена Алексеевна (elboen@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ДЕВИАНТНОГО МАТЕРИНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF DEVIANT MATERNAL BEHAVIOR

M. Zhuykova

Summary. as one of the causes contributing to the emergence of deviant forms of maternal behavior are considered unconscious patterns of behavior that are associated usually with traumatic experiences, transmitted from generation to generation on the maternal line. The aim of this work was the study of the psychoanalytic views about the intergenerational transmission of deviant maternal behavior to improve care to patients who survived the traumatic experience of deviant motherhood.

Keywords: deviant maternal behavior; intergenerational transmission; refusal of parenting; phenomenon of motherhood; trauma.

Жуйкова Марина Владимировна

К.псих.н., ЧОУ ВО «Казанский Инновационный
Университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)»
mgv84@yandex.ru

Аннотация. В качестве одной из причины, способствующей возникновению девиантных форм материнского поведения, рассматриваются бессознательные паттерны поведения, связанные, как правило, с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколения по материнской линии. Целью работы явилось психоаналитическое исследование взглядов о межпоколенческой передаче девиантного материнского поведения для совершенствования помощи пациентам, пережившим травматический опыт девиантного материнства.

Ключевые слова: девиантное материнское поведение; межпоколенная передача; отказ от родительства; феномен материнства; психическая травма.

Материнство представляет собой сложный феномен, процесс становления и разворачивания которого начинается с раннего детства девочки. Согласно представлениям Д. В. Винникотта, способность женщины «быть достаточно хорошей матерью» формируется на основе опыта ее взаимодействия с собственной матерью, в процессе игровой деятельности, во взаимодействии с другими детьми, и, конечно же, в процессе собственной беременности [4].

Как отмечает Э. Уэллдон, в обществе существует тенденция возвеличивать материнство и нежелание признавать, что у него могут быть и негативные аспекты и проявления [13]. Это находит отражение в том, что подавляющее количество исследований, посвященных темам материнства и психологии беременности, базируются на положении о том, что матери априори любят/должны любить своих детей. В связи с этим, девиантные формы материнского поведения (в рамках настоящей работы акцент делается на явлении отказа от ребенка) остаются до настоящего времени малоизученной и непонятной формой аномального материнского поведения. В общественном сознании данное поведение ассоциируется, прежде всего, с асоциальным образом жизни матери и хотя указанная причина действительно имеет место быть, однако ей не принадлежит ведущая роль.

Несмотря на то, что в России в период с 2012 по 2016 год зафиксировано снижение на 29,5% числа отказов матерей от новорожденных детей: с 6230

до 4395 человек соответственно, это цифра все равно достаточно высокая [5]. Все это определяет важность изучения вопросов, касающихся определения причин, способствующих отклонению от естественного процесса становления материнских функций, возможности прогнозирования данного типа поведения, разработки направлений профилактической и коррекционной работы.

В рамках настоящей работы в качестве одной из причины, способствующей возникновению девиантных форм материнского поведения, рассматриваются бессознательные паттерны поведения, связанные, как правило, с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколения по материнской линии. А. А. Шутценбергер, основоположница межпоколенческого, трансгенерационного подхода, пришла к выводу, что практически в каждой семье существуют события, которые влияют на судьбу последующих поколений. Каждый из нас является частью истории, и даже самые отдаленные события гораздо ближе к отдельному человеку, чем можно себе представить. Связи между поколениями представлены в жизни человека как бессознательное повторение опыта предшествующих поколений [16]. То есть человек является менее свободным в определении своей жизненной стратегии, чем он полагает: наше отношение к жизни, выбор профессии, выбор партнёра и т.д., могут быть predetermined событиями, которые произошли в семье за несколько поколений до нашего рождения.

С этой точки зрения девиантное материнство также является определенным сценарием, заложенным прежними поколениями. Нарушение семейных и поколенческих связей (разводы, устройство детей на воспитание в детские дома, в семьи соседей и престарелых родственников) может являться причиной такой формы поведения женщины.

Теоретический анализ понимания механизмов межпоколенческой передачи девиантного материнского поведения

Девиантное материнство является одной из наиболее острых, неоднозначных областей исследования в психологии как в практическом, так и в теоретическом аспекте.

К формам девиантного материнского поведения можно отнести:

- ◆ инфантицид (детоубийство, в том числе преднамеренный сознательный аборт, в отличие от аборта по медицинским показаниям);
- ◆ отказ от ребенка, материнства вообще;
- ◆ жестокое отношение к ребенку;
- ◆ сексуальное насилие и растление ребенка;
- ◆ отсутствие материнской заботы.

По мнению Э. Уэллдон, существование «оборотной» стороны материнства не должно удивлять. От женщин ждут, что они будут справляться с задачей материнства без достаточной эмоциональной подготовки. Однако часто женщина может оказать в полном одиночестве перед лицом возникших трудностей воспитания и предъявляемых требований к ней [13]. Ситуация может усугублять еще и тем, что у некоторых женщин, в силу специфических взаимоотношений, имевших место в их детстве с собственной матерью, реализация «эффективного» материнского поведения затруднена. В их случае материнство, с высокой долей вероятности, будет способствовать обострению вытесненных проблем, с которыми они не в состоянии будут справиться. Общество ожидает, что женщина, с появлением ребенка, сможет в одночасье избавиться от своего наследия в виде конфликтов и с легкостью начнет справляться со своей «основной» функцией — воспитания здоровых детей; что с появлением детей, они непременно должны испытать состояние удовлетворения, счастья, эйфории даже, несмотря на все трудности, которые неизбежны, и что даже «спящий» до этого материнский инстинкт должен непременно проснуться при взгляде на младенца. Но должен ли? И что делать, если этого не происходит, и как должна вести себя женщина в этой ситуации, и какие последствия могут быть? Высока вероятность того, что все это приведет к появлению девиантных форм материнского

поведения. Чувства отчаяния, одиночества, страха осуждения за то, что ты «не такая», легко превращаются в ненависть, обращенную к ребенку, как виновнику всего того, что с женщиной происходит.

Д. Пайнз отмечает, что в фантазиях такие женщины сами — дети, поэтому у них нет желания беременеть, у них не происходит преобразование статуса «женщина-дочь» в статус — «женщина-мать». Если даже они этого и хотят, то им трудно окружить ребенка заботой и любовью, потому что им самим кажется, что они недостаточно получили эту любовь. Такие женщины, как правило, происходят из давно и глубоко нарушенных семей, в которых у них не было возможности сформировать родительскую позицию, в которых существует традиция отказа от ребенка [11].

В целом, психологические причины, лежащие в основе девиантного материнского поведения, берут свое начало из сложных взаимоотношений женщины с ее собственной матерью.

Г. Гантрип подчеркивал исключительную роль материнской заботы для развития человека. Возникновение психопатологических процессов, согласно его представлениям, есть попытки справиться с неудачами, имевшими место в ранних отношениях матери и ребенка [по 7].

Матери являются дочерьми своих матерей, с множеством собственных травм и переживаний. В своей работе Э. Уэллдон ссылается на Н. Чодороу (N. Chodorow, 1978), которая писала, что «материнское отношение... воспроизводится из поколения в поколение» [13, с. 90]. Х. Блум (H. Blum, 1980) указывает на то, что мать продолжает заботиться о ребенке еще долгое время после окончания периода его полной зависимости, пронося свое отношение вместе с материнскими качествами своих матерей во взрослую жизнь следующего поколения [по 13].

В предыдущих поколениях у женщин с девиантным материнским поведением часто встречаются случаи отказа от детей — детей отдавали на воспитание в семьи соседей или дальних родственников, в детские дома [3]. Все это закладывает искаженный образ материнского поведения, нарушая тем самым готовность женщины к эффективному материнству. Женщины, демонстрирующие девиантное материнство, как бы повторяют приобретенный в детстве паттерны поведения матери.

Для формирования нормального материнского поведения необходима идентификация с матерью, а затем, на ее основе, — эмоциональная сепарация [3].

Согласно представлениям Д. Кестенберг, стремление к материнству начинает закладываться в раннем перио-

де развития, до стадии сепарации-индивидуации и основывается на отношениях матери и дочери. Идентификация с матерью дает возможность девочке сформировать собственные функции материнской эмпатии и интуиции, а желание иметь ребенка направлено на восстановление ранних симбиотических отношений с матерью [по 7, с. 111].

Идентификация с любящей матерью помогает принять ребенка и поддержать новую идентичность, возникшую у женщины. Во время беременности должен произойти перенос нарциссического либидо, отчужденного от объектов, на новый объект, будущего ребенка. В случае девиантного материнства реализация этих процессов нарушена. По данным анализа семейных историй женщин, отказывающихся от новорожденных, следует, что девиантная мать с детства отвергалась собственной матерью. Такая депривация сделала невозможным процесс идентификации с матерью, как на уровне психологического пола, так и на уровне формирования материнской роли [3].

В некоторых случаях женщины могут вступать в протест со своей интроецированной матерью, что также может выражаться проявлением девиантных форм материнского поведения. Нападения на своего ребенка, как протест против матери, есть желание ее наказать, показать свою власть, обесценить ее и материнские функции.

Б. Стил (B. Steele 1970) дает следующее объяснение такому поведению — женщина, которая все детство противостояла наказывающей, агрессивной матери, в конечном итоге, под влиянием собственного Супер-Эго, идентифицируется с ней. Результатом этого становится то, что она может нападать на своего ребенка. В соответствии с бессознательной мотивацией, определяющей ее материнство, этот ребенок представляет угрозу для ее самооценки, ограничивает свободу, вызывает разочарование или просто не существует [цит. по 13, с. 97].

В ходе беременности существенно меняется самосознание женщины в связи с принятием новой ролевой идентификации и «вживания» в роль матери. Принять новую идентичность, воспринять себя как мать, может быть сложным, болезненным процессом, так как он связан для женщины с историей ее отношений с собственной матерью, а посредством механизмов функционирования межпоколенческой передачи, и с женщинами предыдущих поколений, так как паттерны поведения имеют тенденцию передаваться из поколения в поколение.

Таким образом, материнское поведение, готовность женщины к принятию роли матери не формируется исключительно в период беременности и появления ребенка, а имеет длительную историю становления, начи-

мая с раннего детства. Мать служит для дочери ролевой моделью и ей передается не только система ее ценностей, установок, но и конфликты, травмы, обиды, которые могут быть как лично пережитые, так полученные в «наследство» от представительниц прежних поколений. Все это в итоге выступает основой для формирования психологической готовности или не готовности к материнству.

Механизмы межпоколенческой передачи

Атмосфера в семье напрямую зависит как от личной истории родителей, так и историй, унаследованных от предков. От одного поколения другому передаются не только материальные вещи, но и психические элементы в виде традиций, семейных историй и мифов, особенностей уклада семьи, поведения, взаимоотношений между ее членами.

Информация о семье, истории поколений, межпоколенных отношениях фиксируется в семейной памяти, носителем и хранителем которой является каждый член семьи. Сам факт рождения ребенка, как представителя нового поколения, можно рассматривать как запуск механизма трансгенерационной передачи.

Семейная память — сложный многоаспектный феномен, включающий в себя семейную историю как совокупность знаний о прошлом семьи, ее членах, важных семейных событиях, отношениях, ценностях, правилах, традициях, ритуалах, мифах, осознанно или неосознанно передаваемых из поколения в поколение как семейный нарратив и др.

Осознанное наследование семейной истории происходит через обсуждение семейных правил, традиций. Однако значительная часть процесса наследования — осуществляется на бессознательном уровне.

Переданные психические элементы складываются у ребенка в определенные сценарии, так называемое «психическое наследство», определяющее его поведение в различных жизненных ситуациях: выбора профессии, типа отношений, стиля жизни [9].

З. Фрейд в своих работах высказал идею о том, что индивидуальный опыт человека носит отпечаток опыта, накопленного предшествующими поколениями. Он писал, что «чувство как бы передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего» [14, с. 138]. Иногда это наследуемое чувство неожиданно возвращается, сопровождаясь «ужасом, отвращением, тревогой, чем-то пугающим».

Согласно его представлениям такая передача вытесненных элементов является важной и необходимой, так как если бы психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в нем, то каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие [15, с. 63].

Идея о том, каким образом прошлое наших предков влияет на наше настоящее, легла в основу развития направления о межпоколенческой (трансгенерационной) передачи в психологии.

Межпоколенческая передача — феномен, разворачивающийся между поколениями и обеспечивающий их преемственность, включающий в себя бессознательные внутриспсихические конфликты и фантазмы родителей по отношению к детям, а также стереотипы взаимодействия в семье, родительские установки и соответствующие им типы поведения родителей. Причем от предшествующих поколений потомкам могут передаваться как структурирующие элементы, так и патологичные, такие как психические травмы.

Переданные психические элементы складываются у ребенка в определенные сценарии, так называемое «психическое наследство», определяющее его поведение в различных жизненных ситуациях: выбора профессии, типа отношений, стиля жизни [9].

Неосознаваемые процессы и явления, обусловленные семейным мифотворчеством, трансгенерационными процессами, основываются на идентификации с представителями своего рода, с их тайнами и историями. Идентификация представляет собой бессознательный процесс присвоения психикой субъекта черт значимой личности, ее моделей поведения, конфликтов, идеалов, представлений.

Передача бессознательного материала осуществляется родителями, прежде всего матерью, которые через вербальные или невербальные послания передают ребенку модель для идентификации.

Ведущая роль матери в этом процессе будет обуславливаться тем, что «не существует такого явления, как ребенок», только диада мать-ребенок. (по Д. Винникотту). Изначально ребенок находится в состоянии «слистости», неразделенности со своим окружением. Этот период является крайне важным для развития и обеспечивается он качеством материнской заботы.

По мнению Ф. Дольто уже в пренатальный период бессознательное матери и ребёнка связаны, и ребенок знает, угадывает, чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений. То есть ещё

до рождения ребенок находится в контакте с опытом нескольких поколений своих предков. Ф. Дольто пишет: «Каждый ребенок вынужден нести груз патологических последствий, доставшихся в наследство от патологического прошлого своей матери и своего отца» и далее «всё, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своём теле» [цит. по 16, с. 53].

Правила функционирования семейной системы являются не только явными, открыто декларируемыми, но и в большой степени скрытыми, функционирующими на бессознательном уровне. Осознанная передача подразумевает трансляцию семейных ценностей, установок, традиций, о которых говорят, которые открыто обсуждают. Бессознательная межпоколенческая передача не подразумевает проговаривания, ее содержание — бессознательные внутриспсихические конфликты и фантазмы родителей, а также тщательно скрываемые тайны, которые проникают в жизни потомков, влияя на формирование их жизненных сценариев, жизненного пути.

Понятие травмы в психоанализе как фактора, способствующего формированию девиантного материнского поведения

Ж. Лакан причиной травмы назвал столкновение с тем, что не может быть названо, психически переработано, символизировано. То есть это столкновение с непереносимыми переживаниями, чувствами, которые впоследствии станут предметом вытеснения. При этом травма, по Ж. Лакану, не затягивается согласно ране, а упорно стремится напомнить о себе, и воспоминания о ней всегда свежи, даже спустя несколько десятилетий [8].

С целью переработки травмы в действие включается механизм повторения (в отношении которого Лакан употреблял слово *automaton* — т.е. автоматизм), реализующийся в психике в модифицированной форме. В силу того, что столкновение с травмой для человека всегда останется непонятным и неувоенным, все, что может психика сделать с ней, это осуществлять повторы, для того чтобы попытаться как-то окутать травму. В связи с тем, что травма не может быть переработана психикой можно говорить о ее вневременном характере [8].

Согласно Д. Калшеду, под травмой понимается любое переживание, которое вызывает непереносимые душевные страдания или тревогу, а непереносимым переживание является в том случае, когда обычных защитных мер психики оказывается недо-статочно [6].

Вопрос межпоколенческой передачи в связи с травматизацией связан с пониманием ее потенциальных последствий для следующих поколений.

Переданный предками травматизм, воспроизводясь потомками, может существенно влиять на их судьбу, определяя вектор жизненных выборов.

Разрабатывая концепцию травмы, Ф. Рупперт указывает на то, что понятие травмы не должно сводиться исключительно к рассмотрению биологических или психологических феноменов. Травма всегда реализуется в определенном социальном контексте, затрагивая, таким образом, не только непосредственно «пострадавшего», но и его близких людей, которые хоть сами и не были травмированы, вынуждены на себе испытать последствия травмы [12].

Психоаналитик В. Волкан считает, что некоторые взрослые могут активно, но преимущественно бессознательно, вкладывать их собственную травмированную самость и травмированные объектные образы в развитие селф-репрезентаций их детей. Хотя ребёнок, который становится резервуаром, не является полностью пассивным партнёром, тем не менее, он не является инициатором переноса этих образов; это «другой» (взрослый) инициирует этот процесс [по 1].

То есть, когда психика человека не может справиться с травматичной ситуацией, переработать ее каким-либо образом, этот травматичный опыт бессознательно будет передаваться потомкам. В этом случае дети становятся своеобразным резервуаром, контейнером, для невыносимых чувств своих родителей или близких родственников.

Представления о механизмах межпоколенной передачи травмы тесно связаны с идеями, лежащими в основе теории привязанности Дж. Боулби. Так, К. Х. Бриш описывает влияние травматического опыта матери на формирующиеся психические структуры ребенка. Мать и ребенок с самого начала живут в непрерывном процессе эмоционального взаимодействия, между ними постоянно происходит обмен чувств. При этом К. Х. Бриш подчеркивает, что чувства матери сильнее и поэтому именно они задают тон и закладывают фундамент эмоционального мира ребенка [2].

При этом следует подчеркнуть, что не столько само по себе переживание травмы представителем предшествующего поколения оказывает негативное влияние на потомков, сколько степень ее психической проработки, качество и количество посланий, передаваемых ребенку. Молчание родителей об их опыте является источником тревоги для детей. Дети, которые не знают, что происходило в их семье и которым не давалось объяснений, демонстрируют больше психологических проблем [16].

Таким образом, передача паттернов поведения, обуславливающих формирование девиантного материнско-

го поведения, может быть связана с наличием в истории семьи травмирующей ситуации, память о которой передается по женской линии из поколения в поколение, формируя определенные модели взаимодействия с системой мать-дочь. Травмированные родители, в рамках настоящей работы, прежде всего, матери, неосознанно проецируют свой опыт на ребенка, а ребенок идентифицирует себя с ними. Дети живут в двух реальностях: в прошлом родителей и в собственном настоящем и в соответствии с этим выстраивают свое будущее, свой жизненный путь. Когда психика человека не может справиться с травматичной ситуацией, переработать ее каким-либо образом, то травматичный опыт будет передаваться потомкам, существенно влияя на их судьбу. Межпоколенная связь в семье основывается на передаче и приеме информации и опыта, как на сознательном, так и на бессознательном уровне, в направлении от предков к потомкам, выступая показателем их общности, преемственности.

Заключение

Роль женщины и ее положение в обществе всегда связывались с материнством, функции которого сохраняются практически в неизменном виде на протяжении веков.

Актуальность темы исследования определяется тем, что часто упускается из виду, вытесняется из сознания возможность существования противоречий, и часто серьезные, между социальными ожиданиями общества по отношению к выполнению роли матери и реальными возможностями их реализации. Такая ситуация часто способствует проявлению оборотной стороны материнства, принимающей форму девиантного поведения в отношении собственных детей. В своей работе мы исходили из предположения о том, что причина такого поведения часто бывает обусловлена наличием травматического опыта у представителей предыдущих поколений по женской линии, который передается через механизмы межпоколенной передачи, и приводит к трудностям взаимодействия в системе «мать-ребенок».

С одной стороны беременность и материнство — состояния, которые могут способствовать достижению женщиной вершины полоролевого развития, а с другой — провоцировать возникновение глубокого личностного кризиса. В этот период оживают внутриспсихические конфликты, имевшие место на предыдущих стадиях развития, женщине приходится вновь адаптироваться к своему внутреннему и внешнему миру. Компетентное материнское поведение достигается в случае наличия адекватного эмоционального опыта взаимодействия, прежде всего, с собственной матерью.

Так, М. Мид отмечает, что привязанность и забота матери к своему ребенку так глубоко заложены в биологи-

ческих условиях зачатия, вынашивания, родов и кормления грудью, что только трудные социальные установки могут полностью подавить их. То есть общество в целом, в более широком аспекте и / или ближайшее окружение, семья, в узком аспекте, должны исказить самосознание женщины и врожденные закономерности развития, «совершить надругательства» над ней в процессе воспитания, чтобы она перестала желать заботиться о своем ребенке или иметь его [10].

Семья, как и любая система, стремится к равновесию, а достичь этого можно учетом семейных долгов —

сколько и что было получено, сколько и необходимо отдать. И с этой точки зрения девиантное материнство выступает своеобразным долгом, который отдается в форме мести предыдущим поколениям, как желание причинить им страдания, боль. Это результат невысказанной обиды, не отработанной травмы. Межпоколенческая передача не подразумевает проговаривания, это тайна, которая тщательно умалчивается, скрывается, иногда о ней даже запрещено думать, но она все равно входит в жизни потоков, «молчаливым грузом» весит над историей семьи, передаваясь из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болебер, В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача [Электронный ресурс] / В. Болебер // Журнал практической психологии и психоанализа. Научно-практический журнал электронных публикаций. — 2010. — № 4. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php? ID=2602>
2. Бриш К. Х. Терапия нарушения привязанности: от теории к практике / К. Х. Бриш; [пер. с нем. С. И. Дубинской]. — М.: Когито-Центр, 2012. 316 с.
3. Брутман, В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери [Электронный ресурс] / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова // Журнал практической психологии и психоанализа. Научно-практический журнал электронных публикаций. — 2002. — № 3. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php? ID=2914>
4. Винникотт, Д. В. Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт. — М.: НФ Класс, 2007. — 80 с.
5. Доклад «О защите прав детей в Российской Федерации» за 2015 год. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.svdeti.ru/images/files/UPR-doklad-2015.pdf>
6. Калшед, Д. Внутренний мир травмы [Электронный ресурс] / Д. Калшед. — Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/22671/mpj_2001_n1_Kalshed.pdf
7. Коряков, Я. И. Эволюция родительских образов в психоанализе / Я. И. Коряков // Психологический вестник Уральского государственного университета, вып.3. — Екатеринбург, 2002. — С. 101–123.
8. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI(1964)) / Ж. Лакан; [пер. с фр. А. Черноглазова]. — М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». — 2004. — 304 с.
9. Лапланш, Ж. Первофантазм. Первоначало фантазма / Ж. Лапланш, Ж. Б. Понталис // Французская психоаналитическая школа, под ред. А. Жибо, А. Россхина. — СПб.: Питер, 2005. С. 244–274.
10. Мид, М. Развитие ребенка / М. Мид. — М., 1968. — 307 с.
11. Пайнз, Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. [Электронный ресурс] / Д. Пайнз. — Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/pines/bistg/bistg_01.html
12. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны / Ф. Рупперт; [пер. с нем. Е. Гурская]. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2014. — 248 с.
13. Уэллдон, Э. В. Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства / Э. В. Уэллдон. — М.: Издательство «Перо», 2016. — 204 с.
14. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. / З. Фрейд; [пер. с нем. Г. В. Барышниковой]. — М.: Наука, 1989. — 456 с.
15. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. — СПб.: Алетейя, 1997. — 222 с.
16. Шутценбергер, А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / А. Шутценбергер. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. — 240 с.

© Жуйкова Марина Владимировна (mgv84@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СУЩНОСТИ, СТРУКТУРЫ, ФУНКЦИЙ И МЕХАНИЗМОВ БЕСПОМОЩНОСТИ

BASIC APPROACHES TO THE RESEARCH OF THE ENTITY, STRUCTURE, FUNCTIONS AND MECHANISMS OF HELPLESSNESS

A. Zavertyaeva

Summary. In article modern views are stated of a psychological phenomenon of the learned helplessness. The theory of attributions as the key theory of emergence of helplessness is analyzed. The learned helplessness is considered from the point of view of various psychological concepts. On the basis of the logiko-theoretical analysis definition of a condition of helplessness is removed, and the empirical reviewers of a condition of helplessness peculiar to children of preschool age are offered.

Keywords: learned helplessness, attributive style, deficiencies of helplessness, personal helplessness.

Завертяева Анна Александровна

Аспирант, Балтийский федеральный университет
им. И. Канта (г. Калининград)
anita.the.89@gmail.com

Аннотация. В статье изложены современные взгляды на психологический феномен выученной беспомощности. Анализируется теория атрибуций, как ключевая теория возникновения беспомощности. Выученная беспомощность рассматривается с точки зрения различных психологических концепций. На основании логико-теоретического анализа выводится определение состояния беспомощности, и предлагаются эмпирические референты состояния беспомощности, свойственные детям дошкольного возраста.

Ключевые слова: выученная беспомощность, атрибутивный стиль, дефициты беспомощности, личностная беспомощность.

В современном мире феномен беспомощности приобретает все большую популярность. Являясь наиболее ранней парадигмой возникновения депрессии, она описывает экзогенную модель депрессии. Концепция выученной беспомощности заключается в дефиците избегания после воздействия неподдающегося контролю стрессового фактора и рассматривается как защитный механизм, возникающий в непреодолимых ситуациях.

Цель данной статьи

На основании логико-теоретического анализа современной литературы уточнить рабочее определение «состояния беспомощности» и определить спектр его эмпирических референтов в поведении ребенка дошкольного возраста.

Первые упоминания о феномене беспомощности можно увидеть в исследованиях И.П. Павлова [11]. Формируя экспериментальные неврозы у собак, он обнаружил, что выработанный условный рефлекс полностью исчезает при условии внесения дополнительного электрического раздражения. В ходе эксперимента И.П. Павлов сделал вывод о том, что различные особенности поведения живых существ и есть результат научения.

Опираясь на выводы Павлова, Б.Ф. Скиннер выявил, что особенности поведенческой и эмоциональной реак-

ции человека на события подчиняются законам оперантного и обусловленного научения [22].

Зарождающаяся теория выученной беспомощности в контексте когнитивной и бихевиоральной науки на протяжении 60-х годов претерпевала различные изменения, пока в конце 60-х акцент теории не сместился с воздействия внешних факторов на внутренние причины, в сторону роли индивидуального ожидания, предпочтения, выбора, контроля.

Выученная беспомощность как феномен была открыта в 1967 году М. Селигманом. Проводя эксперименты на собаках, он заметил, что животные, подвергавшиеся неподдающемуся контролю и неизбежному удару током в одной ситуации, в дальнейшем также не пытались избежать удара током в тех ситуациях, где это было возможным [21, с. 171]. Справедливости ради, следует сказать, что еще в 20-х годах прошлого века об «обученной беспомощности» писал В.Ф. Чиж [14].

На основании своих исследований М. Селигман выдвинул следующие предположения [21]:

- ◆ выученная беспомощность приводит к появлению трех дефицитов: мотивационный, когнитивный и эмоциональный;
- ◆ выученная беспомощность формирует депрессию;
- ◆ отрицательный результат закрепляется и мешает дальнейшему обучению.

В своих исследованиях М. Селигман также выделил слова маркеры, которые наблюдаются в речи у людей с признаками выученной беспомощности. К данным словам он относил: «Не могу», «Не хочу», «Всегда», «Никогда», «Все бесполезно», «В нашей семье все такие». Селигман отмечал отсутствие позитивного опыта, повышенную тревожность и страх неудачи, скрывающиеся за этими словами.

Селигман также показал, что выученная беспомощность тесно связана с волевым развитием личности — в старшем дошкольном возрасте проявляются специфические особенности волевого развития [21].

В результате своих исследований, М. Селигман пришел к выводу о том, что выученная беспомощность может моделировать депрессию в том, что касается симптомов, причин, предотвращения и лечения [21].

Таким образом, выученная беспомощность рассматривается как состояние, возникающее в качестве реакции на неподконтрольные человеку события и имеющее тенденцию к генерализации.

Теория выученной беспомощности развивалась с двух позиций: одни авторы активно использовали лабораторное изучение феномена (С. Майер, Дж. Вейс, Х. Глазер, Л. Похорски) [20], другие пытались объяснить трудности реальной жизни парадигмой выученной беспомощности (В. Миллер, Д. Хирото и др.) [19]. Дальнейшее изучение беспомощности выявило наличие четырех недостатков в первоначальной теории [18; 20; 21]:

- ◆ невозможность объяснить, когда дефициты будут постоянными во времени и когда непостоянными;
- ◆ невозможность объяснить, когда дефициты выученной беспомощности будут распространяться на другие сферы деятельности и когда они будут характерны для одной области;
- ◆ невозможность объяснить потерю самоуважения у людей после ощущения беспомощности;
- ◆ невозможность объяснить различия между индивидуальными различиями человеческой уязвимости и беспомощности.

Для устранения этих недостатков Л. Абрамсон, М. Селигман и Дж. Тисдейл [16] пересмотрели первоначальную теорию и включили в нее индивидуальные причинные атрибуции негативных событий. Это позволило открыть важное направление в изучении выученной беспомощности — исследование связи между атрибутивным стилем и депрессией у детей и взрослых. Проведя эмпирические исследования, авторы пересмотренной теории выявили, что депрессии будут более подвержены те люди, которые приписывают жизненным

событиям внутренние, постоянные и общие причины, в отличие от тех, кто создает внешние, непостоянные и частные атрибуции.

К. Двек и её коллеги использовали теорию выученной беспомощности для объяснения трудностей в ориентированном на достижение поведении — академические неудачи объяснялись постоянными и глобальными причинами, а успехи — непостоянными и частными причинами [17].

В дальнейшем теорию беспомощности развивали Л. Абрамсон и ее коллеги [16]. Они выделили два вида беспомощности: универсальная (то, что представляется принципиально невозможным для любого человека) и индивидуальная беспомощность (определяется бессилием одного человека).

В российской психологии (Н. А. Батулин, Д. А. Циринг, Е. С. Давыдова и Е. В. Забелина) феномен выученной беспомощности рассматривается с двух точек зрения: ситуативная беспомощность и личностная [1; 7; 13].

Понятие ситуативная беспомощность ввел Н. А. Батулин [1]. В основе лежит психическое состояние, которое развивается в конкретной ситуации. Данный вид беспомощности может возникнуть у любого человека. Факторами возникновения беспомощности, в этом случае, будут интенсивность неудачи или негативных событий, а также адаптивность (толерантность) человека к подобным событиям. Состояние беспомощности возникает при высокой интенсивности негативных событий и низкой толерантности. Человек преодолевает состояние беспомощности за счет изменения ситуации, и включения механизмов бессознательной и сознательной саморегуляции.

В противовес теории выученной беспомощности, в российской психологии в 2005 г. появилась концепция личностной беспомощности, предложенная Д. А. Циринг [13]. Личностную беспомощность ученый рассматривала как устойчивое образование личностного уровня, представляющее совокупность личностных особенностей в сочетании с пессимистическим атрибутивным стилем, невротическими симптомами и определенными поведенческими особенностями. В качестве личностной характеристики беспомощность определяется как устойчивое личностное образование, сформированное в процессе онтогенеза под влиянием различных факторов. Личностная беспомощность характеризуется наличием когнитивного, волевого, эмоционального и мотивационного дефицитов. Д. А. Циринг [13], рассматривая личностную беспомощность, выделила еще и самостоятельность. В своем исследовании она показала основные отличительные черты двух категорий [13]. Она также отмечает, что структуры личностной беспомощности

и самостоятельности не являются устойчивыми с позиции онтогенетического подхода — со временем они заменяются когнитивной составляющей.

Феномен личностной и выученной беспомощности широко рассматривается современными авторами. В настоящее время в русле данной концепции изучаются: социально — психологические особенности беспомощности и самостоятельности (Д. А. Циринг, Ю. К. Мухаметова); факторы, способствующие формированию симптомокомплекса личностной беспомощности, в частности, родительские стили воспитания и травмирующие события (Е. В. Веденева, С. А. Сальева, Д. А. Циринг); изучается структура и психологическое содержание феномена самостоятельности (Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева) [2; 13; 15].

Также в российской психологии нашли отражение западные исследования, основанные на позитивной психологии М. Селигмана. Российские психологи основное внимание уделяют поиску способов превенции и профилактики беспомощности, коррекции проявлений данного состояния. Особое внимание уделяется позитивным конструкторам личности: активная жизненная позиция (В. С. Ротенберг, И. С. Коростелева и др.); формирование уверенности в себе (В. Ромек); компетентности (Е. Е. Вахрамов); личностный потенциал (Д. А. Леонтьев); самореализация (Э. В. Галажинский, Л. А. Коростылева, И. В. Солодникова); оптимизм (Т. О. Гордеева) [4; 6; 8; 10; 12].

В психологии к настоящему моменту феномен выученной беспомощности стали рассматривать с разных позиций.

Когнитивно — бихевиоральный подход являлся первым и долгое время основным в описании выученной беспомощности. В рамках данного подхода беспомощность понималась как состояние, которое возникает в результате длительного по времени и неоднократно повторяющегося воздействия (как позитивного, так и негативного), избегание которого является невозможным, и определяется наличием оптимистического или пессимистического атрибутивного стиля [5; 18; 21].

В рамках гуманистического подхода за основу понимания феномена выученной беспомощности берется теория поля К. Левина [9]. Беспомощность рассматривается как форма полезависимого поведения, и представляет собой повторяющиеся затруднения процесса творческого приспособления, и связывается с отказом от достижения своих целей и преодоления препятствий (связана с ослаблением естественной потребности человека в свободе и независимости), а также с неразрешенными внутренними конфликтами и с накоплением незакрытых гештальтов. Повышение сопротивляемости человека к неудачам обосновано опытом преодоления

трудностей и опытом активного поиска. Преодоление беспомощности зависит от способности человека менять свое отношение к внешним и внутренним препятствиям. В противовес выученной беспомощности в данном подходе стоит поисковая активность, которая стимулируется задачами, не имеющими однозначного решения. Г. П. Геранюшкина и О. Э. Афраимович [5] выделяют признаки нарушенной адаптации беспомощной личности к социальному окружению и себе самой:

- ◆ «сопротивление удовлетворению своих потребностей;
- ◆ нарушения цикла контакта;
- ◆ наличие неразрешенных внутренних конфликтов;
- ◆ представление о непреодолимости препятствий, отказ от поиска;
- ◆ отсутствие стремлений к активной деятельности, «витание в облаках»;
- ◆ неспособность к спонтанному самовыражению;
- ◆ низкая самооценка, отсутствие интереса к себе, страх неудачи;
- ◆ стереотипное, непродуктивное поведение в условиях неопределенности;
- ◆ зависимость от внешних условий и значимых лиц;
- ◆ ригидность сценариев приспособления к жизненной ситуации» [5, с. 20].

На основании проведенных исследований, они выделили 4 типа беспомощного поведения — сценарии сопротивления: «разочарование» (убежденность человека в несоответствии своего внутреннего и внешнего мира, в невозможности воплощения своих целей и желаний в данной среде, что приводит к изоляции и противопоставлению со средой); «ответственность» (характеризуется гиперответственностью, повышенными требованиями к себе и другим, скрупулезным следованием ценностям, нормам и традициям среды); «беззаботность» (попытка избавиться от негативного воздействия путем ухода в состояние «детской беззаботности»); «зависимость» (характеризуется отсутствием самостоятельных попыток к решению проблемы и ожиданием помощи извне) [5]. Данные типы разбиваются авторами на 12 подтипов, включающие описанные сценарии поведения и связанные с персональным отклонением вектора сопротивления. Степень отклонения вектора соответствует степени проявления признаков выученной беспомощности.

С позиции онтогенетического подхода выученная беспомощность характеризуется торможением моторной активности, ослаблением биологической мотивации, потерей способности к научению, появлением соматических расстройств [2; 3]. Опираясь на основные показатели развития эмоциональной, когнитивной, мотивационной и волевой сфер на разных возрастных

этапах, выделяются специфические новообразования, характерные для феномена беспомощности.

Психосоматический подход предполагает постепенное формирование и выучивание беспомощности, под влиянием фактора социального реагирования на особенности соматического статуса ребенка. Само заболевание или осознание влияния степени и характера соматического заболевания на деятельность в данном подходе не является решающим фактором в возникновении выученной беспомощности [3]. Соматическое расстройство является пусковым механизмом выученной беспомощности, в котором специфические особенности беспомощности проявляются в сочетании с ослабленным соматическим здоровьем.

В рамках субъектно — деятельностного подхода рассматривается личностная беспомощность, как качество субъекта, включающее в себя единство специфических личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними. Специфической особенностью личностной беспомощности является ее целостность как психического образования — все ее компоненты взаимно влияют и обуславливают друг друга [1; 2; 7; 8; 10].

Основным свойством выученной беспомощности является ее способность к генерализации — активное распространение на все аспекты жизни человека. Степень генерализации выученной беспомощности полностью зависит от характера прошлого опыта человека и его психологических установок. Говоря о старшем дошкольном возрасте в ситуации болезни, О.В. Волкова отмечает, что значительная степень ответственности за содержание жизненного опыта ребенка лежит на его непосредственном социальном окружении, состав которого обусловлен частотой рецидивов проявления соматических заболеваний [3].

В настоящее время возникновение выученной беспомощности рассматривается с позиций трех источников:

- ◆ опыт переживания неблагоприятных, неконтролируемых событий;
- ◆ опыт наблюдения беспомощных людей;
- ◆ отсутствие самостоятельности в детстве, готовность родителей делать все вместо ребенка.

Состояние выученной беспомощности часто может скрываться за сходными состояниями (апатия, чувство усталости). Однако существуют основные варианты поведения людей в состоянии беспомощности [3]:

- ◆ псевдоактивность;
- ◆ отказ от деятельности;
- ◆ ступор;
- ◆ перебор стереотипных действий в попытке найти одну, адекватную ситуацию;

- ◆ деструктивное поведение;
- ◆ смещение на псевдоцель.

Опираясь на данные варианты, психологи выделили факторы, препятствующие формированию беспомощности [1; 3; 5; 13; 17]:

- ◆ опыт активного преодоления трудностей и собственного поискового поведения;
- ◆ оптимизм;
- ◆ высокая самооценка;
- ◆ психологические установки относительно атрибуции своего успеха и неудач.

Таким образом, выученная беспомощность возникает как защитный механизм на стрессовые воздействия, провоцируемые различными соматическими и психологическими реакциями. Так как, в нашем случае, ребенок с задержкой психического развития постоянно находится под воздействием стрессовых факторов: повышенное внимание со стороны специалистов, дополнительное медикаментозное сопровождение, к нему предъявляются особые требования, которым ребенок не всегда может соответствовать. В качестве защитной реакции у такого ребенка может сформироваться состояние беспомощности, которое может рассматриваться как неспецифический фактор риска патопсихологических расстройств.

На основании логико-теоретического анализа литературы мы определили следующее определение состояния беспомощности, наблюдающегося у старших дошкольников — это временно приходящее, нестабильное состояние, которое свойственно дошкольному возрасту, возникающее в качестве реакции на события. Данное состояние характеризуется наличием мотивационного, когнитивного, волевого и эмоционального дефицитов. Спектр эмпирических референтов проявляется в: наличии слов — маркеров («не хочу», «не буду»); смещением на псевдоцель в деятельности; быстрой сменой заинтересованности на отказ от деятельности; переносе неудачного опыта на новый вид деятельности. Состояние беспомощности у детей старшего дошкольного возраста формируется постепенно под воздействием: нарушений в системе воспитания, травмирующих событий, наблюдения подобной стратегии со стороны значимого взрослого, фактора социального реагирования.

Можно сделать вывод о том, что состояние беспомощности с большей вероятностью возникает при наличии у человека пессимистического атрибутивного стиля поведения: плохие события рассматриваются с точки зрения внутренних, постоянных и глобальных причин, а хорошие относятся к внешним, непостоянным и частным причинам. Аtribuтивный стиль закладывается с детства, формируясь под влиянием стиля родителей, учителей и значимых для ребенка фигур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурин Н. А. Психология успеха и неудачи: учебное пособие. — Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999. — 100 с.
2. Веденева Е. В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322. — С. 186–189.
3. Волкова О. В. Онтогенетический подход к исследованию феномена выученной беспомощности // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. — 2013. — № 6 (23). — URL: http://mprj.ru/archiv_global/2013_6_23/nomer/nomer03.php
4. Галажинский Э. В. Некоторые психологические проблемы изучения самореализации личности // Современная психология: состояние и перспективы. — М., 2002. — Т. 2.
5. Геранюшкина Г. П., Афраймович О. Э. Психологические защиты у лиц с признаками выученной беспомощности // Психология в экономике и управлении, 2014. — № 2. — с. 23–29.
6. Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Шевяхова В. Ю. Диагностика оптимизма как атрибутивного стиля (опросник СТОУН). — М.: Смысл, 2008. — 154 с.
7. Забелина Е. В. Коммуникативная активность и беспомощность подростков: результаты формирующего эксперимента // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2008. — № 5. — С. 186–189.
8. Коростелёва И. С., Ротенберг В. С. Поисковая активность и проблема обучения и воспитания // Вопросы психологии. — 1988. — № 6. — С. 60–71.
9. Левин К. Топология и теория поля // История психологии. XX век: Хрестоматия для высшей школы / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. — С. 236–246.
10. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. — М.: Смысл, 2006. — С. 85–105.
11. Павлов И. П. Экспериментальная патология высшей нервной деятельности. // Павлов И. П. Мозг и психика / Под ред. М. Г. Ярошевского. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 320 с. — С. 223–241.
12. Солодников И. В. Самореализация личности в зрелом возрасте: автореф. дис. канд. псих. наук. — М., 2007. — 34 с.
13. Циринг Д. А. Психология выученной беспомощности: учебное пособие. — М.: Академия, 2005. — 120 с.
14. Чиж В. Ф. Психология личности и индивидуальности / В. Ф. Чиж / Составитель В. А. Журавель / под ред. В. Ю. Слабинского / вступ. ст. В. А. Журавеля / закл. ст. В. Ю. Слабинского. — СПб: Невский Архетип, 2016. — 424 с.
15. Яковлева Ю. В. Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2008. — № 5. — С. 161–165.
16. Abramson L. Y., Seligman M. E. P., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: Critique and reformulation // Journal of Abnormal Psychology, 1978. — № 87. — p. 49–74.
17. Dweck C. S. A Social — Cognitive Approach to Motivation and Personality // Psychological Review, 1988. — Vol. 95. — № 2. — p. 256–273.
18. Harvey D. M. Depression and Attributional Style: Interpretations of Important Personal Events // Journal of Abnormal Psychology, 1981. — Vol. 90. — No. 2. — p. 134–142.
19. Hiroto D. Locus of control and learned helplessness // Journal of Experimental Psychology. — 1974. — Vol. 102. — P. 187–193.
20. Maier S. F., Peterson C., Schwartz B. From Helplessness to hope: the Seminal career of Martin Seligman. — Philadelphia: Templeton Foundation Press. — 2000. — 33 p.
21. Seligman M. E. P. Helplessness: On depression, development, and death — San Francisco: Freeman, 1977. — 474 p.
22. Skinner B. F. The concept of the reflex in the description of behavior // Journal of General Psychology, 1931. — № 5. — p. 427–458.

© Завертяева Анна Александровна (anita.the.89@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПОДГОТОВКИ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ

THE USAGE OF TECHNOLOGY OF PSYCHO-PEDAGOGICAL INTERACTION AND ITS ROLE IN IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF TRAINING YOUNG SPORTSPERSON

**A. Kuteynikov
D. Polyakov**

Summary. Discussed the issue of improving the effectiveness of training young athletes in case if there is an orientation of trainer not to the usual policy impact, but to the psychological and pedagogical interaction. Psycho-pedagogical interaction is defined as a pedagogical technology, involving mutual coordination in communication and the coordination of individual actions of the athlete and trainer.

In the result of the study found to be more effective are those dyads «trainer-athlete», where the observer is setting the trainer to take into account the individual properties of the personality and the individual response of the athlete. It was also noted that the quality of individual training beginners is raised if there is a compatibility between trainer and athlete in terms of temperament and anxiety.

Keywords: psychological and pedagogical interaction, the subject-subject approach, the performance of the athlete's achievements, individual approach, compatibility between the trainer and athlete, athletic success.

Кутейников Алексей Николаевич

К.псх.н., доцент, Северо-Западный институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
alex_kutejnikov@mail.ru

Поляков Дмитрий Юрьевич

Аспирант, Северо-Западный институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
d.y.szags@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о повышении результативности подготовки юных спортсменов в случае если наблюдается ориентация тренера не на обычное директивное воздействие, а на психолого-педагогическое взаимодействие. Психолого-педагогическое взаимодействие определяется как педагогическая технология, предполагающая взаимное согласование в коммуникации и координацию индивидуальных действий спортсмена и тренера.

В результате проведенного исследования установлено, что более результативными являются те диады «тренер-спортсмен», где наблюдается установка со стороны тренера принимать во внимание индивидуальные свойства личности и индивидуальные реакции спортсмена. Также было отмечено, что качество индивидуальной подготовки начинающих спортсменов повышается, если имеет место совместимость тренера и спортсмена по показателям темперамента и тревожности.

Ключевые слова: Психолого-педагогическое взаимодействие, субъект-субъектный подход, результативность достижений спортсмена, индивидуальный подход, совместимости тренера и спортсмена, спортивная успешность.

В советские времена результативность тренера оценивалась по количеству воспитанных им спортсменов. При этом автоматически подразумевался тезис, гласящий, что воспитание спортсмена является результатом деятельности исключительно тренера. Однако, в настоящее время все больше специалистов в области спортивной педагогики приходят к выводу, что в деле подготовки юных спортсменов важным фактором выступает взаимодействие двух субъектов: спортивного педагога и самого спортсмена. Таким образом, с каждым годом все большим авторитетом среди специалистов пользуется тезис, утверждающий, что успешность выступлений юных спортсменов и достижение ими высоких результатов являются результатом деятельности обоих лиц: и тренера, и его воспитанника.

Итак, мы видим, что в спортивной педагогике все большую популярность приобретает уже не субъект-объектный, а субъект-субъектный подход. Последний предполагает наличие определенной педагогической технологии, называемой технологией психолого-педагогического взаимодействия. У данного термина есть множество определений, но мы считаем нужным придерживаться определения приведенного С.Ю. Головиным: согласно указанному определению, психолого-педагогическое взаимодействие — представляет собой способ реализации совместной деятельности, который требует разделения и кооперации функций, а потому — взаимного согласования и координации индивидуальных действий.

Применительно к сфере спортивной педагогики, суть психолого-педагогического взаимодействия заключается в том, что в спортивно-методической работе тренерам-преподавателям рекомендуется уделять максимум внимания реализации принципа индивидуального подхода к работе со спортсменом, принимая во внимание его своеобразные личностные особенности и психофизиологический статус. При этом предполагается, что:

1. Усложняется сам процесс работы тренера со спортсменом, так как деятельность тренера перестает быть стандартной и нормативной, в ней происходят многочисленные разрывы шаблонов;
2. С другой стороны при правильно подобранном психолого-педагогическом взаимодействии увеличивается результативность достижений спортсмена.

С практической точки зрения указанную систему можно охарактеризовать как рационально организованный процесс обучения, воспитания и тренировки на основе учета закономерностей формирования двигательных и психических возможностей детей и подростков и особенностей их адаптации к физическим и психическим нагрузкам.

С целью проверки данного предположения нами было проведено специальное исследование в муниципальном образовательном бюджетном учреждении дополнительного образования «Всеволожская детско-юношеская спортивная школа». Итак, во Всеволожской детско-юношеской спортивной школе были протестированы группа тренеров-преподавателей в количестве 7 человек (в дальнейшем тренеры-преподаватели, как они и должны официально именоваться в соответствии с уставом ДЮСШ, также называются просто тренерами). Трое из указанных тренеров ориентировались в своей спортивно-педагогической деятельности на технологию педагогического взаимодействия, а четверо — не разделяли положения этого подхода (оценки были получены посредством субъективного самоотчета). Далее в тесте применены следующие обозначения: тренеры-преподаватели ориентирующиеся на технологию педагогического взаимодействия и спортсмены, обучающиеся у них, обозначаются как группа А (3 человека); тренеры-преподаватели, не разделяющие положения данного подхода и их воспитанники обозначаются как группа Б (4 человека). Наряду с тренерами-преподавателями были протестированы их воспитанники. Оцениваемыми параметрами выступали: вертированность и нейротизм (использовались взрослый и детский вариант опросника Г.Ю. Айзенка), степень личностной тревожности (опросник Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина). Общий объем исследованной выборки составил 35 учащихся (все юноши) и 7 тренеров-преподавателей. Возраст учащихся составлял 12–14 лет.

По результатам оценивания спортивных достижений учащиеся Всеволожской ДЮСШ были условно отнесены к одной из двух категорий: успешные и неуспешные.

Для оценки степени совпадения личностных показателей темперамента и тревожности учащихся с соответствующими личностными показателями тренеров были применен метод наименьших квадратов. То есть, была составлена таблица данных, в которой в столбиках были представлены все три тестовых показателя (как тренеров, так и их воспитанников). На следующем этапе была просчитана «степень близости» показателей юных спортсменов с соответствующими показателями тренеров-преподавателей в их группе по следующей формуле:

$$p = \sqrt{\sum (x_i - x_j)^2}$$

То есть были вычислены квадраты разниц между показателями вертированности, нейротизма и тревожности у каждого из учащихся и тренеров-преподавателей, преподающих в их группе. Затем эти квадраты разниц подлежат суммированию, и из этой суммы извлекается квадратный корень. После этого в каждой группе выявлялись по два ученика, чьи тестовые показатели были наиболее приближены к показателям тренеров и оценивались спортивные достижения этих учеников.

Таким образом, нами было выявлено 6 наиболее приближающихся по своим темпераментным показателям и уровню личностной тревожности учеников в группе А. В группе Б таких было выявлено 8. Однако, главным оставался следующий вопрос. Можно ли сказать, что в группе, где тренер-преподаватель ориентируется на концепцию педагогического взаимодействия, лица, похожие по личностным показателям на своих тренеров, более успешны в спортивном плане? Именно в этом и заключалась основная гипотеза нашего исследования. Ответ оказался положительным. Именно в группе А из тех шести учеников, чьи личностные параметры наиболее подходили на соответствующие параметры их тренеров, спортивно успешными оказались пятеро. В группе Б результаты резко отличались. Во-первых, там оказалось меньше юных успешных спортсменов: их было всего двое. Во-вторых, ни один из этих двух не относился к категории «психологически похожих» на своих тренеров. Таким образом, был получен ответ на поставленный в гипотезе вопрос.

Результаты сведены в таблицу 1.

При этом авторы статьи допускают, что исследованный контингент немногочисленен, и, возможно, если расширить выборку, можно получить более статистически значимые результаты. Однако, авторы статьи счита-

Таблица 1

Группа (отношение к концепции педагогического взаимодействия)	Кол-во тренеров и их спортивных групп	Кол-во обучающихся всего	Кол-во обучающихся, «совпадающих» по своим параметрам с тренером	Из них являющиеся успешными в спортивном плане
А (разделяют концепцию ПВ)	3	15	6	5
Б (не разделяют концепцию ПВ)	4	20	8	2

ют, что здесь все же можно вести речь о явной закономерности.

Таким образом, анализ результатов проведенного нами исследования позволяет сделать вывод, что качество индивидуальной подготовки начинающих спортсменов повышается, при интеграции следующих психолого-педагогических условий:

- ◆ совместимости тренера и спортсмена по показателям темперамента и тревожности,
- ◆ лично-ориентированного взаимодействия обоих субъектов педагогического процесса,
- ◆ наличия целенаправленного управления (со стороны тренера) процессом физической подготовки с целью максимальной реализации индивидуальных спортивных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяткин Б. А. Роль темперамента в спортивной деятельности / Б. А. Вяткин. — М.: Физкультура и спорт, 1978. — 135 с.
2. Дашкевич О. В., Зобков В. А. Личностные факторы психической готовности юного спортсмена к спортивной деятельности. — М.: ГЦОЛИФК, 1982. — 79 с.
3. Коломинский Я. Л., Плескачева Н. М., Заяц И. И., Митрахович О. А. Психология педагогического взаимодействия. — СПб, Речь, 2007. — 240 с.
4. Кутейников А. Н. Математические методы в психологии. — СПб, Речь, 2008, 176 с.
5. Маришук В. Л., Блудов Ю. М., Плахтиенко А. Д., Серова Л. К. Методики психодиагностики в спорте. — М, Просвещение, 1900. — 256 с.
6. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин: Харвест; Минск; 1998

© Кутейников Алексей Николаевич (alex_kutejnikov@mail.ru), Поляков Дмитрий Юрьевич (d.y.szags@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. БАЛАНЧИНА

THE REFRACTION OF THE RUSSIAN CULTURE IN BALANCHINE'S CREATIVITY

O. Fugina

Summary. The research is devoted to consideration of creativity of the Russian-American choreographer G. Balanchine through the light of the national culture characteristics which were formulated by Likhachev. The research shows the characteristics are traced brightly in his works and are the dominant ones. The received conclusions are extremely important. They give the chance to pass from a traditional ballet view to the culturological analysis of choreographic art that undoubtedly expands the horizons of ballet heritage studying, in particular, of J. Balanchine's.

Keywords: Russian culture, the dominant features of Russian culture, Likhachev, Balanchine, aesthetics, folk culture, internationalism, tolerance, American ballet.

Фугина Ольга Александровна

Аспирант, Московский государственный институт культуры
Temple_dance@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению творчества русско-американского балетмейстера Дж. Баланчина через призму характерных черт отечественной культуры, сформулированных Д. С. Лихачевым. Полученные выводы позволили заключить, что указанные черты русской культуры прослеживаются в творчестве хореографа достаточно ярко. Подобное заключение является чрезвычайно важным, поскольку оно дает повод к рассмотрению хореографического искусства не только с балетоведческой точки зрения, но и с позиции культурологического анализа, что несомненно расширяет горизонты изучения балетного наследия, в частности, Дж. Баланчина.

Ключевые слова: русская культура, доминантные черты русской культуры, Д. С. Лихачев, Дж. Баланчин, эстетическое начало, фольклорная культура, интернационализм, толерантность, американский балет.

Джордж Баланчин (1904–1983) — русско-американский балетмейстер, родился в России, а мировую славу приобрел в Америке. Россия и США — две страны, чьи культуры сыграли колоссальную роль в его творческом пути. Сплетаясь воедино возникает новая эстетика — эстетика балетного театра Баланчина, где теперь сложно понять к проявлению какой культуры относится то или иное явление в его творчестве. С одной стороны, творческое становление Баланчина, формирование его художественных принципов происходило под влиянием русской культуры, с другой стороны, прожив в Америке пятьдесят лет, вобрав в себя определенные черты «американизма», многие считают его американским балетмейстером. Несмотря на это на склоне своих дней, сам себя он идентифицировал так: «по культуре — скорее русский, а по национальности — петербуржец» [1, с. 88]. В этой связи, актуальным будет рассмотрение творческого наследия Баланчина через призму доминантных черт отечественной культуры. Такого рода исследование открывает горизонты для более глубокого анализа творческих принципов балетмейстера, а полученные выводы помогут в решении более сложных вопросов, касающихся русско-американских культурных связей в области балета.

Во многих известных типологиях культур — культуру России, как правило, рассматривают обособленно от восточного или западного типа, осознавая исторически сложившийся ее самобытный путь развития. В связи с этим, в изучении русской культуры особое значение приобретает определение ее доминантных (характерных) черт. Эта тема стала предметом внимания многих видных оте-

чественных ученых: А. А. Аронова, М. В. Алпатова, П. С. Гуревича, Д. С. Лихачева, Д. В. Сарабьянова, и др.

Выдающийся русский ученый Д. С. Лихачев, чья научная мысль на протяжении всей жизни была обращена к русской культуре, посвятил рассмотрению различных аспектов отечественной культуры такие работы: «Заметки о русском» (1981), «Раздумья о России» (1999), «Русская культура» (2000) и др. К вопросу о доминантных чертах русской культуры Лихачев обращается в предисловие к работе «Русское искусство от древности до авангарда» [2], где заключает, что отечественной культуре характерны такие особенности как: «эстетическое начало»; отмечает, что «Русская культура нового времени не осталась чуждой культуре древней Руси» и продолжалась «в нормах древнерусской, фольклорной культуры»; и далее, что «русская культура на всем пути своего развития не причастна к человеконенавистническому национализму», подразумевается, что ей чужд национализм, но присутствию интернационализм и толерантность; также, ученый отмечает, что отечественной культуре свойственна «открытость по отношению к другим культурам». Таким образом, Лихачев условно определяет четыре яркие доминанты, характеризующие русскую культуру.

Рассмотрим преломление данных черт отечественной культуры в творчестве русско-американского балетмейстера Дж. Баланчина и попытаемся установить, являются ли они ключевыми в его творчестве

1. Итак, первая черта была определена, как «*эстетическое начало*». Раскрывая мысль ученый пишет: «Из-

брание византийского православия из-за красоты богослужения — это факт, может быть, самый судьбоносный в истории культуры Древней Руси. Красота оказалась удостоверением истинности» [2, с. 8]. Рассмотрим отражение данной черты.

Эстетическое начало творчества Баланчина уходило своими корнями именно в великолепие церковного богослужения, которое в нем вызвало неизгладимое чувство, когда еще в детстве, в Петербурге, традиционно с родителями юный Георгий посещал праздничные службы. Он вспоминал: «Литургия на меня производила с детства замечательное впечатление. Духовенство выходит — все одеты шикарно, в роскошных митрах, выглядят прямо как святые. И вся служба такая трогательная, красивая» [1, с. 52]. Свое представление о глубинном понимании духовной красоты он выразил в постановках: «Блудный сын» С.С. Прокофьева (1929, 1950), «Легенда об Иосифе» Р. Штрауса (1931), «Распятие Христа» И.С. Баха (1943), «Семь смертных грехов» К.Ю. Вайля (1933, 1958).

Реализация красоты внешней, как отражение красоты внутренней Баланчин культивировал на протяжении всей своей жизни собственной личностью, эти принципы логично трансформировались в его работах.

Эстетичность, утонченность творческого стиля Баланчина начиналось с его внешнего облика. Читая воспоминания тех, кто знал Баланчина лично, невольно перед нами предстает «идеальный портрет»: «художественно-худощавый силуэт, нестареющее лицо, нетяжелая походка» [3, с. 79]. Барбара Волцак — бывшая участница труппы Баланчина вспоминала, что «он всегда был одет «с иголки»» [4, р. 9] в костюме при черном галстук-бабочке. Также экс-солист труппы «Нью-Йорк сити балле» Жак Д'Амбуаз говорил, что Баланчин обладал «невероятным тактом, отменным вкусом и прекрасными манерами» [5, с. 11]. «Идеального портрета» балетмейстер добивался и в своей труппе. Ю. Зорич, некогда танцевавший в труппе Баланчина, вспоминал, что балетмейстер балерин «выбирал с длинной шеей, чтобы ноги длинные были. Даже измерял сантиметром шею и подъемы...» [6, с. 53]. Такая скрупулезная строгость не ограничивалась лишь к внешним данным, в ежедневном классе Баланчин отработывал с танцовщиками «сотни и тысячи батманов», доводя технику исполнителей до головокружительных высот.

Историк балета В. Гаевский сделал вывод, что «все представления Баланчина о красоте вообще, о красоте человеческого тела, женского прежде всего, напрямую связаны с профессиональной виртуозностью. Фигура балерины в полный рост, в рабочей униформе, на высоких выворотных пуантах и вытянутой как струна — это

парадный портрет работающего тела» [3, с. 79]. Именно такими мы видим танцовщиц в балетах Баланчина.

«Визитными карточками» его творчества являются балеты «Аполлон» (1928) и «Агон» (1957) И. Стравинского, «Серенада» П.И. Чайковского (1934) и др. Отличительная черта этих постановок заключается в хореографической выстройке графически сложных поз, которые образуют столь же сложные геометрические ансамбли. И. Скларевская, театральная и балетная критик, очень точно сформулировала визуальный образ постановок, написав, что «у Баланчина — математически точная разработка мгновенно меняющихся построений... кордебалет Баланчина — потоки движения и стройная геометрия пространства» [7, с. 83].

Причины такой, можно сказать, «архитектурной» эстетики, надо полагать, стоит искать в том, что Баланчин, родился и вырос в Петербурге — в городе «идеальных пропорций». Он вспоминал: «в Петербурге были прямые красивые улицы. И там всегда заботились о пропорциях. Был специальный императорский указ, что высота домов не может превышать ширину улиц. К примеру, я жил на знаменитой Театральной улице рядом с Александринским императорским театром. Маленькая улица, но необычайной красоты, а почему? Длина улицы — двести двадцать метров, ширина — двадцать два метра, а высота зданий по улице — тоже двадцать два метра. Нетрудно вычислить, почему улица такая прекрасная!» [1, с. 58]. Взращенный эстетикой города на Неве, на творениях лучших архитекторов Европы, это все он позже перенесет на сцену. В своих постановках он словно по примеру зодчих использовал метод архитектурной стройности идеальных пропорций. Его «балеты, — писал В. Гаевский, — лишены внешнего антуража, без декораций, без реквизита, — лишь музыка, формирующая ритм, лишь свет, создающий линии, — одноактные балеты, сведенные... к чистоте художественного проекта» [8, с. 269]. Хореографическая эстетика Баланчина — «бессюжетных» и «бескостюмных» балетов, на сегодняшний день стала эстетическим эталоном неоклассического балета во всем мире.

Творческое наследие Баланчина, было оценено современным поколением как подлинный художественно-эстетический феномен, и вошло в сокровищницу мировой культуры именно благодаря мощному эстетическому началу, которое являлось одной из основных черт в творчестве Баланчина.

2. Далее у Лихачева: «Русская культура нового времени не осталась чуждой культуре древней Руси» и продолжалась «в нормах древнерусской, фольклорной культуры», то есть, в русской культуре наравне с культурой светской — культура фольклорная.

Несмотря на то, что в основном Баланчин ставил бессюжетные, т.н. абстрактные балеты, тем не менее он осуществил и ряд постановок на исконно русском материале.

В 1969 году балетмейстер ставит хореографию к опере «Руслан и Людмила» М. Глинки в Гамбурге (впервые ставится за пределами России).

И. Стравинский — композитор и близкий друг Баланчина — считал, что творец тяготеет «к проявлению национального начала... поскольку такое проявление бессознательно» [9, с. 260]. Сотрудничество композитора и балетмейстера было многолетним. На тему русского фольклора Баланчин поставил два балета на музыку Стравинского: «Лисица» и «Жар-птица».

Балет «Лисица» (Renard, 19747) — постановка по мотивам русских народных сказок, являла собой веселое представление с пением и музыкой.

Сказка-балет «Жар-птица» — по мотивам русских народных сказок — был показан в 1949 году. Американский биограф Баланчина Б. Тайпер писал: «Из всех постановок Баланчина, балет, которые произвел наибольший фурор, хотя и не был бессюжетным — модернизированная и сокращенная версия «Жар-птицы»...» [10, р. 234]. Эта постановка надолго укрепилась в репертуаре труппы.

Таким образом, рассмотренные постановки свидетельствуют о том, что тематика русского фольклорашла воплощение в творчестве балетмейстера.

3. Далее Лихачев отмечает, что «русская культура на всем пути своего развития непричастна к человеконенавистническому национализму», подразумевается, что ей чужд национализм, а свойственны интернационализм и толерантность.

Чтобы рассмотреть данный аспект, снова необходимо вспомнить о городе, в котором родился Баланчин — Петербурге, где исконно проживало множество национальностей, что означает множество культур, традиций и вероисповеданий. Обратимся к словам Д. С. Лихачева: «Главная улица — Невский проспект стал своеобразным проспектом веротерпимости, где бок о бок с православными церквями находились церкви голландская, немецкая, католическая, армянская, а вблизи от Невского — финская, шведская, французская. Не все знают, что самый большой и богатый буддийский храм в Европе был построен именно в Петербурге. В Петрограде же была построена богатейшая мечеть» [2, с. 9]. В такой атмосфере всеобщей толерантности происходило личностное становление Баланчина, эти черты он сохранил на всю жизнь.

До середины XX века в Америке процветал расизм. В это время Баланчин принимает в школу талантливого темнокожего танцовщика А. Митчелла. Он вспоминал: «был случай, когда Баланчину позвонили родители одной танцовщицы и сказали: «Мы не хотим, чтоб наша дочь танцевала с черным». Баланчин на это отвечал: «Ну, можете забрать вашу дочь из нашей труппы»» [11, с. 12]. Балетмейстер поддерживал молодого афроамериканского танцовщика, и когда Митчелл создал первую школу балета, а затем Театр танца для темнокожих, Баланчин бесплатно отдал ему все свои балеты. «Все это помогло в борьбе с предрассудками относительно того, что чернокожие люди не созданы для балета,— вспоминал Митчелл,— мне говорили: «Ну да, ты танцуешь, но ты исключение». На что я отвечал: «Нет, я не исключение, у меня просто была такая возможность»» [11, с. 12]. Эту возможность подарил ему именно Баланчин.

С особым удовольствием балетмейстер работал с темнокожей танцовщицей Дж. Бейкер, считая ее очень талантливой. Когда из поставленных Баланчиным номеров для Бейкер в бродвейском шоу «Безумства Зигфрида» (1936) режиссеры включили в представление лишь два номера, балетмейстер сетовал: «... она им очень не нравилась, потому что она... американская негритянка из Гарлема...» [12, с. 229]. Он впервые вывел на сцену в качестве солистки темнокожую исполнительницу, танцующую наравне с белыми, что было для Америки беспрецедентно в то время. Работая с талантливыми танцовщиками, не взирая на цвет кожи, Баланчин подобным способом противостоял расовой сегрегации.

Отметим также, что Баланчин испытывал интерес к разным культурам. Заинтересовавшись японской — он заказал японскому композитору Тосиро Маютзуми музыку к балету «Бугаку» (1963). В 1951 году обращается к фламандскому фольклору — балет «Тиль Уленшпиигель» Р. Штрауса, где «Тиль не обобщенная мифическая фигура, он определенно фламандец — освободитель своей страны от испанских захватчиков» [13, р. 445]. В постановке «Британский флаг» (Х. Кея, 1976) балетмейстер отобразил «дух британской народной культуры» [10, р. 347]. В 1958 году осуществляет национальный американский балет «Звезды и полосы» (Stars and Stripes) на музыку популярных маршей Д. Ф. Соуза.

Все рассмотренные обстоятельства дают нам возможность утверждать, что Баланчину был чужд национализм, а такие черты русской культуры как: интернационализм и толерантность выразились в его творчестве достаточно ярко.

4. Следующую черту Лихачев определяет, как: «открытость по отношению к другим культурам».

Постараемся рассмотреть эту способность к взаимодействию культур в творчестве Баланчина как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, Дж. Баланчин прожил в Америке пятьдесят лет и полюбил эту страну. На основе традиций русского балета, но под воздействием американской культуры Баланчин создает собственный балетный театр. Он добавляет в балет «скорость нью-йоркской жизни» и элементы американской танцевальной культуры (степ, чечетку, джаз, мюзиклы Бродвея), сделав их частью своей хореографии.

Погружаясь в американскую культуру, элементами которой был Бродвей и Голливуд, Баланчин ставил танцы для мюзиклов и киноревию: «Безумства Зигфельда» (муз. В. Дюка, 1936), «На пуантах!» (муз. Р. Роджерса, 1936), «Младенцы на руках» (идиома «младенцы во все оружие»), «Празднества Голдвина» (муз. Дж. Гершвина, 1938). Несомненно, работая в самом «сердце» американской культуры Баланчин вбирал ее особенности, которые отразились на его творчестве.

Ему принадлежат первые балеты на американские сюжеты: образ ковбоев в «Симфони Дальнего Запада» (Х. Кея, 1954), американского мегаполиса в балете «Кому какое дело?» (Дж. Гершвина, 1970) «Убийство на Десятой авеню» (1968) и др.

С другой стороны, Баланчин был открыт не только к «принятию» культур других стран, но и делился «своей» культурой. В сущности, создавая американский балет, он перенес идею русской балетной школы на американский континент. «Перенос русского» касался не только балета. В течение всего американского периода он продолжал жить русскими традициями, отмечал православные праздники, вовлекая в процесс свою американскую труппу. Барбара Хорган, бессменная ассистентка Баланчина, с теплотой вспоминала ежегодные празднования Пасхи. Навсегда остались в памяти Баланчина детские воспоминания о светлом русском празднике — Рождестве: «У нас в Петербурге было гениальное Рождество. Ах, как это было гениально! Я был маленький. Для меня Рождество было совершенно исключительной вещью... В Петербурге рождественская служба...незабываемый таинственный момент, когда гасились свечи, церковь погружалась во тьму и вступал хор. Замечательно пел. В православной церкви служба — это настоящая театральная постановка с шествиями» [1, с. 222]. С особой грустью добавлял: «Такого Рождества, как в Петербурге, я нигде не видел — ни здесь, в Америке, ни во Франции. Нам, старым петербуржцам, трудно! Я старался сделать так, чтобы ... в Нью-Йорке люди торжественнее Рождество встречали...» [1, с. 222]. Сеем предположить, что, возможно, именно эта причина побудила Баланчина к постановке балета о волшебстве Рождественского праздника — «Щелкунчик» (П.И. Чайковского, 1954) —

балета своего детства. Показ «Щелкунчика» в преддверии Рождества стало американской традицией, которая длится вот уже более шестидесяти лет по сей день. Таким образом, достояние русской балетной культуры Баланчину удалось обернуть в достояние американской.

Баланчин старался приобщить американскую аудиторию к великой русской музыкальной культуре, к произведениям П.И. Чайковского и И.Ф. Стравинского. «Мы здесь, в нашем театре,— вспоминал Баланчин,— годами играем Чайковского. Я в Америке уже около сорока лет, и в каждом сезоне мы играем Чайковского не меньше двадцати пяти раз... И все равно снобы не соглашаются, что Чайковский — великий композитор... То же было, кстати, и со Стравинским» [1, с. 36]. В конце концов, вследствие настойчивой пропаганды, многочисленных постановок, фестивалей, музыку композиторов приняли (Фестивали Стравинского 1937, 1972, 1982; Фестивали Чайковского 1981 год). В 1980-х гг американская пресса приняла единогласно, что творчество Стравинского принадлежит к трем величайшим гениям XX века (двое других они назвали Дж. Баланчина и П. Пикассо) [14, с. 191].

Свою любовь к музыке Чайковского Баланчин привил своим ученикам, которые в собственных труппах продолжали традиции мастера: П. Мартинс ставил «Итальянское каприччио», Ж. Д'Амбуаз — Концертную фантазию для фортепиано с оркестром, Д. Тарас — «Воспоминания о Флоренции», Дж. Роббинс — фортепианные пьесы из цикла «Времена года».

Эта открытость Баланчина по отношению к другим культурам, их взаимообмену, обернулась в конечном итоге в культурное взаимообогащение, а тем самым в обогащение мировой культуры.

«Как всякий подлинный гений,— писал С. Волков,— Баланчин сохранил в своем мышлении много детского» [1, с. 15]. Русский период жизни Баланчина, который пришелся на время его становления, как личностного, так и творческого, послужил твердой основой в его восприятии мира, что в свою очередь помогло не раствориться в многообразии культур, а вобрать, адаптировать и преобразовать в свою собственную эстетику. В свою очередь эстетика Санкт-Петербурга, с его архитектурой и культурой, как оказалось, сыграла решающую роль в формировании творческо-ассоциативной мысли постановщика.

Исследуя творчество балетмейстера через призму черт русской культуры, указанными Д.С. Лихачевым, можно сделать вывод, что наряду с наличием русского начала у Баланчина, его интерес к музыке и культуре других стран, и принятие, в частности, особенностей американской культуры, все это является неотъемле-

мыми чертами человека русской культуры. Стало быть, это дает основание сделать заключение, что несмотря на то влияние американской культуры, которое испыты-

вал балетмейстер в течение пятидесяти лет, характерные черты русской культуры в творчестве Баланчина прослеживаются достаточно ярко и являются ключевыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. Страсти по Чайковскому: Разговоры с Джорджем Баланчиным. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 320 с.
2. Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 408 с.
3. Гаевский В. М. Время мастера // Театр. 2004. № 3. С. 76–81
4. Walczak B., Kai U. Balanchine the Teacher: Fundamentals That Shaped the First Generation of New York City Ballet Dancers. University Press of Florida. 2008. 302 p.
5. Д'Амбуаз Ж. «Баланчин был бескорыстен, а теперь на нем делают бизнес» // газета «Культура». 2014, 17 янв. (№ 1). С. 11
6. Зорич Ю. Па-де-де с историей // «БуржуАзия». 2001/2002. № 6 (11). С. 52–57
7. Скляревская И. Формирование темы // Театр. 2004. № 3. С. 82–87
8. Гаевский В. М. Дом Петипа. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 269
9. Стравинский И. Ф. Хроника. Поэтика. М.: «Российская поэтическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 260
10. Taper V. Balanchine, a biography. New York: Times Books, 1984. P. 234 (Перевод с англ. О. Фугина)
11. Митчелл А. «Вы должны сотворить чудо» // Газета.ru. 2012. 17 мая (№ 5). С. 12
12. Левенков О. Р. Джордж Баланчин / О. Р. Левенков. Ч. 1. Пермь: Книжный мир, 2007. 383 с.
13. Balanchine G., Mason F. Balanchin's New Complete Stories of the Great Ballets. New York, 1968. P. 445 (Перевод с англ. О. Фугина)
14. Трускиновская Д. М. 100 великих мастеров балета. М.: Вече, 2016. 320 с.

© Фугина Ольга Александровна (Temple_dance@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт культуры

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АССЕРТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

PROBLEM OF FORMATION OF ASSERTIVE BEHAVIOUR OF TEENAGERS

A. Chotchayev

Summary. The article considers the problem of forming of assertive behavior in modern conditions, especially in adolescence. The main component of the assertiveness is the presence of self-respect and respect for others. Assertive person takes responsibility for their own behavior.

The lack of assertiveness contributes to frustration and depression, as well as the formation of neuroses and many other negative factors of development of personality in adolescents.

Keywords: adolescent, behavior, assertiveness, responsibility, confidence, insecurity, aggression.

Чотчаев Артур Альбертович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им.У.Д. Алиева» (г. Карачаевск)
char999@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования assertивного поведения в современных условиях, особенно в подростковом возрасте. Основной составляющей assertивности является наличие самоуважения и уважения к другим людям. Assertивный человек принимает на себя ответственность за собственное поведение.

Несформированность assertивности способствует фрустрации и депрессивным состояниям, а также формированию неврозов и многих других негативных факторов развития личности у подростков.

Ключевые слова: подросток, поведение, assertивность, ответственность, уверенность, неуверенность, агрессия.

Введение

Современный подросток попадает в психологическую зависимость от предметного мира как ценности человеческого бытия. В значительной степени он подвержен внушающему воздействию рекламы, которая имеет большую побудительную силу, направленную на формирование вещной потребности и знаковое манипулирование сознанием. Вследствие сказанного у подростка в современном информационном обществе формируется чувство возрастной неполноценности, а не чувство взрослости и его стремление к статусу взрослого становится проблематичной.

Несформированность assertивности как способа адекватного взаимодействия со сверстниками и недостаточная развитость коммуникативных навыков приводит к дезадаптированности подростка в социальной сфере, которая способствует и может потенцировать формирование отклоняющихся форм поведения подростка, таких как аддикция, изоляция. Эта проблема способствует фрустрации и депрессивным состояниям, а также формированию неврозов и многих других негативных факторов развития личности у подростков.

В тоже время, анализ психолого-педагогической, показывает, что уделяется недостаточное внимание исследователями проблеме формирования у подростков

assertивного (уверенного) поведения и повышения его коммуникативной компетентности.

Формулировка цели статьи

Подростковому возрасту характерны богатые переживания, трудности общения и кризисы. В этом возрасте актуализируются такие психологические проблемы как принятие ребенком своей внешности; совершенствование своего тела и расширение возможностей посредством саморегуляции, спорта, досуга, трудовой деятельности, искусства. В этом возрасте подросток усваивает полоролевое поведение мужчины или женщины; устанавливает новые, более зрелые отношения со сверстниками обоих полов; формирует эмоциональную независимость от родителей и других взрослых; готовится к профессиональной карьере. Потребность в независимости в подростковом возрасте стимулирует ребенка к противостоянию ожиданиям и ограничениям взрослых. Вследствие этого возникают очень много конфликтных ситуаций. Результатом становится противодействие авторитетам, общественным нормам и правилам, навязываемым мнениям.

Стремление к независимости сопровождается потребностью в привязанности (любви), отдаляя подростка от родительского дома, семейного круга и приводя к некоторой изоляции, что в свою очередь повышает потребность в любви, привязанности, во взаимопонимании и доверии вне семейного круга [3].

Известно, что в подростковом возрасте общение со сверстниками является ведущей деятельностью, вследствие чего для подростка все, что связано с межличностными отношениями в группе является максимально значимым и эмоционально нагруженным.

У подростков формируются черты характера, устойчивые формы поведения, способы эмоционального реагирования. Подростковый возраст это пора достижений, построения ориентиров собственного поведения, таких как система ценностей и этическое сознание, в процессе которого происходят столкновение с социальной средой, противостояние учителям, сверстникам, родителям, расширение «личностного пространства», которые сопровождаются переживанием стрессов.

В то же время в этом возрасте происходит потеря детского мироощущения, развивается неуверенность в себе, неадекватная самооценка и как следствие этого появляется чувство тревожности, психологического дискомфорта.

В свою очередь, повышенная тревожность и неуверенность в себе способствуют дезадаптированности подростка в социальной среде; служат причиной нарушений межличностных отношений в группе сверстников; могут потенцировать формирование отклоняющихся форм поведения.

Следует отметить, что разработкой программ формирования асертивного, т.е. уверенного поведения занимаются многие ученые. Асертивность — это навык полного и свободного самовыражения в контактах с другим человеком или людьми. Асертивное поведение означает непосредственное, решительное и вместе с тем вежливое по отношению к другому человеку выражение своих чувств, позиции, мнений или желаний таким образом, чтобы при этом считаться с чувствами, позицией, мнением, правами и желаниями другого человека. Асертивность рассматривают как умение, а не черта характера человека. Как и всякое умение асертивность не является врожденным качеством человека, а приобретает в процессе социального опыта взаимодействия с окружающими людьми.

Термин асертивность заимствован из английского языка, в котором он производным от глагола *assert* — настаивать на своем, отстаивать свои права. Концепция асертивности оформилась в конце 50-х — начале 60-х годов XX века в трудах американского психолога А. Солтера и впитала в себя ключевые положения входившей в ту пору в моду гуманистической психологии (в частности, противопоставление самореализации и бездушного манипулирования людьми), а также транзактного анализа.

В теории А. Солтера асертивное поведение рассматривается как оптимальный, самый конструктивный способ межличностного взаимодействия в противовес двум самым распространенным деструктивным способам — манипуляции и агрессии.

Термин асертивность редко употребляется в бытовой речи. Проникнув в русский язык в середине 90-х годов прошлого столетия, он утвердился довольно прочно, в лексиконе российских психологов [5]. Под асертивностью стала пониматься личностная черта, которую можно определить как автономию, независимость от внешних влияний и оценок, способность самостоятельно регулировать собственное поведение.

Традиционные механизмы социализации невольно способствуют формированию уязвимости человека перед манипуляциями со стороны других людей. Человек оказывается слишком подвержен внешним влияниям, а окружающие часто злоупотребляют этим, манипулируя им в своих корыстных целях. Сталкиваясь с неприемлемыми требованиями, он не находит сил им противоречить и вопреки своим собственным желаниям и установкам подчиняется скрепя сердце. А собственные требования и притязания он, напротив, зачастую не решает даже высказать.

Человек боится показать свое подлинное лицо, стесняется своих чувств, постоянно сопоставляет свои побуждения и поступки с ожиданиями и оценками других. При этом, пытаясь преодолеть неловкость такого положения, человек сам невольно учится отвечать агрессией на агрессию или просто на критику, пускай даже справедливую, учится манипулятивным приемам.

Если такая тактика и дает эффект, то лишь временный и по большому счету иллюзорный, поскольку не обогащает, а наоборот — обедняет человека, как в плане межличностных отношений, так и в плане душевного комфорта.

Чтобы сформировалась асертивность как личностная черта человек в первую очередь должен научиться отдавать себе отчет, насколько его поведение определяется его собственными склонностями и побуждениями, а насколько — кем-то навязанными установками.

Согласно Э. Берну, человек должен осознать, кем и когда прописаны основные сценарные линии его жизни. А также он должен понять устраивает ли его этот сценарий, а если не устраивает должен понять, в каком направлении следует его откорректировать. В реальной жизни человек безотчетно страдает от того что он находится во власти установок, чуждых его подлинному существу. Чтобы чувствовать себя комфортно в жизни,

человек должен не только взять на себя главную роль в сценарии собственной жизни, но и фактически переписать сценарий и выступить режиссером всей постановки [2].

Ассертивный человек в межличностных отношениях опирается не на чужие мнения и оценки, а культивирует спонтанное поведение, которое основано на своих собственных побуждениях, настроениях и интересах. Уверенность в себе, оценивая как ощущение человеком возможности достичь поставленных перед собой целей, следует рассматривать как измерение «образа Я» или как отдельный компонент сознания наряду с устойчивостью, самоуважением и кристаллизацией.

Прояснить структурные характеристики уверенности раскрывает модель М. Розенберга, включающая в себя измерения, характеризующие отдельные компоненты или «образ Я»: устойчивость (стабильность или изменчивость представления индивида о себе и своих свойствах); уверенность в себе (ощущение возможности достичь поставленных перед собой целей); самоуважение (принятие себя как личности, признание своей социальной и человеческой ценности); кристаллизацию (лёгкость или трудность изменения индивидом представления о себе), уверенность в себе, как ощущение возможности достичь поставленных перед собой целей, рассматривается как отдельный компонент сознания или измерение «образа я», наряду с устойчивостью, самоуважением и кристаллизацией [7].

Сложностью изучения личности в широком смысле ее понимания, отмечал У. Джеймс, является анализ в отношении ее составных элементов, чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценка), поступков [4].

Согласно А. Адлеру только неуверенный в себе человек может стать уверенным. Благодаря теории А. Адлера понятие «комплекс неполноценности» стало популярным. Чувство неполноценности признавалось основой большинства расстройств личности. Человек, презирающий самого себя, склонен действовать иначе, чем тот, кто гордится собой [1].

Ренни Фричи (Fritchie, 1990) ассертивного человека определяет как отвечающего за собственное поведение, демонстрирующего самоуважение и уважение к другим, позитивного, умеющего слушать, понимать и пытающегося достичь рабочего компромисса.

Ассертивный человек принимает на себя ответственность за собственное поведение. По своей сути ассертивность — это философия личной ответственности. Основной составляющей ассертивности является самоуважение и уважение к другим людям.

Ассертивное поведение базируется на развитой уверенности и позитивной установке. Уверенность в себе представляет собой стабильную личностную характеристику человека, обусловленную такими качествами как мотивация достижений, волевой самоконтроль, низкая тревожность (А. Вайнер, 1990; В. Высоцкий, 2002).

А. Солтер составил перечень важнейших характеристик уверенного поведения. Следует отметить, что недостаточно проверены, как число характеристик, так и логическая последовательность.

1. Эмоциональность речи (feeling talk): открытое, спонтанное и подлинное выражение в речи всех испытываемых чувств;
2. Экспрессивность речи (facial talk): ясное проявление чувств в невербальной плоскости и соответствии между словами и невербальным поведением;
3. Противостоять и атаковать (contradict and attack): как прямое и честное выражение собственного мнения, без оглядки на окружающих;
4. Использование местоимения «Я» (deliberate use of the word «I»): как выражение того факта, что за человек стоит за словами, отсутствие попыток спрятаться за неопределенными формулировками;
5. Принятие похвалы (express agreement, when you are praised): как отказ от самоуничтожения и недооценки своих сил и качеств;
6. Импровизация как спонтанное выражение чувств и потребностей, повседневных забот, отказ от предсудительности и планирования.

А. А. Лазарус, на основе своего клинического опыта, выделил четыре важнейших класса поведения, объединяющих понятие уверенного, «ассертивного» поведения содержательно:

- ◆ способность сказать «нет»;
- ◆ способность открыто говорить о чувствах и требованиях;
- ◆ способность устанавливать контакты, начинать и оканчивать беседу;
- ◆ способность открыто выражать позитивные и негативные чувства.

Согласно А. А. Лазарусу эти способности проявляются не только в поведении в межличностных отношениях, но и включают когнитивные моменты: такие, как установки, жизненную философию и оценки [6].

М. Дж. Смит, считал, что с точки зрения прав личности — человек осведомлён о собственных правах, пользуется ими и, при необходимости, отстаивает свои права. В то же время ассертивный человек признаёт за окружающими такие же права и стремится строить взаимоотношения без нарушения чьих-либо прав.

Итак, с точки зрения Смита, каждый человек имеет право:

1. сам судить о своем поведении, мыслях и эмоциях и нести ответственность за последствия;
2. не давать никаких объяснений и обоснований, оправдывающих свое поведение;
3. сам решать, отвечает ли он и в какой мере за проблемы других людей;
4. менять свои взгляды;
5. совершать ошибки и отвечать за них;
6. сказать «я не знаю»;
7. не зависеть от доброй воли других людей;
8. поступать нелогично;
9. сказать другому «я тебя не понимаю»;
10. сказать «меня это не волнует».

В случае возникновения дисбаланса «мои права — чужие права» поведение становится пассивным (у меня прав меньше, чем у окружающих) или агрессивным (у меня прав больше, чем у окружающих). Манипуляция с точки зрения прав личности скорее агрессивна, так как объект манипуляции не использует часть своих прав по неосведомленности, сознательно или «по забывчивости». Интересен случай «у меня нет прав, у окружающих нет прав» — предельный случай пассивности, похоже на смерть личности [8].

Умелое и успешное применение этих прав предполагает использование коммуникативных приемов, которым легко обучить как детей, так и родителей. В основе

всех приемов — взаимное уважение, доброжелательная настойчивость, вежливая требовательность.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ психолого-педагогической литературы по проблеме ассертивного (неуверенного) поведения, позволяет нам сформулировать следующие выводы

Принципы ассертивности — это эмпирические правила поведения в обществе, общения с окружающими. Ассертивность помогает избежать агрессии, конформности, позволяет не идти на поводу у манипуляторов.

Ассертивный человек — это человек, уверенный в себе, в своих способностях, в своем предназначении. Ощущение внутренней свободы дает ему возможность адекватно оценивать происходящие вокруг него события, четко планировать действия, ясно выражать чувства; уважительно сотрудничать с партнерами, донося до них свою позицию.

Ассертивный стиль поведения позволяет в повседневной деятельности организаций сохранять отношения даже в очень сложных ситуациях, находя взаимоприемлемые решения. Вместе с тем проявление ассертивности в отношениях людей осложнено тем, что навыки такого поведения требуют серьезной подготовки и практики, а для большинства людей более привычны другие стили общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. -М., «Академический проект», «Гаудеамус» 2015 г.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — М., «Эксмо», 2015 г.
3. Ефимова В.М., Гавриленко Ю. М. Психофизиологические особенности подростка. — Симферополь: АнтикВА, 2006.
4. Джеймс У. Психология. -М., «Академический проект», «Гаудеамус» 2011 г.
5. Каппони В., Новак Т. Как делать все по-своему, или Ассертивность — в жизнь. — СПб.: Питер, 1995.
6. А.А. Лазарус Краткосрочная мультимодальная психотерапия. — М., «Речь» 2001 г.
7. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. — София, 2008.
8. Смит М. Дж. Тренинг уверенности в себе: Комплекс упражнений для развития уверенности (пер. с англ. Путятты В.) -М., 2002.

© Чотчаев Артур Альбертович (char999@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕШЕНИЯ ПАРАДОКСА ВРЕМЕНИ

REALITY AS A METHODOLOGICAL BASIS OF THE TIME PARADOX SOLUTION

V. Bernatskiy
P. Makuhin

Summary. The paradox of time is that the universal recognition of its existence so far, three thousand years, does not give its general scientific interpretation. We need some methodological «shake-up», and it is proposed in this article. As a result of a critical analysis of historical and philosophical material, the article justifies the introduction of the following methodological foundation: time becomes a real subject of actual physical and philosophical reflection if it is regarded as a fundamental property in a special way interpreted Reality and, in principle, — in contrast to Being as real for us, But also independent of us, the Universe, the Universe, Nature. It is about the reality of humanity as part of Being in its history, culture, means and ways of its (Reality) development and use.

Keywords: Time and movement, «subjective» and «objective» time, scientific methodology, Being and Reality, the problem of time measurement, Plato, Aristotle, Kant.

Бернацкий Владилен Осипович

Д.ф.н., профессор, Омский государственный
технический университет
Bernatskiy33@rambler.ru

Макухин Пётр Геннадьевич

К.ф.н., Омский государственный технический
университет
petr_makuhin@mail.ru

Аннотация. Парадокс времени в том, что всеобщее признание его наличия до сих пор, три тысячи лет, не дает его общенаучного толкования. Нужна некая методологическая «встряска», и она в данной статье предлагается. В результате критического анализа историко-философского материала в статье обосновывается введение следующего методологического основания: время становится реальным предметом собственно физической и философской рефлексии, если его рассматривать в качестве фундаментального свойства особым образом истолкованной Действительности и, принципиально, — в противоположность Бытию как реальному для нас, но и независимому от нас Космосу, Вселенной, Природе. Речь о Действительности человечества как части Бытия в её истории, культуре, средств и способов её (Действительности) развития и использования.

Ключевые слова: Время и движение, «субъективное» и «объективное» время, научная методология, Бытие и Действительность, проблема измерения времени, Платон, Аристотель, И. Кант.

В естественнонаучном и философском познании Вселенной, Космоса и человека важное место занимает феномен времени. И исторически — это одна из самых «долгоиграющих», но до сих пор дискуссионная и не осмысленная проблема. Подтверждается это тем, что и в XXI веке остается без общепринятого ответа вопрос, в постнеклассической стилистике звучащий так: «время есть *физический или же психический фактор*»? Задавая направленность нашей статье, мы сразу, но сжато отметим: время **ни первое, но и не второе**. Время не принадлежит «физике», Космосу, тому, что в философии называется Бытием. Однако Время по природе и сущности все же фактор онтологии, а не гносеологии и, тем более, не психики.

Такая позиция (и особенность нашего подхода в целом) обусловлена двумя исходными принципами. *Один* — это использование позиции И. Канта: о «вещи-в-себе», о непознаваемости её сущности, во-первых. И, во-вторых: познавая Мир, мы «сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, и их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [9, с. 513]. *Второй принцип* во многом вытекает из перво-

го (в части согласия, что сущность объективных вещей не познаваема), но со следующим возражением И. Канта, «переводящему» исследователя из области онтологии — в область гносеологии. *Мы же утверждаем, что исследователь* — физик ли он или философ — рассматривающий реальность мира и его вещей и дающий им определения, *всегда находится в русле онтологических проблем*. Но дело в том, что проблемы эти не собственно в сфере Бытия, а именно в области Действительности как специфического системного объекта единства «человек/природа» и освоенной человечеством теоретически и практически части Бытия. Иначе говоря, *мы знаем Действительность, а не Бытие, которое, конечно, есть, и которое мы стремимся познать* (что более подробно обосновано одним из авторов в [2] и [14]).

Впервые в нашем совместном исследовательском процессе этот принцип единства и различия Бытия и Действительности был использован в остро-дискуссионной проблематике так называемого «антропного космологического принципа». И в течение последних лет в разных источниках нами был опубликован цикл статей. (См., к примеру: [4], [5] и [6]). *А поскольку* — равно как

и «наблюдатель» в естествознании, и, в частности, в «антропном принципе» — тема «*время*» является проблемой Действительности, мы считаем возможным использование различия Бытия и Действительности в качестве методологического принципа исследования и означивания феномена Времени.

И, отталкиваясь от слов И.Р. Пригожина и И. Стенгерс о том, что «время — фундаментальное измерение нашего бытия. Веками оно пленяло воображение художников, философов и ученых» [11, с. 4], которыми они открывают свою работу «*Время, хаос, квант. К решению парадокса времени*», так и обозначим цель нашей статьи (курсив здесь и далее наш — В. Б. и П. М.). Время есть — знают все, а **что оно есть** — рассуждают, спорят уже три тысячелетия и до сих пор. Вот почему, чтобы обосновать его истинное место и значение, нельзя не обратиться к уточнению методологического основания для рассуждения о природе времени, а также к истории философского осмысления последнего. А традиционно обращаясь к истории философской мысли при исследовании её «вечных» проблем (среди которых и предмет нашего внимания — «время»), тем более принципиально важно выделить исходные методологические основания рассуждений о природе и сущности времени. Но поскольку, какие бы известные методологии не использовались (а до сих пор нет однозначно принятого толкования времени), важно ввести исходное для данной статьи уточнение. Суть последнего в том, что в качестве методологической основы решения парадокса времени вниманию читателя предлагается следующий принцип: *время становится реальным предметом собственно физической и философской рефлексии, если его рассматривать в качестве фундаментального свойства не в Бытии, но именно в Действительности.*

Но к сказанному выше об основах, важно добавить еще три предварительных замечания. Одно о том, что мы раскрываем представление и о времени с уже многократно сформулированной нами познавательной позиции в отношении к чьим-либо высказываниям в научных полемиках: в любых философских ли, естественно-научных рассуждениях, даже вызывающих наше неприятие, произвольно от их авторов присутствуют элементы истины. Другое то, что изначально складывались в истории науки и суммарно оформились в Новое время два принципа в истолковании феномена времени. Один, время как нечто внешнее для человека, параллельное его жизни, в современном языке — физическое время, втягивающее в свою орбиту и (или) другой: человек обуславливает время и его орбиту, опять-таки в современном языке и обобщенно — психическое время. Но мы предлагаем принципиально иной принцип: использование в познавательном процессе в качестве методо-

логического принципа существенного различия Бытия и Действительности (см., [2] и [3]). Это выводит нас на *третье предварительное замечание*: суть в том, что Бытие и Действительность — принципиально разные объекты, что приводит к парадоксальному выводу: **от времени вообще НИЧЕГО не зависит. Но все имеет СВОЁ время.**

Как известно, философия возникла и как рефлексия над мифом, поэтому кратко проанализируем мифологемы, фиксируя проблему времени. Самый очевидный здесь образ — это *река времени*, принявшая имя «Лета», *текущая самостоятельно, независимо от жизни человека, равномерно и бесконечно.* (То есть образ времени как реки появился задолго до Гераклитовского «в одну реку...»). По факту это нечто сходное с современным представлением о «физическом времени». Но не только. Одновременно в греческой мифологии *время выступает свойством, принадлежностью и человека, и вещей.* Оно в существенной мере отпущено человеку, как нам представляется, от момента рождения до момента «кануло в Лету», «поглотила Лета». Последняя, таким образом, в греческой мифологии суть персонификация забвения: «река в царстве мёртвых, испив воду которой души умерших забывают свою былую земную жизнь» [12, с. 51]. Усилим: **умер человек и с этим исчезло (его) время, а не нечто отсчитывающее** годы жизни. *Потому в рассуждении о Лете, используя принцип существенного различия Бытия и Действительности, можно отметить* — в качестве зарождающегося подхода — другую, менее выраженную сторону этой же мифологемы: *время — это нечто связанное с человеком, присущее нам, человечеству, но к нашей реальности, а не сознанию.* Эта двойственность фиксируется во вневременности Богов и вечности жизни, но, в то же время, и не то, что фиксируется современным представлением о «психическом времени».

Переходя к современной философии, сразу отметим то, что мы считаем главным достижением греческих мыслителей в осмыслении природы времени и подхваченное современниками. А именно: *постановка (и плодотворные дискуссии по этому поводу) вопроса о том, «существует» ли оно «внутри» или «снаружи» человека.* Для демонстрации этого привлечём рассуждения одного из ведущих отечественных специалистов в этой области, П. П. Гайденко. Соглашаясь с ней в том, что время в целом «относится к тем реалиям, которые издревле определяли смысловое поле человеческого мировосприятия» [7, с. 5], из её рассмотрения схожести и различия в понимании сущности времени Платоном и Аристотелем выделим следующий момент. Они оба связывали время «с числом и с жизнью космоса, вообще с физическим движением» [7, с. 6]. (В связи с чем нельзя не вспомнить образ «река Лета»). *Специфику*

платоновской позиции в понимании времени, содержащаяся в его космогонии, П. П. Гайденко формулирует в следующих тезисах. Во-первых, «время не изначально, оно сотворено демиургом вместе с космосом» [7, с. 24]. Во-вторых, цель создания времени — «ещё более уподобить творение образцу» [7, с. 24]. В-третьих, поскольку природа последнего вечна, чего невозможно в полной мере передать сотворенному, то «демиург создал подобие вечности, ее подвижный образ — время» [7, с. 25]. Оно, в-четвёртых, «движется от числа к числу, таким образом подражая вечности своим бегом по кругу по закону числа» [7, с. 25]. В-пятых же, демиург сотворил небесные объекты с целью «блюсти числа времени» [7, с. 25].

Следует безусловно согласиться со сделанным отсюда выводом П. П. Гайденко о том, что именно Платон «впервые в истории философской мысли попытался дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью» [7, с. 25]. Иначе говоря, Аристотелю «анализирует понятие времени в контексте деления всего сущего на бытие и становление. Первое существует вечно, второе возникает и исчезает во времени» [7, с. 6]. Однако же, считаем необходимым добавить к выводам П. Гайденко ещё дополнительный, наш, вывод. Он в том, что Платон — в силу своей онтологии — выделяя категорию «становление», тем самым фактически отделил время от объекта, «отправив» его (время) в вечность. Но здесь же заострим внимание читателя на важном для нас факте: все авторы от античности до наших дней используют исключительно понятие Бытие как нечто внешнего к человеку, и лишь говорят о различии «становления» его вещей, имеющих «длительность» и «измерение». Иначе говоря, они подразумевают время не как нечто «измеряемое» в вещах, а, напротив, как нечто «прикладываемое» к ним.

Подтверждая наши выводы, приведём следующие рассуждения пифагорейца (на что просим читателя обратить особое внимание) Тимея из одноимённого диалога. Демиург «замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства, но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности» [10, с. 439]. Соответственно, «время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно» [10, с. 440]. Касательно первой части этого высказывания приведём мысль из современного энциклопедического

источника: «в истории философии было принято различать («субъективное» и — В. Б. и П. М.) «объективное» В[ремя], могущее фиксироваться соразмерно процессам в микромире либо ритмам движения небесных тел (и которому в таком смысле отказывает в праве на существование современная физика)» [8, с. 838]. Т.е., забегая вперёд, скажем, что постнеклассическая физика фактически «отказывает в праве на существование» способу фиксации времени путём сопоставления с «ритмам движения небесных тел», который естествоиспытателям прошлого представлялся фундаментом для любых экспериментов, и теоретическое обоснование которого восходит, как мы показали, к Платону.

Вернёмся к рассуждениям П. П. Гайденко, а именно — к тому, что касается интересующего нас различия в понимании двумя величайшими греческими философами сущности времени. Аристотель, «отчасти следуя Платону, отчасти отталкиваясь от него, ... дает в «Физике» ... развернутый анализ понятия времени» [7, с. 6]. Главным отличием П. П. Гайденко называет то обстоятельство, что «считая космос вечным, Аристотель не мог принять тезис о сотворении времени и поэтому не соотносил время с вечностью как его образцом» [7, с. 6]. Вновь «забежим вперёд»: если Бытие вечно, не имеет «начала и конца», но в нём появляется «нечто» творимое разумом и практической деятельностью человечества, то (и поэтому) время — как элемент так толкуемой нами Действительности и в рамках нашей позиции — как раз имеет «начало». Однако же — вновь «дадим слово» П. П. Гайденко — «Хотя время мыслится у Аристотеля космически и связано в первую очередь с движением, тем не менее оно невозможно без души. Индивидуальная душа конститутивная по отношению к времени, ибо лишь она, зная законы числа, может вести его счет» [7, с. 7]. Это замечание для нас ценно тем, что Аристотеля с его рассуждением о «конструктивном движении душ» можно считать предтечей внесения «раскола» между вечностью-Бытием и творимой Действительностью. Но, оставаясь верным своей «истинной четверке», Стагирит не мог их развести как разные по сущности объекты. Далее известный отечественный философ делает важную оговорку: согласно Аристотелю, «душа не создает само время, оно всегда есть там, где налицо движение, однако акт измерения составляет неотъемлемый момент понятия времени» [7, с. 7]). С этим нужно согласиться, поскольку измеряет-то только человек.

Особенно же для поднятой нами темы важна следующая лаконичная формулировка П. П. Гайденко той причины, по которой Стагирит отказывается отождествить время с движением: последнее «может быть быстрее и медленнее, а время нет, так как медленное и быстрое (сама медленность и скорость)

определяется временем. Значит, время не есть движение, но, с другой стороны, оно не существует и без движения» [7, с. 32]. С нашей точки зрения это **верно, но не совсем**; для более глубокого понимания Аристотелем соотношения понятий «время» и «движение» важно осмыслить тот *заочный спор, который в его отношении начал Г. Галилей*. Приведём его (спора) суть в изложении П. Фейерабенда, анализировавшего аристотелевскую концепцию континуума с точки зрения теории математики. «Если движение можно разделить, только модифицировав его, то любое ясное разделение должно сопровождаться изменением времени движения: например, подброшенный вверх камень должен остановиться в высшей точке траектории» [13, с. 294]. Г. Галилей же «подверг критике то, что говорил Аристотель при получении этого результата. Существует временная остановка, говорит Аристотель, «так как одну точку приходится считать двумя, ибо она является конечной точкой одной половины [движения] и начальной точкой другой половины»» [13, с. 294]. Соответственно, итальянский философ и физик так возражает этим рассуждениям своего греческого коллеги и предшественника: «хотя точку поворота можно описать двумя разными способами — как начальную точку одного отрезка и конечную точку другого, — тем не менее она остается одной точкой и соответствует лишь одному моменту — моменту поворота» [13, с. 294]. И здесь П. Фейерабэнд выносит свой вердикт: предложенная Г. Галилеем критика «совершенно не учитывает того, что Аристотель требует некоторого интервала, «так как невозможно, чтобы **А** одновременно прибыло в **В** и ушло оттуда; следовательно, это происходит в разные моменты времени. Следовательно, в промежутке будет какое-то время» [13, с. 294]. Таким образом, рассмотренный аристотелевский аргумент «является корректным, т.е. если движение можно разделить только внесением в него физических изменений, например остановки, то изменение движения должно предполагать временную остановку ..., а благодаря этому — временную остановку двух процессов ускорения, которые и создают это изменение» [13, с. 295] Но дело в том, что на самом деле не будет «промежутка времени», поскольку предметом спора — незаметно для дискутирующих — становится не время, а вещь, пребывающая в точке перехода. Фактически происходит изменение предмета движения: от *теряющей скорость, до набирающей скорость* предмета. А «точка перехода» в данном случае — это тот же **скачёрк**, переход качества, иначе: «камень взлетающий» стал «камнем падающим». Дело не в соотношении время/движение, а в «длительности конкретности», т.е. длительности двух качественно различных состояний вещи. Иначе говоря — и это принципиально — *перед нами проблема изменения состояния как характеристики собственно предмета движения*.

Возвращаясь к истории осмыслению времени в разные эпохи, вновь обратимся к рассуждениям П.П. Гайденко. И заострим при этом внимание на то, что она выделила для нас чрезвычайно важный фактор, указав, что *для ветхозаветного восприятия мира последний — не столько «космос», сколько «олам» ... век, т.е. свершение событий, история»* [7, с. 55]. С нашей позиции, древние неосознанно отделяли реальность Бытия от реальности Действительности, **относя время по сути к Действительности**. Однако невозможно целиком согласиться с другой интерпретацией высказываний средневековых философов о времени. Августин Блаженный «вслед за апостолом Павлом открывает «внутреннего человека», которому в космосе ничто не соответствует и который целиком обращен к надкосмическому Творцу» [7, с. 57]. Конкретизируя это применительно к интересующей нас теме, понятно, что П.П. Гайденко указывает: Аврелий Августин «развивает Платиново понимание времени как «жизни души», но души индивидуальной: во «внутреннем человеке» течет и измеряется время» [7, с. 8]. Что как раз **неправильно**. *Время не «течет», а длится, и не в сознании, и не параллельно человеку, и не независимо от него, но всё же: все объекты измеряются и определенно существуют в Картине мира*, представляющей собою один из аспектов понимания Действительности. В связи с этим показательны следующие рассуждения из «Исповеди» Августина. «Каким образом Ты ... объясняешь душам будущее? А Ты объяснял его пророкам Своим. Каким же образом объясняешь Ты будущее. Ты, для Которого будущего нет? или, вернее, через настоящее объясняешь ты будущее? Ибо, того, чего нет, никак невозможно объяснить» [1, с. 300]. *Попытки осмысления этого парадокса и приводят рассматриваемого нами «отца церкви» к знаменитому тезису: «ни будущего, ни прошлого нет ... есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего»* [1, с. 300]. (С чем мы согласимся, поскольку Действительность конкретна, но *есть её история и есть «завтра» как экстраполяция Действительности в её изменении*. То есть «прошлое» и «будущее» не имеет непосредственного отношения к природе времени.) И далее, по Августину, прошлое и будущее «существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу (*а вот это неверно*. Принципиально как раз то, что время не в «душе» — В. Б. и П. М.), настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, с. 300].

Отсюда закономерным образом вытекают не утраченные по сей день актуальности размышления по поводу парадоксальности самой процедуры измерения временных отрезков. С одной стороны, повседневный опыт даёт нам основание утверждать, что «мы измеряем время, пока оно идет, и можем сказать, что этот про-

межуток времени вдвое длиннее другого или что они между собой равны» [1, с. 301]. Однако, время **не «идёт»**. Это фигура речи, оно *отсчитывается, измеряется как длительность существования, длительность определенности*, конкретности вещи ли, процесса, состояния. Однако же, следуя логике Августина, с другой стороны, рефлексия над этим процессом действительно приводит к такому парадоксу: «того, что нет, мы измерить не можем, а прошлого и будущего нет» [1, с. 301]. *И более того, не менее проблематично и измерение третьего модуса времени: «а как можем мы измерять настоящее, когда оно не имеет длительности? Оно измеряется, следовательно, пока проходит; когда оно прошло, его не измерить: не будет того, что можно измерить»* [1, с. 301]. (Вспомним рассмотренные выше схожие размышления античных философов). Отсюда следует, что сам объект, который мы измеряем, движется «из того ... чего еще нет; через то, в чем нет длительности, к тому, чего уже нет» [1, с. 301], в связи с чем мы и сегодня можем повторить вслед за Блаженным Августином: «Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку ... *проникнуть в это явление, сокровенное и обычное*» [1, с. 301].

Однако «проникнуть в это явление, сокровенное и обычное» можно уже сегодня. И все изложенное выше позволяет нам сформировать следующее итоговое заключение. *Можно «проникнуть в это явление...» тогда, когда мы рассматриваем нечто* (вещи ли, Вселенную ли) *не как сегодняшнее, сиюминутное восприятие, не как некую свою действительность, а как Действительность человечества в рамках Вселенной, природы, их истории, культуры средств и способов её развития и использования*. Бытие нами ничем не «прирастает» (скорее всего, есть и другие «человечества», что мы в связи с проблемой антропного космологического принципа рассматриваем в [6, с. 13–14]), не развивается, *но меняется, а мы не знаем ни его времени, ни «как» и «куда» оно изменяется*. Что касается Действительности как части Бытия (с включенностью в неё человечества), то, в противоположность Бытию, *её нет без Времени, а все изменения происходят во времени*. А что касается самого человечества, то его история — это временем опосредованная социализация жизнедеятельности человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Исповедь. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 400 с.
2. Бернацкий В. О. Об объекте и предмете действительности // Проблемы развития и интеграции науки, профессионального образования и права в глобальном мире. Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием. — Красноярск: ИПЦ СФУ, 2007. — Ч. 1. — С. 58–62.
3. Бернацкий В. О. Онтология: бытие или рассуждение о действительности? // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. — 2000. — № 5. — С. 6–14.
4. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Антропный космологический принцип как проблема единства философии и физики // Современные исследования социальных проблем. — 2016. — № 3–3 (27). — С. 62–71.
5. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Антропный космологический принцип: проблема разграничения бытия и действительности // «Вопросы современной науки»: коллективная научная монография. — М.: Издательство «Интернаука», 2016. — Т. 10. — С. 39–58.
6. Бернацкий В. О., Макухин П. Г. Проблема полемики о «выделенности человека во вселенной» в рамках антропного космологического принципа // Россия и мировые тенденции развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 15–17 мая 2017 г.) / науч. ред. П. Г. Макухин. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. — С. 7–16.
7. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 464 с.
8. Грицанов А. А. Пространство и Время // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. — С. 838.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.
10. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1990. — С. 421–500.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. — Изд. 5-е, исправл. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 240 с.
12. Тахо-Годи А. А. Лета // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М.: «Советская Энциклопедия», 1988. — С. 51.
13. Фейерабенд, П. Прощай, разум. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 477 с.
14. Bernatskiy V. O. On the Object of Philosophy: from Being to Reality // IntellectualArchive. — 2015. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 1–10.

© Бернацкий Владилен Осипович (Bernatskiy33@rambler.ru), Макухин Пётр Геннадьевич (petr_makuhin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕНИЕ ВЕНИАМИНА АЛЕКСЕЕВИЧА СНЕГИРЕВА О СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

TEACHING OF BENJAMIN A. SNEGIREV ABOUT THE SUBSTANTIALITY OF THE HUMAN SOUL

V. Bondarenko

Summary. The article examines the doctrine of Benjamin A. Snegirev, as set out in his work «On substantially of the human soul». It is shown that the philosopher relies on the extra-empirical preconditions of scientific knowledge, belonging to the Eastern Christian tradition. Using the method of comparative analysis and logical reasoning, as well as data from empirical experience, he comes to the conclusion that psychology as a positive science can be built solely on the dualistic grounds of theism, related to the notions of a special psychic substance as an amateur beginning manifested in the phenomenon of consciousness.

Keywords: soul, matter, identity of personality, consciousness, existence, proof, truth.

Бондаренко Виктория Викторовна

К.м.н., с.н.с., доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)
bondarenko.vv@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется учение В. А. Снегирева, изложенное в его работе «О субстанциональности человеческой души». Показано, что философ в своем исследовании опирается на внеэмпирические предпосылки научного знания, принадлежащие восточной христианской традиции. Методом сравнительного анализа и логических рассуждений, а также с помощью данных эмпирического опыта он приходит к выводу о том, что психология как положительная наука может быть построена исключительно на дуалистических основаниях теизма, связанных с представлением об особой психической субстанции как самостоятельного начала, проявляющегося в феномене сознания.

Ключевые слова: душа, материя, тождество личности, сознание, бытие, доказательство, истина.

Вениамин Алексеевич Снегирев (1842–1889) по праву принадлежит к плеяде выдающихся мыслителей Казанской духовной академии в пору ее расцвета. Богатство личностных дарований Вениамина Алексеевича и его вклад в развитие отечественной традиции академического теизма трудно переоценить. Можно со всем основанием утверждать, что он является «зеркалом» своей эпохи; воплощая универсальный идеал непротиворечивого сочетания деятельной религиозной и научной позиции [6, с. 208; 15, с. 18]. В работах современных исследователей жизненного пути и творческого наследия философа-теиста В. А. Снегирев предстает перед нами как разносторонний ученый-энциклопедист, талантливый педагог, успешный организатор, который способен не только оставить глубокий след в истории философии, но опираясь на передовые рубежи достижений мировой науки, способствовать модернизации православного сознания [17, с. 264, 266; 19]. Для отечественной научной традиции вопрос о потребности в таких подвижниках духа всегда стоит не просто актуально, но остро [9, с. 78–79]. Основная сфера его научных интересов — психология, которая в пору своего становления наряду с логикой являлась одним из разделов философского знания [13, с. 451; 19, с. 587]. Сама по себе проблема души, ее происхождение и природа до настоящего времени остается краеугольным камнем антропологии как религиозно-философской, так и научной, которые исторически сосуществуют или на принципах синер-

гии — взаимодополнительности, или антагонизма. Способ этих отношений предопределяет результат научного поиска, который или сохраняет принадлежность научной традиции, или уже прямо может быть охарактеризован как паранаучное, оккультное знание. До настоящего время окончательно не решен вопрос о собственном предмете психологии как отдельной научной отрасли. По-прежнему актуален поиск научной парадигмы, базирующейся на онтологических предпосылках, способных расширить границы познания при условии сохранения ценностного статуса науки как таковой. По нашему мнению, традиция академического теизма XIX — начала XX вв., ярким представителем которой является В. А. Снегирев, в этом смысле обладает уникальным эвристическим потенциалом.

Как отмечает Н.К. Гаврюшин, акцент на проблеме личности становится значимым в традиции казанского академического теизма в эпоху, связанную с преподавательской деятельностью архим. Феодора (Бухарева)⁴ [2, с. 284]. Важно отметить, что в 1866 году выходит в свет исследование молодого автора Ф. Дмитриевского «Современное положение вопроса о субстанциональности души», в котором метафизические основания духовной жизни человека раскрываются как парадигмальная составляющая психологической науки в целом [3]. Своей

⁴ В 1854–1857 гг.

работой «О субстанциональности человеческой души»⁵ представленной в контексте философского дискурса Декарта о *cogito ergo sum* В. А. Снегирев продолжает актуальную для своего времени проблематику — отношение души и тела, души и сознания, которая в дальнейшем находит свое отражение и развитие в споре Вл. Соловьева и Л. М. Лопатина о субстанциональности души, а также в тех точках зрения на этот спор, которые в XX веке обозначили основные направления разработки проблемы соотношения души и личности [4, с. 501; 7]. Вообще вопрос субстанциональности личного духовного начала является краеугольным камнем всего творческого наследия, оставленного философом-теистом В. А. Снегиревым и с нашей точки зрения имманентно связан с содержанием принадлежащей ему фундаментальной богословской диссертации [18]. Современник Снегирева, М. Вержболович характеризует его подход как «психологический индивидуализм» [1, с. 459], который раскрывается через обоснование тесной связи души и тела, воплощающей собой представление о личности, которой имплицитно присуще самосознание.

Современные исследователи, рассматривая личное субстанциальное начало как организованную ткань душевных явлений и их идей, выделяют ключевые подходы, характеризующие религиозно-философскую традицию, к которой принадлежит казанский мыслитель, а именно: рассмотрение души как сферы внутренней реальности, признание психического мира человека как некоторой самостоятельной сущности, утверждение непрерывности процесса сознания и отрицание бессознательных психических явлений, признание тезиса о тождестве веры и знания, признание свободы воли у человека [5, с. 39–41; 6, с. 206; 10, с. 71–72].

Решение вопроса о духовной реальности философ-теист связывает с внеэмпирическими основаниями научного знания, раскрывая универсальный характер проблемы доказательства бытия как такового [13, с. 445–446]. При этом ясно выражается позиция самого ученого о природе описываемого им явления. Профессор-теист прямо заявляет о субстанциональном характере особого существа — души — как самостоятельного начала, лежащего в основе внутренней жизни человека. По мнению исследователя, истина бытия души как субстанции стоит в ряду ограниченного количества необходимых истин. Они становятся очевидными — без всяких доказательств, будучи ясно и отчетливо поняты. Безразлично, сомнение в истине бытия духовных или материальных явлений с точки зрения Снегирева, зависит не от недостатка доказательств, а от волевой установки, от неумения или просто нежелания осмыслить и понять ее несомненность [11, с. 279]. Таким образом, со всей

очевидностью философ демонстрирует нам связь между верой и образом знания, которое оказывается предпочтительным в силу исходной мировоззренческой установки [12, с. 3–4, 6; 13, с. 441; 14, с. 136]. В дальнейшем эта позиция становится своеобразной точкой отсчета возможных вариантов философского дискурса в попытке решения экзистенциальной проблемы

Истина бытия души, как полагает В. А. Снегирев, может быть явлена со всей очевидностью и научно обоснована совершенно естественным образом — путем здравого смысла, т.е. обыкновенного человеческого рассуждения, который в данном случае только и может, что опереться на опыт самонаблюдения [12, с. 8–9; 13, с. 427, 433]. Тем не менее, критерием истины представления души особым существом служит колоссальный исторический опыт всех времен и народов [15, с. 19]. Непосредственное осознание каждым присутствия в себе силы мыслящей, волнующейся, желающей, приводящей в движение тело, сознание себя неделимым центром этой силы представляет собой «простое самооткрытие души», которое профессор В. А. Снегирев называет техническим термином «свидетельство сознания». По его мнению, этого свидетельства сознания для ума «простого», не привыкшего к глубокому анализу, вполне достаточно, чтобы убедиться в истинности идеи души как особого существа. С точки зрения профессора-теиста, прямо данный через наблюдение и необходимый факт внутренней жизни является следующим убедительным моментом. Для его обозначения усваивается технический термин «единство или тождество личности». Раскрывая содержание этого факта простыми и наглядными примерами, Снегирев указывает, что с течением времени при внешних изменениях организма, вплоть до неузнаваемости, при изменении всех обстоятельств жизни, человек все-таки сознает себя одним и тем же по существу — тем же, что и прежде. Таким образом, это наблюдение очевидно и убедительно свидетельствует простому сознанию человека, что при всеобщем непостоянстве и изменчивости мира, захватывающем его телесную составляющую, «внутри его остается неизменной, всегда себе равной какая-то другая часть, другое существо, отличное от его тела» [10, с. 67; 11, с. 280].

Последовательно аргументируя свою позицию, исследователь дополняет свидетельство сознания и наблюдения тождества личности хотя и случайными по своему характеру, но не менее значимыми фактами: видение призраков, иллюзии, галлюцинации, сновидения, в которых душа проявляется как самостоятельное, активное, действующее, движущееся начало «при полной неподвижности тела, видящая без глаз, слышащая без ушей, говорящая без помощи языка и т.п.» [11, с. 281; 14, с. 481; 15, с. 148; 16]. По мнению философа, описанные им «средства здравого смысла, на пути к сознанию оче-

⁵ Опубликовано в 1891 году после смерти автора

видности и необходимости истины субстанционального бытия души, соединяясь вместе, проясняя и подкрепляя друг друга создают непоколебимую, стихийную, уверенность в бытии души, ясное, спокойное, ничем не смущаемое созерцание этой истины, во всей ее очевидности и необходимости, стоящей выше всякого сомнения и доказательств» [11, с. 281].

Но исследователь не ограничивается этим, казалось бы, самоочевидным выводом, а смело идет в своих рассуждениях дальше, прямо постулируя и детально развивая возможные возражения с позиции условно оппонировавшего ему убежденного скептика — материалиста. Обращает он внимание и на тот факт, что непосредственное сознание дает поводы к заблуждениям, которые могут касаться одинаково наших внешних и внутренних впечатлений. В качестве примеров приводится непосредственно наблюдаемое движение Солнца вокруг Земли или исключительно субъективное чувство голода. Мало того, как указывает мыслитель, при строгом научном исследовании сама непосредственность свидетельства сознания о реальности бытия души оказывается не действительной. Возвращаясь к проблеме, связанной с невозможностью доказать факт бытия вообще, В. А. Снегирев проецирует ее на сферу духовную, показывая, что сознание в своей основе оказывается результатом сложной, несознаваемой деятельности мысли, а идея души — отвлечением, поскольку не дается прямо и непосредственно. То же, по мнению автора, можно сказать и о другом факте непосредственного и простого сознания очевидности истины бытия души, — тождестве личности, связанным с признанием неизменности основы душевной жизни. Философ предлагает альтернативный способ объяснения природы этого наблюдения — тождеством и однородностью некоторых внутренних состояний. Что касается видений душ умерших и духов, то он заключает следующее: для науки эти явления не очевидны [11, с. 282–283; 15, с. 19].

Необходимо признать, что последовательность и строгость мысли, простота и стройность мотивации, не зависят от того, какую из альтернативных позиций выбирает философ. Выстроенная таким образом аргументация представляется чрезвычайно убедительной, но истина одна и есть, как оказывается, другое средство привести ум от релятивизма к очевидности особой душевной субстанции. Мыслитель предлагает шествовать за ним испытанным путем отвлеченно-философской традиции, который только и может привести философскую, научную мысль к искомому единственно правильному заключению. По мнению Снегирева, дуализм, очищенный христианством — путь великих: Платона, Декарта, Канта. На этом пути утверждается непоколебимая уверенность в реальности особого начала — душевного и признание лежащей в основе душевной жизни особой

субстанции, отличной от материи и ей противоположной [11, с. 283].

Какими бы противоположными не казались по своему существу духовное и материальное начала, но объединяет их нечто, одна и та же проблема, решение которой с необходимостью предполагает переход в религиозно-философский дискурс [12, с. 7]. Исклчительно тварность как онтологическое качество обуславливает реальность этого мира во всем многообразии его проявлений. Мир получает свое начало только через акт творения. Тем не менее, данный постулат, являясь личным убеждением православного теиста, не озвучивается им, но лишь становится внутренним оплотом уверенности в своей правоте. Оставаясь на позициях реализма, философ апеллирует исключительно к эмпирическому опыту и здравому смыслу, логически последовательно обосновывает неполноту и внутреннюю противоречивость позиции монизма как материалистического, так и идеалистического. С точки зрения В. А. Снегирева и материализм, как и крайний идеализм, есть «метафизическая греза», «чистое отвлечение» [11, с. 288].

По мнению философа-теиста, чрезвычайно важным является то обстоятельство, что существует исторический пример, так сказать, жизненного практического воплощения идеалистической традиции, который мы находим в культуре мысли индуизма. Аналитический ум, следовательно, способен остановиться на представлении о том, что весь мир внешний есть система наших идей и только, т.е. состояния внутренние, состояния сознания. Причина всех этих состояний — некая неведомая, недоступная уму сила, которая опять-таки есть наша мысль, идея, состояние нашего духа и ее бытие вне нас не может быть доказано. Описанный процесс и его выводы положены в основу мирозерцания индийской традиции. Согласно этим представлениям, ввиду однообразия призрака, называемого внешним миром, у всех людей, и вследствие признания человеческого духа проявлением высшей реальности — процесс его построения перенесен был в ум Браммы. Мир материальный оказался грезою Браммы, его призраком, по своему существу. Профессор В. А. Снегирев обращает внимание и на тот факт, что «самый блистательный период умственной жизни Европы — с Фихте до Гегеля включительно» тоже связан с идеалистическим построением, когда, опираясь на законы мысли, человек совершает попытку понять внешний мир как реальность, независимую от него, находит очевидно существующими только свои идеи и жизнь духа, их производящего и испытывающего [11, с. 285; 15, с. 297, 307, 314]. Таким образом, по мере все более последовательных и напряженных размышлений материальное вытесняется на периферию сознания и материя, оказываясь исключительно принадлеж-

ностью духовных процессов, не имеющих объективной реальности, разрешается в «призрак» — в процесс субъективный.

Итак, идеализм представляется В. А. Снегиревым не иначе как «философская греза», хотя и в высшей степени естественная, поэтому совершенно закономерна его дальнейшая эволюция в прямую противоположность — материализм [15, с. 11]. Действительность внешнего мира вторгается насильственно в человеческое сознание, являя себя со всех сторон и вынуждает признать свое бытие, а с тем вместе и бытие своей основы. Истина бытия внешнего мира и его постоянно меняющегося, движущегося, делимого, сопротивляющегося начала — материи, истина эта является очевидной, т.е. неизбежной, необходимой, а потому не требующей доказательства.

В. А. Снегирев полагает, что ясное сознание реальности духа и внешнего — материи становится доминирующим после общего увлечения крайним идеализмом, как например, в цветущий период греческой науки — эпоху Платона и особенно Аристотеля или уже в 19 веке у его современников после крайнего увлечения германским идеализмом. Но как отмечает исследователь, подобное равновесное состояние ума обычно сохраняется недолго. Как правило, сосредоточение внимания на внешнем материальном мире и веществе приводит ум мыслящий к другой, диаметрально-противоположной крайности — «материализму». Произойти это может независимо от предшествующего идеалистического отрицания материи, как это было в Греции до Сократа и Платона у таких мыслителей как Фалес, Анаксимен, Гераклит, Эмпедокл, Демокрит [11, с. 286; 14, с. 441].

Чрезвычайно интересными представляются дальнейшие размышления В. А. Снегирева, касающиеся истоков и закономерностей развития материализма современной ему эпохи. Мыслитель отмечает вторичный характер этого явления — это материализм, который «явился за рядом идеалистических построений» [11, с. 287]. По сути, он характеризует доминирующую психологическую установку как разочарование и презрение к недавним идеалам, которые воспринимаются уже как крайность [15, с. 21]. В этом случае реакцией на крайнее увлечение идеализмом становится не просто забвение того, что было истинного и необходимого, но стремление умышленно избежать той точки зрения, которая дала повод к развитию отрицания материи. Отрицание, потеря интереса к своему внутреннему миру быстро приводит к забвению опыта яркого, отчетливого переживания и осознания реальности мыслящего духа. Вопрос о явлениях душевных или духовных и их последней причине сразу превращается в вопрос об их очевидности. По отношению к душевному и душе ум становится на ту точ-

ку зрения, на какой при других условиях он становится к миру материальному и материи: он сомневается в реальном их бытии. И далее, как мы уже не раз убеждались, неотразимая логика подсказывает один и тот же вывод, что доказать бытие их никак нельзя.

Однако, как указывает мыслитель, исходные позиции в этих случаях различны. Материалистический подход основан только на предположении о реальности бытия всего материального, т.е. веру в него. Тогда как в идеализме отправным моментом является непосредственное наблюдение, т.е. факт опыта [14, с. 54]. Раскрывая содержание материалистической концепции природы душевной жизни, В. А. Снегирев — метафизик демонстрирует движение мысли, замкнутой в мире необходимости, отрешившейся от собственных существенных оснований, когда явления душевные рассматриваются исключительно во взаимосвязи с физическими и реализуются, очевидно, только в материи и через материю [12, с. 14]. Тем самым произвольно полагается линейная связь между простыми и сложными психическими актами и их материальными носителями. Отсюда простой акт — ощущение есть движение в нервной системе; идея есть отраженное движение в полушариях большого мозга; группа идей, ряды их и сама душа суть группы и ряды движений мозга — и только. Заметим, тогда как в трактовке В. А. Снегирева позиция крайнего идеализма, вытесняя материальное на периферию сознания, требует в этом смысле постоянного усилия и оставляет возможность, так или иначе, ощутить свою причастность к внешней реальности. В случае материалистической установки какой-либо компромисс исключается вовсе: чем более однозначно человек рассуждает в данном направлении, тем необходимее ему представляются эти положения и вывод, что никакого другого начала, кроме материи, нет и не нужно [16, с. 118, 142–143]. Однако, признавая за несомненным, что душевные явления всегда происходят и возникают под влиянием физических, материальных, даже зависят от них, философ настаивает, что при этом нет никакой необходимости делать отсюда вывод, что душевное создается, порождается материальным и материей [16, с. 124]. Мало того, по его мнению, вывод этот не законен, не правилен и с строго научной логической точки зрения — невозможен [11, с. 293; 16, с. 131, 136–137, 147, 164].

Важным представляется замечание философа о том, что в его время приверженность материализму, очевидно, приобретает «эпидемический» характер, т.е. представляет собой общественное движение, увлекающее массы мыслящих людей, которые не просто не могут, но «и не хотят стать на другую точку зрения» [11, с. 288; 12, с. 11–12]. Еще, вероятно, не представляя себе всех возможных последствий, связанных с коренной мировоззренческой ломкой общественного сознания, про-

исходящей у него на глазах, В.А. Снегирев выражает сдержанный оптимизм, поскольку убежден, что человеческая история не знает народа, который бы положил эту односторонность в основу всей своей жизни. Он предполагает, что, вероятно, такого народа и не будет никогда, поскольку момент всеобщего утверждения материалистического мирозерцания неизбежно означает начало падения и гибели, разложения общества. Трагически для нас россиян звучат слова ученого, искренне полагающего, что материализм как теория, абсолютно не допускает проверки опытом жизни. Притом, по его мнению, идеализм, заключающий в себе большую долю истинного, плодотворен, настолько, «насколько в нем истины» [11, с. 288; 15, с. 16].

Мы невольно задаемся вопросом, в этом случае, когда очевидно, что материалистическая позиция, как мировоззрение не вполне удовлетворяет строгим требованиям поиска истины, а вместе с ней и блага, в чем же тогда состоит ее привлекательность, очевидно в первую очередь для многих образованных и серьезно размышляющих людей? Ответ на этот вопрос профессор В.А. Снегирев излагает исчерпывающе и убедительно: в силу господствующего уклада, наша жизнь начинается и продолжается подавляющим преобладанием физического над душевным или духовным. По преимуществу внимание приковывается к внешнему миру, где находятся предметы, удовлетворяющие наши потребности. Внутренний мир открывается гораздо позднее и отчасти. Другими словами, отсутствие в обществе развитой духовной традиции, по мнению В.А. Снегирева, в значительной степени препятствует усвоению навыков личного духовного опыта, привычки к внутреннему самоконтролю. Наблюдение внешнего легко и большею частью приятно. Тогда как наблюдение своей внутренней жизни для огромного большинства даже высокообразованных людей всегда тяжелый труд. Следовательно, делает вывод философ, материальное и материя всегда кажется и должно казаться нам чем-то более ясным, понятным и определенным, чем дух — душа. Но, по его мнению, обе эти идеи по существу одинаково темны и трудно представимы, одинаково необходимы [11, с. 290].

Исследовав два противоположные процесса мысли, лежащие в основе двух мирозерцаний, как было показано, одинаково возможные, одинаково законные и правильные логически в своих конечных результатах, В.А. Снегирев постулирует следующие выводы: а) бытие самостоятельного материального не может быть доказано, — материи потому нет, или, по крайней мере, она может быть мыслима как продукт деятельности духа; б) бытие самостоятельного духовного не может быть доказано, — души нет, или, по крайней мере, ее можно мыслить как продукт деятельности материи. Он продолжает свою мысль: следовательно, или нет ни духа, ни материи,

так как они оба могут быть отрицаемы; или они оба существуют, не могут быть сведены одно на другое, как противоположные по своим свойствам, но не доступные уму в своем абсолютном бытии. Первый вывод равен положению — все есть ничто, или ничего-собственно нет. Таким образом философ-теист иллюстрирует ограниченность человеческого ума, последовательно приводящего к очевидному абсурду [11, с. 291].

В качестве последнего вывода, как вполне необходимого и само собой разумеющегося мыслитель заключает, что дух и материя — два отдельных самостоятельных начала, оба несомненно существующих, оба непостижимых в своей сущности для человеческого ума. Принимая общепринятый характер мышления, сосредоточенный преимущественно на материальном и внешнем, нежели на внутреннем и духовном, очевидность бытия души или духа, как особенного начала он выражает следующей формулой: если существует материальная субстанция, то необходимо нужно признать и существование субстанции духовной. Таким образом, в качестве системообразующего начала психологии как своего рода естественной науки, которая должна всесторонне описать, классифицировать и объяснить все душевные явления, носитель традиции духовно-академического теизма XIX — XX вв. В.А. Снегирев предлагает исключительно идею особого самостоятельного, отличного от материи начала или существа [10, с. 89; 12, с. 21–22]. Итак, основа душевных явлений есть особое начало, особая субстанция. Что это такое это начало или субстанция, какова его природа — это может быть выяснено при строго-научном исследовании самих явлений и их законов, заключает мыслитель [11, с. 294; 12, с. 34].

В своей работе «О субстанциональности человеческой души» В.А. Снегирев демонстрирует незаурядные познания в области философии, логики, психологии, метафизики. При этом ученый однозначно поддерживает интенции, направленные на разделение философии и богословия. Тем не менее, изучая его наследие, мы убеждаемся, что религиозное сознание, оплодотворяя все силы человеческого духа, неизменно порождает философское и научное творчество. Таким образом, задолго до формирования психологии как отдельной отрасли научного знания профессор В.А. Снегирев предопределяет ее начала — предмет и метод. Отдавая дань необходимости строго следовать путем эмпирического познания даже в такой области как наука о человеческой душе и жизни духа, он остается верным принципам естественнонаучной традиции, изящно и обоснованно разрешает все возможные противоречия и трудности. Чрезвычайно импонируют простота и убедительность — самые яркие свойства своеобразного научного стиля философа В.А. Снегирева. Социально-политическая проблематика так же волнует православного теиста, побуждая его ис-

кату скрытую мотивацию в поведении больших групп людей, являющихся носителями господствующей мировоззренческой традиции.

Закончить наше исследование хотелось бы выразительными словами его ученика В.И. Несмелова:

«Мистик высокообразованный, он искал живого Бога, вечно живой личности человеческой и мира высшего за пределами чувственного, феноменального бытия, и требовал доказательств всего этого действительных, реальных, а не тех, которые предлагали схоластика и идеализм» [8, с. 154].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вержболович М. Обзор главнейших направлений русской психологии // *Вера и разум*. 1895. Т. 2. Ч. 1. С. 455–487.
2. Гаврюшин, Н. К. Антропология в свете гносеологии: В. А. Снегирев и В. И. Несмелов // *Русское богословие. Очерки и портреты*. — Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2011. — С. 284–294.
3. Дмитриевский, Ф. Современное положение вопроса о субстанциональности души. Казань, 1866 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 56. 63 с.
4. Казарян А. Т. Душа // *Православная энциклопедия*. Т. 16. М., 2012. С. 440–502.
5. Кольцова В. А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. 576 с.
6. Костригин А. А. Богослов и психолог В. А. Снегирев о субстанциональности души // VI Международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего». 19–20 ноября 2015 года, Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. — С. 205–208.
7. Лопатин Л. М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта. Реферат, читанный в заседании Психологического общества 16 марта 1896 г. // *Вопросы философии и психологии*. М., 1896. Кн. 32. С. 264–298.
8. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // *Православный собеседник*. 1889. № 5. С. 97–154.
9. Пишун С. В. Проблема примирения философии и богословия в духовно-академическом теизме: взгляд православных догматистов // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 4. С. 78–81.
10. Снегирев В. А. Науки о человеке // *Православный собеседник*. 1876. Т. III. С. 62–89.
11. Снегирев В. А. О субстанциональности человеческой души // *Вера и разум*. 1891. Т. 2. Ч. I. С. 279–294.
12. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1893. 700 с. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека «Научное наследие». — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения 27.07.2017).
13. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки (Из вступительных чтений в курсы психологии и логики) // *Православный собеседник*. 1876. Т. II. С. 427–451.
14. Снегирев В. А. Сон и сновидения // *Православный собеседник*. 1875. Т. III. 441–492; 1876. Т. II. С. 51–78, 136–180.
15. Снегирев В. А. Спиритизм как философско-религиозная доктрина // *Православный собеседник*. 1871. Т. I. С. 12–41, 279–316; Т. III. С. 9–51, 142–172.
16. Снегирев В. А. Физиологическое учение о сне и сновидениях // *Православный собеседник*. 1882. Ч. II. С. 117–164.
17. Соловьев А. П. Философские исследования в научно-богословском журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» (1855–1912) // *Христианское чтение*. 2017. № 2. С. 252–275.
18. Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства / Соч. воспитанника Казан. духов. акад. Вениамина Снегирева на степ. магистра богословия. Казань: Унив. тип., 1870. 299 с.
19. Цвык И. В. Снегирев Вениамин Алексеевич // *Русская философия: Энциклопедия* / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2014. 832 с.

© Бондаренко Виктория Викторовна (bondarenko.vv@dvfu.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ И КИТАЯ

FEATURES OF THE PHILOSOPHY OF ANCIENT INDIA AND CHINA

N. Dontsov

Summary. Ancient Oriental philosophy is a tentative title, a unifying philosophical systems of Ancient China and Ancient India. Eastern philosophy creates a developed philosophical doctrines, and for Eastern cultures typical of the inseparable connection of religion and philosophy. Therefore, Buddhism, Taoism, and Confucianism exist as a unified philosophical-religious system. However, they represent a very great interest as the cradle of world philosophy. It was here that originated the philosophy.

Despite the seeming exoticism, the philosophical systems of China and India aspire to the same things and Western philosophy the search for the fundamental principles of the universe, to study the issues of existence and non-existence, the development of philosophical ethics. Therefore, the study of Eastern philosophy continues to be important and relevant today.

Keywords: ancient philosophy, philosophy of China, the philosophy of Ancient India, philosophical and religious systems of the Brahmins, Buddhism.

Донцов Никита Вадимович

Финансовый Университет при Правительстве РФ;
NVdontsov@gmail.com

Аннотация. Древневосточная философия — это условное название, объединяющее философские системы Древнего Китая и Древней Индии.

Несмотря на кажущуюся экзотику, философские системы Индии и Китая стремятся к тому же, к чему и западная философия — поиску первооснов мироздания, исследованию вопросов бытия и небытия, разработке философской этики. Поэтому исследование восточной философии продолжает оставаться важным и актуальным и сегодня.

Ключевые слова: древневосточная философия, философия Китая, философия Древней Индии, философско-религиозные системы, брахманы, буддизм.

Восточная философия создает развитые философские учения, причем для восточных культур характерна неразрывная связь философии и религии. Поэтому и буддизм, и даосизм, и конфуцианство существуют как единые философско-религиозные системы. При этом они представляют очень большой интерес как колыбели мировой философской мысли. Именно здесь зародилась философия.

1. Особенности философии древней Индии

Формирование древнеиндийской философии тесно связано с господствующими религиозно-мифологическими представлениями и сословно-кастовым строем. Духовная жизнь Индии всегда была очень богата. Это касается и мифологии и религии и культуры в целом. Духовность в определенной мере была образом жизни для индийцев. Потому формирование философии происходило под большим влиянием мифологии и религии.

Многочисленные философско-религиозные системы Индии являются очень глубокими и насыщенными. В их основе лежит осмысление окружающего мира, поиск

его философских оснований и достижение желаемой цели — нирваны.

В философии Индии можно условно выделить три периода: ведический, эпический и классический.

1.1. Философия ведического и эпического периодов

Первые философские системы в Индии появились в Индии в VI–V вв. до н.э. Их развитие было тесно связано с так называемой ведической литературой — древнейшими письменными памятниками человечества.

Ведический период характеризуется обращением философии священным текстам брахманизма и индуизма: Ведам, брахманам и Упанишадам. «Веды» — это крупнейшее собрание священных текстов Древней Индии, к которым обращаются и жрецы и философы. «Ведизм является древнейшей религиозной системой Индии, которая оказала существенное влияние на более поздние религиозные направления и философские учения страны» [1, с. 77]. Сложная практика жертвенного ритуала была тем импульсом, который вызвал к жизни священные тексты ариев, впоследствии, на рубеже II–I

тысячелетий до н.э., оформленные в канонической форме в виде Вед. Веды (от корня «ведать») — это самхиты (сборники) священных песен и жертвенных формул, торжественных гимнов и магических заклинаний, использовавшихся при жертвоприношениях. Всего таких вед четыре.

Первая и важная из них — Ригведа. В гимнах Ригведы содержатся славословия в честь важнейших богов, в торжественно-возвышенном стиле воспеваются их деяния, родственные связи, великие потенции и основные функции. *Вторая веда, Самаведа, в которой в основном повторяются гимны Ригведы и развивается их содержание.* *Третья, Яджурведа, имеет несколько вариантов самхит, принадлежащих различным школам.* *Атхарваведа — четвертая и позднейшая из вед состоит в основном из заклинаний.*

Брахманы — толкования и объяснения к Ведам, составленные священнослужителями, и сформулированными на их основе поучениями для жизни и повседневного поведения. Упанишады — это сборники текстов эзотерического знания.

Философия этого периода очень мифологизирована. В ее основе лежат миф, ритуал, табу — как механизмы сохранения мирового порядка. С разрушением родовых отношений начинается переход от мифологического к философскому мировоззрению. На первое место выходит новое истолкование явлений мира, «согласно которому первоосновой бытия выступает безличное субстанциальное начало всего сущего — Брахман, — отождествляемое также с духовной сущностью каждого индивида — Атманом» [6, С. 33]. Брахман — безличное абсолютное мировое начало и мировая душа — является единой абсолютной реальностью. Брахман выступает в нескольких ипостасях: создателя, хранителя и разрушителя. Атман относится больше к индивидуальному «я» и выражает человека.

Важным понятием ведийского мировоззрения является «самсара» или «сансара» — реинкарнация, перерождение, учение о переселении душ. Сансара является реализацией действия «закона кармы» — оценки прошлых действий, неразрывно связана с неизбежно вытекающими из этого незнания страстями и страданиями. Сансара — единая иерархическая лестница перевоплощений, по которой бесчисленные индивиды восходят или нисходят в зависимости от баланса заслуги или порока (пунья/папа), сложившегося в предыдущих воплощениях (преимущественно в последнем). Сансара может иметь конец, который совпадает с достижением мокши — освобождения от всех страданий и серии перевоплощений, как высшей цели человеческого существования.

В эпический период философия становится особой областью знания с рациональной направленностью. В этот период философия уже освобождается от мифологического мировоззрения, присущего предыдущему периоду. На первый план выходят идеи, звучащие в эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна». В данный период ведизм, как религиозная система Индии, трансформируется в индуизм, который до сих пор является господствующей религией Индии.

1.2. Древнеиндийская философия классического периода

В классический период индийской философии формируется множество философских школ и направлений по всей Индии. Часть из них по-прежнему основывались на Ведах, другие — напротив, отвергали авторитет Вед. Важным событием этого периода стало зарождение новой философско-религиозной доктрины — буддизма. Буддизм стал более демократичной религиозной системой: признавал равенство всех людей на земле, осуждал обряды жертвоприношения, проповедовал добродетельную жизнь. В основе учения Будды лежало представление о Четырех благородных истинах о страдании.

Философские системы этого периода, признававшие авторитет Вед или, по крайней мере, не выступавшие против него открыто, рассматривались как одинаково действенные пути для достижения спасения, хотя они и различались между собой. Традиционно они подразделялись на три группы, по две школы в каждой, дополнявших друг друга: санкхья и йога, ньяя и вайшешика, миманса и веданта.

1.2.1. Философия буддизма

Философия буддизма — это стремление к мирскому благополучию, к перерождению на небесах и в конечном счете — к нирване, стремление, которое человек осуществляет собственными благими деяниями (хорошей кармой) и причастностью к благим деяниям других. Как писал Е.И. Парнов: «Моральное самоусовершенствование буддистов резко отличается от христианского. Оно не предполагает абсолютизацию таких понятий, как «добродетель», «любовь к ближнему» и т.п. У него иная, высшая цель: спокойствие, самоуглубление, полная уравновешенность, совершенство» [7, С. 125].

Основатель буддизма индийский царевич Сиддхартха Гаутама. Его философия насквозь пронизана этикой. Он выступает против крайностей в человеческом поведении: гедонизма и умертвления плоти.

Учением Будды стала Дхарма, которая включает Четыре Благородные Истины:

1. Существует страдание как привязанность к существованию.
2. Существует причина страдания (желание) — это жажда наслаждений.
3. Существует прекращение страданий (нирвана).
4. Существует Восьмеричный Путь, который ведет к прекращению страдания. Он включает в себя три измерения: мудрость, нравственность и духовную дисциплину.

Будда отказывается от традиционных для древнеиндийской философии представлений об Атмане и Брахмане. Освобождение от страданий достигается в потоке состояний ума и сознания.

Таким образом, по своим основаниям буддизм — это, прежде всего, этическое учение, соотносящее добродетели только с поведением и поступками людей, но не с их страстями.

1.2.2. Философия санкхья

Санкхья — это древнеиндийская философская система, которая занималась непосредственно вопросами философии. В ней поднимались вопросы первоначал: первоматерии (пракрити) и духа (пуруша). Первома-терия состоит из трех формирующих сил: разумности, активности и косности. Контакт духа с материей нару-шает ее равновесие и начинается сложный процесс эволюции — возникает ум, сознание, органы чувств, физические элементы и т.д. Всего в санкхья выделяется 24 начала в мире. В качестве 25 выступает дух, «Я». Если Я осознает свою свободу от материи, то тем самым оно достигает полного освобождения.

1.2.3. Философия йога

Йога признает учение санкхьи и в некотором роде является ее продолжением. Она добавляет к 25 началам санкхьи еще одно — Бога. Чрезвычайно большим дости-жений йоги является изобретенная в ее недрах теория медитации.

Наиболее известна восьмичленная йога Патанджали, которая включает восемь составляющих: 1) пятеричное самообуздание — ненасилие, правдивость, неворовство, половое воздержание и неприятие даров; 2) пять пред-писаний — чистота, удовлетворенность, подвижниче-ство, самообучение и упование на бога Ишвару; 3) осо-бые позы (асана); 4) контроль за дыханием; 5) отвлечение чувств и контроль за ними; 6) концентрация на объекте; 7) созерцание; 8) глубокое сосредоточение [4, С. 365–366].

Прохождение всех этих восьми этапов освобождает йога от всех страданий, вызванных кармой. В целом йога

представляет собой этическое учение, дополненное хо-рошо развитым психологическим тренингом.

1.2.4. Философия вайшешика

В рамках философии вайшешики, как и в буддизме, было разработано понимание освобождения человека от страданий мира. Последователи этого учения выде-ляют семь философских категорий и девять субстанций, вокруг которых строят свою философскую систему. Для вайшешики большое значение имела разработка онто-логии — учения о бытии, однако их онтологическая си-стема иная была лишена недостатков. Так она сложно соотносилась с их этическими представлениями.

1.2.5. Философия ньяя

В философии ньяя речь идет главным образом о правилах рассуждений (ньяя — метод, правило). Она во многом схожа со школой вайшешика. Здесь назна-чение философии понимается как освобождение чело-века (мокша). Главным средством спасения здесь явля-ется логика и теория познания, которая состоит из 16 категорий, включающих средства познания, пример, положение, дискуссию и др. Объектами правильного познания являются душа, тело, объекты чувств, спо-собность распознавания, чувства и удовольствие [4, С. 365–366]. Значение школы ньяя заключается в том, что она заложила основы рациональности в индийскую философию.

1.2.6. Философия мимансы

Главная идея последователей мимансы заключается в том, что Веды — непрерываемый источник абсолютного знания, а описанные в них ритуалы и практики являются средством освобождения от кармы. Веды не написаны никем: ни богами, ни людьми. Они содержат предписания, нравственные нормы, в которых содержится многовеко-вой опыт индийцев. Миманса стоит на страже традиций, для нее авторитет Вед — непрерываем. В этом содержится ограниченность данной философской системы.

1.2.7. Философия веданты

Веданта — это школа, которая также развивает ве-дическое учение. Основная идея веданты — тождество Брахмана и Атмана, ведущее к освобождению, дости-гаемое человеческой душой посредством постижения знания. Однако рационально, философски объяснить тождество Атмана и Брахмана последователям веданты так и не удается.

В целом можно отметить, что философские системы Древней Индии имеют очень большую связь с религией

(ведизм, индуизм, буддизм), а также имеют одну основу — «Веды» и другие священные тексты индийцев. Кроме того бросается в глаза единая направленность всех философских школ Древней Индии — поиск пути к спасению и освобождению от страданий и кармы.

2. Особенности философии древнего Китая

Древнекитайскую цивилизацию наряду с рядом других можно считать традиционной культурой. Для традиционных обществ главным было воспроизведение существовавшего тысячелетиями образа жизни, когда прошлое взрослых оказывалось будущим их детей. Основание культуры сохранялось, передавалось в качестве социальной наследственности, обеспечивая воспроизводство традиционного типа развития. Не только человек не ощущал разлада с обществом, но и природа органично взаимодействовала с данной культурой, многочисленными примерами доказывая с ней свое единство.

Китайская культура — это традиционное общество, которое с большой неохотой поддается изменениям. Легко себе представить, какова была роль религии в таком обществе. В первую очередь, она освящала политическую власть, способствовала оформлению идеологии обожествления государя, превращению его в божественный символ. То есть религия была некой объединяющей силой в китайском обществе. При этом традиционная мифология и религия в Китае были заменены ритуализированной этикой и социальной политикой.

Поскольку для Китая во главу угла ставилась строго регламентированная этика и поведенческие образцы, выработанные для всех слоев общества, то данная модель требовала и философского обоснования, которым стало конфуцианство. Оно смогло в полной мере обеспечить стабильность, консервацию и сохранение существующих культурных и поведенческих норм. Еще одной значимой философской системой Древнего Китая был даосизм, в котором акцент делался на изменчивости мира, отражающейся в понятии дао.

2.1. Философско-этическое учение конфуцианства

Конфуцианство возникло в V в. до н.э. Основатель учения — китайский мудрец Кон-фу-цзы или в европейской традиции Конфуций (551–479 гг. до н.э.). Он был учителем мудрости, создателем этико-философского учения, которое обрело большое влияние уже при жизни своего основателя и до сих пор составляет важную часть китайского мировоззрения. Большую часть его философских идей занимало учение о человеке, его до-

стоинствах и недостатках, о том, какими добродетелями должен обладать благородный человек и хороший правитель. «Он создал программу совершенствования человека с целью достижения духовно развитой личностью лада с Космосом.

Благородный муж — источник идеала нравственности для всего общества. Ему одному присуще чувство гармонии и органический дар жить в природном ритме» [5, С. 96]. Сам Конфуций не написал ни одного сочинения, однако его идеи были систематизированы и записаны его учениками в трактате «Лунь-юй» («Беседы и суждения»).

Основу его учения составляет этика, нравственные принципы, которые можно было бы применить в любой ситуации. Среди них он выделял честность, справедливость и любовь. Наиболее важно было следовать этим принципам чиновникам и правителю государства — тогда они будут управлять страной во благо народа. «Высшей целью для таких руководителей должно было стать развитие чувства долга (*жэнь*), глубокого сочувствия и сострадания к окружающим» [8, С. 414]. Добродетель и ум, преданность и образованность Конфуций ценил более всего и в своих учениках, воспитывая их как идеальных чиновников для государства.

То есть для Конфуция на первое место ставилось благоденствие государства. Поэтому основную причину общественных несчастий он видел в нарушении небесного порядка, нарушении добра, которое изначально присуще мирозданию. Нарушение этого порядка порождает зло в мире. Зло не имеет первопричины во Вселенной, оно порождение мира людей, которые не понимают или же не желают выполнять небесный порядок. Зло понимается в конфуцианстве, прежде всего, как общественное явление. Оно не было создано Небом, всегда излучающим только добро. Оно создано человеческим обществом, при нарушении заложенного порядка. Именно люди вносят в мир хаос, нарушают порядок и гармонию в нем и при этом страдают сами. «В нашем мире, изначально гармоничном и упорядоченном, искажение гармонии, нарушение порядка превращают его в дисбаланс и хаос» [2, С. 16].

То есть, Конфуций придерживался мнения, что изначально все мироздание было создано мудрым Небом, как чрезвычайно гармоничное, доброе и правильное. Однако люди сами нарушают предустановленные законы мироздания, порождая зло, дисгармонию, беспорядок. Войны, бедствия, несчастья, испытываемые людьми, являются следствием нарушенной гармонии мира.

Для того, чтобы упорядочить и гармонизировать свою жизнь, сделать ее доброй и счастливой, люди

должны полностью осознать волю Неба и созданный им порядок вещей. Нам следует рассмотреть этот порядок и полностью осознать его, а затем просто следовать ему в своей повседневной деятельности и занятиях, неукоснительно выполняя все его предписания.

Общественное счастье не где-то далеко за горами, оно всегда рядом с нами, им просто нужно правильно воспользоваться. Для достижения счастья в обществе людям достаточно соблюдать тот порядок, который был назначен Небом, жить в соответствии с ним, выполнять заложенные в нем правила и рекомендации, соблюдать все его принципы и стараться никогда не нарушать их. При таких условиях человеческая жизнь будет безупречной, а следовательно, счастливой. То есть, Конфуций видел общественное счастье в исполнении небесного порядка и следовании ему.

Среди основных принципов или добродетелей небесного порядка Конфуций выделяет великодушие (куань), уважение к старшим (ди), сыновнюю почтительность (сяо), верность долгу (и), преданность государю (чжун) и другие. Если неукоснительно следовать этим правилам, жизнь каждого отдельного человека и всего общества в целом будет правильной и счастливой.

При этом Конфуций говорит и о таких важных качествах для общества как стабильность и постоянство. Как только люди научатся поступать не так, как велят им личные желания, а как велит установленный, неизменный порядок, общество станет по-настоящему крепким и стабильным. Поскольку порядок един для всех людей, то люди, исполняя его, будут ощущать себя единым организмом, живущим и действующим на благо всем. Личные же желания и устремления всегда индивидуальны и не отвечают запросам всего общества, а потому могут внести раздор и дисбаланс в государство. Это часто является причиной военных конфликтов, политической борьбы и разного рода неурядиц. Пусть не при жизни Конфуция, но во многом благодаря данным принципам, конфуцианство на длительное время стало государственной идеологией Китая.

Таким образом, идеалы конфуцианства, как по отношению к человеку, так и к обществу чрезвычайно высоки. Главными принципами для благородного человека Конфуций считает гуманность, великодушие и чувство долга. Сам он в своей жизни вполне искренне стремился воплотить высокий идеал добродетельного мудреца, который боролся за высокую мораль, против господствующей в мире несправедливости. Однако, после того как учение Конфуция стало государственной идеологией Китая, на первый план во многом вышла лишь внешняя сторона его учения, которая проявлялась по большей части лишь в демонстрации предан-

ности старине, уважения к старшим, напускной скромности и добродетели.

2.2. Особенности даосизма в Древнем Китае

Древнекитайская философия во многом опирается на культуру Дао. Дао представляет собой универсальное понятие древнекитайской философии. Древние философские представления раскрывают рождение Дао в космической пустоте. Под влиянием вселенских космических ритмов инь-ян в спиральном вихре рождается Дао. «Философствование принимает ценностную направленность — на гармонию вертикальной составляющей спирали и космоса Дао: все ценности символически сосредоточены на Небе, откуда они работой философского сознания смещаются на Землю» [6, С. 28].

Даосизм, наряду с конфуцианством, считается наиболее ярким выражением самобытности и своеобразия китайской философии. Функция философа в древнекитайской философии — сводить вместе противоположности инь-ян. Крупнейшим представителем даосизма был Лао-цзы. В качестве идеала для него было родовое прошлое, а настоящее он оценивал как хаос, причиной которого видел нарушение естественного космогенеза.

Лао-цзы традиция приписывает создание трактата «Дао дэ цзин», где ключевыми понятиями выступают дао (путь) и дэ (добродетель). Началом всего в мире является лао, дэ же в большей степени относится к человеку. Дао является принципом и материальных вещей и морали. Дэ как высшая добродетель также следует из дао. Ее основной смысл заключается в недеянии: «Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется с ними» [3, С. 11].

В древнекитайской философии рождается множество принципов полностью доступных для понимания только восточным человеком. Одним из подобных принципов является принцип «недеяния» или «у вэй», который был сформулирован в даосизме. Он означает невмешательство в естественный, predeterminedный свыше ход событий.

Основатель даосизма Лао-цзы уделял много внимания принципу «недеяния» в своём трактате «Дао дэ цзин». Он призывает человека ни во что не вмешиваться, позволить жизни развиваться естественно, самой по себе. Только невмешательство в различные дела позволит человеку сохранить непорочность. Даже образование Лао-цзы считал не нужным, ибо безграмотным на родом легче управлять. Если же у народа много знаний, то он сложнее поддается управлению. При этом «у вэй»

предполагает некую изначальную активность человека, органично связанную с течением вещей, то есть некое «деяние посредством недеяния».

Для даосов конфуцианство неприемлемо, так как оно в своих принципах нарушает дао, подменяет его выдуманными, чуждыми естественности моральными принципами. Конфуцианцы часто использовали концепт дао, но, строго говоря, не в даосском значении. Для конфуцианцев дао — путь морального совершенствования, для даосов дао — изначальный принцип. Достаточно просто соблюдать его. «Согласно даосам, за стремлением к особому пути морального совершенствования всегда скрыт отход от дао как Великого Предела» [4, С. 379].

Таким образом, даосы всегда резко критиковали извращение природы человека, навязывание ему неестественных норм поведения. В целом даосизм — это философская концепция, в которой доминируют натуралистические мотивы.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

Философские системы Древней Индии и Древнего Китая развивались практически одновременно и имеют много общего. В частности их сближает тесная связь с религией и этикой.

Философия Древней Индии опирается на религиозную традицию Вед, древнеиндийского эпоса, индуизма. Однако в Индии возникает и совершенно самостоятель-

ное религиозно-философское учение — буддизм, где нет места сонму индийских богов, а содержатся только предписания к праведной жизни.

В целом можно отметить, что философские системы Древней Индии имеют очень большую связь с религией (ведизм, индуизм, буддизм), а также имеют одну основу — «Веды» и другие священные тексты индийцев. Главной целью всех философских систем Древней Индии следует признать — поиск пути к спасению и освобождению от страданий и кармы.

Философия Древнего Китая так же сильно зависит от традиций, сложившихся веками. Идеалы, провозглашаемые конфуцианством, как по отношению к человеку, так и к обществу чрезвычайно высоки. Главными принципами для благородного человека согласно Конфуцию являются гуманность, великодушие и чувство долга. Сам он всегда стремился к достижению этого идеала. Однако, после того как учение Конфуция стало государственной идеологией Китая, на первый план во многом вышла лишь внешняя сторона его учения, которая проявлялась по большей части лишь в демонстрации преданности старине, уважения к старшим, напускной скромности и добродетели.

Даосизм — это древнекитайская философская концепция, в которой доминируют натуралистические мотивы. Главными понятиями в ней выступают дао (путь) и дэ (добродетель). Также важным принципом в даосизме является принцип недеяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура / Г. М. Бонгард-Левин. — СПб.: Алетейя, 2001. — 288 с.
2. Гусев Д. А. Краткая история философии: Нескучная книга / Д. А. Гусев. — Издательство НЦ ЭНАС, 2003. — 224 с.
3. Дао. Гармония мира. — М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 2000. — 864 с.
4. Канке В. А. История философии. Мыслители, концепции, открытия: Учебное пособие / В. А. Канке. — М.: Логос, 2003. — 432 с.
5. Основы религиоведения. Учебник / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др. / Под ред. И. Н. Яблокова. — М.: Высш. шк., 1994. — 368 с.
6. Основы современной философии. — СПб.: Издательство «Лань», 2004. — 384 с.
7. Парнов Е. И. Боги лотоса / Е. И. Парнов. — М.: Политиздат, 1980. — 239 с.
8. Религиозные традиции мира. В двух томах. Т. 2. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. — 640 с.

© Донцов Никита Вадимович (NVdontsov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАЛИЗМ КАК ОДНО ИЗ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ СУЩНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

FINALISM AS ONE OF THE PHILOSOPHICAL BASES OF RESEARCH OF ESSENCE OF EVOLUTION

S. Laptinskaya

Summary. Wondering about the evolution of the scientist is often included in finalistic direction of thinking, but not necessarily in the creationist, because the idea of programming in the course of evolution undoubtedly differs significantly from the idea of the existence of the program at the start of development. If the existence of the programs and genealogy at the origins of life has not proved anything (besides the analogy with ontogeny), the set of restrictions of possibilities of evolution in the process phylogenesis really is, especially growing in the processes of specialization. In its outward manifestation of evolution very similar to the process going through the deployment programs. In fact, in these cases it is maintained the possibility of developing only in one direction. However, the similarity with a pre-programmed development just outside.

Keywords: finalism, evolution, philosophy, life, process.

Лаптинская София Валентиновна

*Д.ф.н., профессор, Московский государственный институт культуры, Рязанский филиал (РФ МГИК)
zipa2016@list.ru*

Аннотация. Задаваясь вопросом о направленности эволюции, ученый зачастую входит в финалистическое русло мышления, но не обязательно в креационистское, т.к. мысль о программировании в ходе эволюции бесспорно существенно отличается от идеи о наличии готовых программ на старте развития. Если существование программ филогенеза у истоков жизни ничем не доказывается (кроме аналогии с онтогенезом), то совокупность ограничений возможностей эволюции в процессе филогенеза действительно всё время увеличивается, особенно нарастая в процессах узкой специализации. По своему внешнему проявлению эволюция очень напоминают процесс, идущий на основе развёртывания программ. В самом деле, в этих случаях практически сохраняется возможность развития лишь в одном направлении. Однако сходство с заранее программным развитием здесь лишь внешнее.

Ключевые слова: финализм, эволюция, философия, жизнь, процесс.

Ввиду специфики природы финальности, по-разному понимаемой представителями разных направлений, финалистический характер могут принимать различные ортогенетические, сальтационистские, психовиталистические, спиритуалистические и другие концепции, а также те или другие варианты креационизма, находящегося уже за пределами эволюционизма.

Финализм, следовательно, не представляет собой единой целостной концепции. Это течение, слагающееся из самых различных направлений, объединяемых особым способом видения феномена, основанным на определённой логической модели («архетипе»), и в силу указанного обстоятельства он, очевидно, уступает в целостности таким подразделениям эволюционного учения, как дарвинизм или неоламаркизм.

Зато финализм совмещает в себе элементы неоламаркизма, психовитализма, сальтационизма, организмизма и других течений эволюционной мысли. Качественное своеобразие входящих в них теорий является дополнительным источником того огромного разнообразия форм и концепций финализма, с которыми мы сталкиваемся на сегодняшний день. Например, во вступительной статье к цитированной выше книге Бернштейн проводит мысль, что «факторы чистой случайности прочно закреплены в эволюции факто-

рами активного программирования и борьбы за выживание этой программы» [3 С.12].

Последователи Дарвина, полагает он, допустили ошибку, когда исключили из внимания вопрос «для чего» осуществляется эволюция и, занявшись вопросом «как» она осуществляется, пытались решить последний через механизм «выживания наиболее приспособленных» как единственной причины эволюции. Но этот механизм, по Бернштейну, «не был ни единственным, ни даже важнейшим». Выживание лучше приспособленных не является «задачей или активно преследуемой целью», а потому и не может быть фактором эволюции. Вместо этого ведущим фактором им признаётся жёсткая программированность эволюционного процесса, которая не изначально, как считали ранее, а осуществляется в ходе филогенетического развития.

В онтологическом плане понятие финальности соответствует понятию «телос», и обе философские системы в известной мере совпадают. Их совпадение совершенно несомненно в той части и в той мере, в каких в рассматриваемом явлении или процессе признаётся наличие целевого начала, выступающего в роли главного организатора развития. Однако современный финализм не ограничивается признанием одних целевых отношений.

Анализ литературы, направленной как на оправдание финализма, так и на его критику, убеждает в том, что наиболее характерной чертой современного финализма является, по-видимому, рассмотрение биологического феномена с точки зрения его внутренней запрограммированности и «вписанных» в его развитие начала и конца. В этом смысле типичными для финализма оказываются представления о цикличности и завершенности органической эволюции. Но не менее характерная черта современного финализма — интересная трактовка явления эквифинальности, т.е. стремления биологических систем к достижению одного и того же конечного результата при отклонениях в исходных условиях развития.

Эквифинальность, первоначально открытая Г. Дришем в сферерегуляционных процессах эмбриогенеза, в дальнейшем получала все более широкое научное обоснование, обогатив свой арсенал новыми фактами, добытыми физиологией, генетикой и этологией. То обстоятельство, что соответствующие регуляторные механизмы, лежащие в основе эквифинальности, до сих пор не раскрыты, способствует сохранению благодатной почвы для финалистических толкований, ведь исторически телеология и финализм возникли как реакция на неспособность механистического материализма объяснить целесообразный и целенаправленный характер биологических явлений.

Приверженцы финализма справедливо считают, что эволюционная теория, развивающаяся на основе механистического материализма и классического дарвинизма, не в состоянии познать сущность таких сложных процессов, как органическая эволюция, ее начало и возможная цель, т.к. в этом случае дело не идет дальше изучения простых причинно-следственных отношений, осуществляющихся во временной генетической последовательности. Причинно-следственные же отношения, основывающиеся исключительно на жестких (необходимых) однозначных и непосредственных связях, отнюдь не отражают всей совокупности отношений, складывающихся в эволюционирующей системе. Защитники финализма не отрицают роли случайности в живой природе, им хорошо знакомы и методы статистического анализа. Но они категорически отвергают случайность в качестве основы эволюционных преобразований.

Итак, нам представляется правомерным относить ту или иную концепцию к финализму⁶, если она удовлетворяет одному из следующих критериев:

1. Примат целевых нематериальных отношений над реальными каузальными связями.
2. Наличие внутренней наперед заданной программы развития, детерминирующей строгую направленность эволюции.
3. Уподобление эволюции онтогенезу и движению к неизбежному финалу.
4. Эквифинальность развития.

История развития финализма тесно связана с креационизмом. Так, математик и философ О. Курно [10] утверждал, что спонтанная «жизненная энергия», составляющая для нас всегда «великую тайну», превосходит творческие возможности человека. Во всех её проявлениях, безусловно, лежит принцип финальности, или «координации», и этот принцип отличает органический мир от мёртвой природы. Каким же образом можно его изучать, если эволюция, таким образом, есть цепь новообразований или изобретений, проявляющихся на фенотипическом, но возникающих на генотипическом (молекулярном) уровне. Именно грандиозное увеличение объёма информации, хранящейся в генотипах, и служит наиболее яркой характеристикой эволюции.

По мнению Курно, наука не в состоянии постигнуть ни первичные, ни вторичные причины финальности. Поэтому обычные методы каузального анализа, оказывающиеся в данном случае бессильными, должны быть заменены интеллектуальным методом «трансрационализма» [9], т.е. идущим «дальше» рационального.

Со времен Платона эта двойственность была своего рода проклятием западной мысли. Как заметил французский философ Жан Валь, история западной философии, в целом сложившаяся несчастливым образом, характеризуется беспрестанными колебаниями между представлениями о мире как об автомате и телеологией, в которой Бог правит миром [12]. И та, и другая крайности представляют собой формы детерминизма.

В XX в. одним из мощных стимулов к подъёму финализма и креационизма послужило раскрытие регуляторного характера процессов индивидуального развития, которые казались необъяснимыми с позиции обычного каузального анализа. Телеогенез как направление в эволюционизме сложился в 70–80-е годы XIX века, и лидером его следует считать К. Бэра.

Вводя понятие о «целестремительности» эволюции, Бэр думал, что «общая закономерность в мире исходит от единого духовного начала» [5 С. 119]. Он признавал, что существует изначальное стремление живого к достижению биологической цели. Ею «является вся совокупность жизненных процессов организма, и прежде всего — сохранение вида» [5 С. 22], а поскольку эволюция в высшей степени целенаправленна, следовательно, результат её предопределён.

⁶ Вопрос о соотношении финализма и телеологии специально, по-видимому, еще не ставился. Вели же судии, по употреблению этих терминов в философской литературе (чаще ими пользуются раздельно, в более редких случаях в той или иной взаимной связи), то во мнениях по данному вопросу обнаруживается полный разрыв. Одни авторы (Фролов И. Т., Ермоленко М. Т.) видят в финализме особую разновидность телеологии, фиксирующей внимание на достижение процессом конца; другие (Давиташвили Л. Ш., Макаров М. Г.) считают их синонимами.

Теологическая установка в понимании причин эволюции приводила Бэра к положению: «...причины возникновения.., нельзя распознать, а цели заметны». Идеи, выдвинутые Бэром, были подхвачены за рубежом К. Негели, Э. Копом, Э. Гартманом и многими другими, в России они были приняты и развиты Н.Я. Данилевским Н.Я. и Н.Н. Страховым.

Как уже отмечалось, широкое признание нашли они и в период кризиса эволюционной теории в первой четверти XX в. Успехи молекулярной генетики стали основой преформистских взглядов С. Оно. По его словам, «строго говоря, ничто в эволюции не появляется *de novo*».

Критика эволюционных взглядов Оно дана в работе В.С. Кирпичникова [2 С. 118], а если уж говорить об эволюционных новшествах, то механизмы их возникновения следует целиком относить к преобразованиям на генетическом уровне. Естественный отбор, по его мнению,— всего лишь консервативный фактор, охраняющий и стабилизирующий наследственные изменения, а генные дубликации «выступают как основная движущая сила эволюционного процесса» [1 С. 78]. В этом пункте сходятся финализм и витализм.

Целенаправленное развитие живого логично вытекает из наблюдения за филогенетическими явлениями, ведь в развитии филогенетических линий (фил), направленность принимает форму хорошо знакомого нам циклического процесса. Тейяр де Шарден сравнивает жизнь фил с судьбой всякого изобретения. Сначала родившаяся идея ищет своего воплощения в «пробах и переделках», затем наступает фаза совершенного воплощения и распространения и, наконец, приходит закат.

Сущностью такого «изобретения» является жизнь как самоорганизующаяся система. Для создания общей теории самоорганизующихся систем принципиальное значение имеют работы по самовоспроизведению абстрактных автоматов, начало которым положил А. Тьюринг.

Ведущим ученым в этой области является Дж. фон Нейман. Как отмечает Э.Ф. Мур, «способность к самовоспроизведению долгое время рассматривалась как одно из наиболее характерных свойств, присущих живым организмам. Фон Нейман был первым ученым, детально рассмотревшим задачу о том, при каких условиях способны к самовоспроизведению машины, рассчитывая, что решение этой задачи прольет свет на фундаментальные проблемы биологии: если можно создать конструктивно универсальный автомат, т.е. такой, который может сконструировать идентичный самому себе автомат, а потом и более сложный, то не будет ли это путем, аналогичным пути эволюции? Тогда останется лишь констатировать факт создания человека как своеобразного, очень сложного универсального автомата?»

А. Тьюринг установил, что можно построить машину (автомат), способную имитировать всякую другую машину, как только в ее память ввести описание этой машины и программу ее функционирования. Иными словами, путем одного лишь изменения программы на такой машине может быть смоделирована любая другая машина, т.е. могут быть реализованы все операции, выполнимые другой какой-либо машиной. Опираясь на результат Тьюринга, Дж. фон Нейман ставил перед собой задачу осветить другие, вытекающие отсюда вопросы.

Дж. фон Нейман рассмотрел пять различных моделей самовоспроизведения: кинематическую, клеточную, типа «возбуждение — порог — усталость», непрерывную и вероятностную. Среди них наибольший интерес представляют кинематическая и клеточная модели, имеющие принципиальное значение в решении проблемы происхождения жизни.

Конечно, Нейман понимал, что процесс самовоспроизведения автомата отличается от такого же процесса у организма прежде всего тем, что образование потомка происходит вне тела автомата -создателя; кроме того, в процессе сборки детали не претерпевают никаких изменений. Для как можно большего приближения к многоклеточному организму, Нейман стал работать с клеточным автоматом.

Клеточный автомат состоит из неограниченно интегрированного (мозаичного) количества конечных автоматов, каждый из которых находится в одной из равного размера квадратных ячеек, на которое разбито двумерное евклидово пространство, и взаимодействует со своими соседями. Этот автомат представляет собой некоторое «пространство», рамки, в которых происходят события, связанные с функционированием автомата, и для которого можно сформулировать точные законы и правила. Каждый автомат-клетка должен быть детерминированным и синхронизированным, т.е. в каждый целочисленный момент времени t состояние каждого автомата-клетки зависит только от его собственного состояния в момент времени $t-1$ и от состояний в этот момент соседних автоматов-клеток. Эти элементарные автоматы должны иметь идентичный набор состояний, в которых они могут находиться, и одинаковые правила перехода из одного состояния в другое. При этом набор состояний обязательно должен включать в себя так называемое состояние покоя, которое обладает следующим свойством.

Если в некоторый момент времени и некоторый элементарный автомат и все его соседи находились в состоянии покоя, то и в момент времени t рассматриваемый автомат должен находиться в состоянии покоя. В целом в любой момент времени t в состоянии покоя, за исключением конечного числа, должны находиться все элементарные автоматы.

Дж. фон Нейман не интересовался каким-то определенным уровнем моделирования процессов самовоспро-

изведения. Проблема самовоспроизведения его занимала в целом, и он стремился разработать абстрактную теорию самовоспроизведения автоматов. Поэтому сопоставление кинематической модели исследования с процессом биологического воспроизведения неизбежно приводит к логическим трудностям, с которыми пришлось столкнуться ему самому. Вывод, к которому пришел Дж. Фон Нейман, состоит в том, что команды, сообщаемые автомату, как построить самого себя, не могут быть полными, поскольку они должны были бы описывать не только автомат, но и самих себя.

Иными словами, должна существовать бесконечная цепочка программ построения программы автомата. Исследователь нашел оригинальный выход из положения, предложив одновременно использовать два автомата, один из которых копировал бы программу построения, другой — реализовал бы программу построения. Образованная из этих автоматов и некоторого управляющего устройства, включающего каждый из них в нужный момент, система уже в состоянии реализовать процесс самовоспроизведения. Если считать естественное тело планеты подобным многоклеточным автоматом, то, как видно, одного его оказывается недостаточно.

Следовательно, в любой системе воспроизведения, кроме самого «автомата» самовоспроизведения, должны быть передающее звено и система управления. Кибернетические разработки проблемы показывают недостаточность механистического материализма в этом вопросе.

Нематериалистическое понимание эволюции сводится, в самой упрощенной формулировке, к признанию факта: естественное тело Земли не имело:

- 1) необходимого и достаточного для появления нуклеиновых кислот;
- 2) тех факторов среды, которые позволили бы диффузионно-рассеянным кислотам начать синтез белка на уровне самовоспроизводящего «автомата» системы.

Но, как показали описанные кибернетические модели, даже если бы и сложились такие условия случайно, то для самовоспроизведения жизни, как и для любой самовоспроизводящей системы, необходима система передачи и накопления информации и система управления — хранения и импульса информации.

Современный креационизм основывается на гипотезе антислучайности, которая была разработана крупнейшими французскими зоологами нашего века — Люсьеном Кено и Эмилем Гийено. Взгляды Кено отразили вечную антиномию в методологии финализма и механистической каузальности.

Излагая свою интерпретацию вопроса, Кено указывал, что понятие финальности легче уяснить на примере анализа

сознательности человеческой деятельности. При изготовлении человеком какого — либо орудия оно ещё до создания «предсуществует в виде идеи», которая должна быть осуществлена. Идея, замысел орудия выступают как его конечная цель, первичная и внешняя по отношению к нему причина, отражающая «намерения и изобретение» его создателя [2 С. 100]. О таком орудии, предназначенном для выполнения определённой функции, говорят, что оно «финализовано» (finalise).

Кено считает финалистическим всякий процесс, в котором «необходимость того или иного факта служит исходной причиной его появления» [8 С. 43]. В конечном итоге «финальность — это как раз то самое, что жизнь вносит в материю» [7].

Живая природа изобилует фактами чрезвычайно сложных и совершенных приспособлений, и трудно представить, чтобы такие приспособления были продуктом «простой случайности». В качестве выразителя своих взглядов Кено цитирует философа Бодэна, который утверждает, что жизнь во всех формах — от одиночной клетки до самых сложных животных и растений — финалистична и что, «снаучной точки зрения, финальность означает организацию и адаптацию» и «приспособление средств к целям», сводящимся к сохранению жизни каждой отдельной особи и вида.

В поисках причин финальности Кено уже в 1936 г. высказывает предположение о наличии в наследственной основе зародыша какого-то особого непознаваемого творческого начала, своего рода «заведённого во имя определённой цели механизма», который на первых порах он именует «демоном зародыша» [4]. Одновременно, сочувственно излагая существо финализма, он отмечает, что в создании «орудий» животных и растений действовал фактор «психической направленности» [6 С. 43].

Если находиться вне развития синергетики, то среди современных биологов найдётся много представителей «пессимистической» точки зрения. Спор наш, скажут они эволюционистам и виталистам, средствами современной нам науки совершенно неразрешим. Может быть, действительно, удастся свести явления жизни к действию элементарных физико-химических сил, а может быть, и нет, — и тогда правыми окажутся виталисты. Пока, во всяком случае, такого сведения органического к неорганическому наука не выполнила и в настоящее время, безусловно, не может выполнить. Но биологическая синергетика разрешает эту проблему.

Не будем же ручаться за будущее, признаем искренне: основной вопрос биологии — «Какова природа эволюции?» — научно пока неразрешим — и займёмся продуктивными исследованиями в области частных специальных вопросов

органической жизни, где у нас есть твёрдая и надлежущая почва под ногами.

В известной мере это выполнимая задача, так как этот диссонанс, незатрагивая фактической материальной «единицы» основной функции живого на различных уровнях, является стимулом трансформировать детерминацию основной функции живого в детерминацию её различных развитых форм.

Последняя точка зрения, может быть, многим покажется самой убедительной и наиболее соответствующей духу науки.

Стремление всюду, где это только возможно, обходиться без всяких гипотез, вражда к умозрению, осторожность, умение всегда учесть пределы возможного и соответственно ограничить свою задачу — именно эти качества естественнонаучного исследования составляют его главную силу, и им обязаны естественные науки своими громадными достижениями. Но ведь не только им, но и смелым умозрительным концепциям, ведь без умозрения теория невозможна. Не будет ли более в духе естествознания отказаться с самого начала от общего и принципиального разрешения проблемы жизни и представить её философам? История науки доказывает нам, что зачастую представляется целесообразным в некоторых познавательных ситуациях исследовать общие закономерности явления прежде, чем изучать его элементы, и сегодня синергетика даёт ключ к этому.

Прежде всего, мы поставим представителям нейтралитета следующий вопрос: вы предлагаете нам, отказавшись от общей проблемы органической жизни, заняться частными исследованиями в области специальных вопросов биологии. Прекрасно, но каким методом должны мы производить эти частные исследования? К чему мы должны стремиться, делая те или иные наблюдения, ставя тот или другой экспе-

римент? Должны ли мы искать в изучаемых явлениях причинно-следственные связи и известные нам физические и химические закономерности и в этом направлении ставить наблюдения и эксперимент? Или же мы с самого начала должны искать целесообразность и плановость в органической жизни и стараться нащупать «жизненную силу», прослеживая её действия в живом организме? — Ясно, что при таком направлении, при таком методе исследования придётся уже иначе вести наблюдения и иначе ставить тот или иной единичный эксперимент.

Изменчивость философских знаний вовсе не исключает их преэминентности. К этому толкают теоретические проблемы науки, но вместе с ними и те трансформации в прежних философемах, которые возникают отнюдь не в качестве зеркальных отображений изменений в науке. Поиск причин порядка, поиск теоретической «свёртки» многообразия живого оказывается тесно связанным с серьёзным философским размышлением.

Философское и научное постижение мира, рассматриваемые как единое целое, имеют большую перспективу, т.к. в их единении оказываются органично взаимосвязанными анализ и синтез не только собственно философских и не только собственно научных процессов и закономерностей, но и анализ развития познания и знания вообще. Отношение между философией и естественнонаучными исследованиями представляют собой проблему, решение которой одинаково существенно как для философии, так и для самих наук.

Мы постарались доказать в нашей работе, что и эволюционизм и финализм не являются абсолютно несопоставимыми концепциями, что они в полном объёме сохраняют свою ценность для науки вообще и для исследований жизни, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичников В. С. Биохимический полиформизм и проблема так называемой недарвиновской эволюции. // Усп. совр. биол., М., 2002.
2. Оно С.. Генетические механизмы прогрессивной эволюции. М., 2003. С. 118.
3. Baer K. Gegen gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen Lind kleinere Aufsatz/e. Bd. 2, Si.-Petersburg, 1876. S. 12.
4. Baudin. Precis de logique des sciences, P.: J. De Gigord, 1938. P. 350.
5. Baer K. Zum Streil uber den Darwinismus, St.-Petersburg. Zeitung, 19. 1873. S. 119.
6. Cuenot L.. Finalite et invention en biologie. // Mel. Soe, Sci. Nancy. Ser. 6. 1936, 4. P. 27
7. Cuenot L. Invention et finalite en biologie. P.: Flammarion, 1941. P. 37.
8. Cuenot L. Linalite et invention en biologic. // Met. Soc/ Sci. Nancy. Set' 6. 1936. C. 43.
9. Cournol L. Materialismc. vitalisme. rationalisme. P.. 1875, Vol.2 P. 177.
10. Cournot L. Traite die l'enchainement des idees fondamentales dans les sciences et dans l'hiistoirc. 1861, Vol.1 P. 503.
11. Cuenot L. Vandel A. L'Homme et revolution (critique). // Rev. sci., 1949, juill. -sept.. P. 7.
12. Wahl J. Traite de Metaphysique. Paris; Payot- 1908. P. 201

© Лаптинская София Валентиновна (zipa2016@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДИАЛЕКТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, СЛУЧАЙНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF «SUBJECTIVE REALITY» IN THE MODERN CONTEXT: THE DIALECTIC OF HUMAN REALITY, RANDOMNESS AND NECESSITY

A. Safronov

Summary. The article discusses the term «subjective reality», introduced into the philosophical language by D. I. Dubrovsky and used today by a number of researchers. The reasons for the origin of the term, its historical analogues, relevance and modern context are considered. On the basis of Dubrovsky's scientific discussions with his opponents of different years (Ilenkov and Chalmers), a conclusion is drawn that the term includes contradictories. The fact is that the term «subjective reality» cannot be considered as the synonymous with the concept of «consciousness», as it is commonly used, since «consciousness» includes features of objective reality. A number of arguments are presented in favor of the development of an independent ontology of the random as additional to the ontology of the necessary. In the course of dialectics, the task of finding a synthesizing concept that removes the contradiction that takes place between the concepts of «subjective reality» and «objective reality» is being solved. The notion of «human reality» is proposed, which makes it possible to evaluate the degrees of subjective (accidental) and objective (necessary) in consciousness.

Keywords: subjective reality, dialectical contradiction, human reality, laws of nature, randomness.

Сафронов Алексей Владимирович

*К.т.н., МГУ им. М. В. Ломоносова
Alexey.safronov.w@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается термин «субъективная реальность», введенный в философский язык Д. И. Дубровским и используемый сегодня рядом исследователей. Рассматриваются причины возникновения термина, его исторические аналоги, актуальность и современный контекст. На основании научных дискуссий Дубровского с его оппонентами разных лет (Ильенковым и Чалмерсом) делается вывод о том, что в него вкладывается противоречивый набор понятий. В строгом смысле, термин «субъективная реальность» не является синонимом понятия «сознание», в котором он обычно используется, так как сознание включает черты объективной реальности. Приводится ряд аргументов в пользу разработок самостоятельной онтологии случайного как дополнительной по отношению к онтологии необходимого. В русле диалектики решается задача поиска синтезирующего понятия, снимающего противоречие, которое имеет место между понятиями «субъективная реальность» и «объективная реальность». Предлагается понятие «человеческая реальность», позволяющее оценивать степени субъективного (случайного) и объективного (необходимого) в сознании.

Ключевые слова: субъективная реальность, диалектическое противоречие, человеческая реальность, законы природы, случайность.

Понятие «субъективная реальность» было систематически введено в философский язык Д. И. Дубровским. В 1968 году философ опубликовал статью «Мозг и психика», где развил идею этого понятия [1]. В дальнейшем эта идея неоднократно подвергалась критике со стороны оппонентов Дубровского, однако, используется и в наши дни в качестве синонима таких понятий как сознание, феноменальная ментальность, субъективный опыт и т.д.

Почему это понятие целесообразно исследовать сегодня? Когда в 1995 году на Туссанской конференции малоизвестный австралийский философ Дэвид Чалмерс сформулировал «Трудную проблему» сознания, он не только мгновенно стал знаменитостью, но и мотивировал философов во всем мире заниматься проблемой сознания. После вошедшей в историю речи Чалмерса,

всем неожиданно показалось, что тысячелетняя проблема близка к решению и, главное, может быть решена теоретически. Эйфория была настолько сильной, что мало кто обратил внимание на то обстоятельство, что «трудная проблема» далеко не нова, и в том или ином виде была сформулирована разными мыслителями до. И одним из них был наш соотечественник Д. И. Дубровский, который задался проблемой «субъективной реальности». В его терминологии «трудная проблема» могла бы быть сформулирована так: почему существует субъективная реальность.

Дубровский опередил Чалмерса на 27 лет, но в далеком СССР 1968 года его идея вызвала больше критики, чем одобрения. В том же году появился критический ответ Э. В. Ильенкова в виде статьи «Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому)» [2]. Но тогда это был почти чисто

теоретический спор, что признавали и сами оппоненты. Как верно выразился в этой статье Ильенков: «...мы с Д.И. Дубровским, как и вся мировая наука, не можем высказать абсолютно ничего сколько-нибудь достоверно установленного. Тут мы обеими ногами стоим на зыбкой почве чистых гипотез, допущений и даже гаданий».

За 27 лет наука о мозге и биология вообще совершила огромный скачок. Поэтому знаменитая туссанская речь австралийского учёного уже не звучала как чистая теоретическая выкладка. А сегодня (через полвека после статьи Дубровского), нам известно о мозге и функционировании нейронов так много, что существует обратная проблема — переизбыток данных. Но при этом ни проблему «субъективной реальности», ни «трудную проблему сознания» до сих пор нельзя признать решенными.

Эйфория после бурного обсуждения «трудной проблемы» в течении двух десятилетий прошла, и стало совершенно ясно, что мы «рассуждаем» о сознании недостаточно точно. Понятия, которые используются, не отражают суть проблем, которые стоят перед исследователями. Поэтому, вполне вероятно, что несмотря на колоссальную скорость с которой сегодня появляются новые данные о взаимодействии нейронов, строятся подробнейшие карты мозга, важно и необходимо уточнять понятия, в которых формулируется проблема сознания. В этой статье мы постараемся начать исследования понятия «субъективная реальность».

После переписки с Ильенковым, вызвавшей огромный интерес философской общественности, в 1971 году вышел системный труд Дубровского «Психические явления и мозг» [3], в котором автор подробно анализирует сложившуюся к этому времени позицию советской и мировой философии в отношении проблемы онтологии сознания. В результате своего анализа советский материалист пришёл к выводу, что, с одной стороны, его не устраивает вульгарная материалистическая концепция сознания, с другой, — вызывает множество вопросов теория его оппонентов в рамках марксистской школы, которые, сконцентрировались на общественной природе сознания, игнорируя его субъективную сторону.

В отношении последних (в первую очередь сторонников Ильенкова) он пишет: «Некоторые авторы склонны характеризовать идеальное таким образом, что оно оказывается вынесенным за пределы человеческого мозга и субъекта вообще. Это происходит в тех случаях, когда идеальное классифицируется исключительно как продукт общественной, производственной деятельности субъекта, когда непомерно гипертрофируются общественные связи субъекта — настолько, что реальный субъект совершенно испаряется...» [3, стр. 185].

Полемика Дубровского с марксистскими оппонентами разворачивалась вокруг понятия «идеальное». Различные точки зрения по проблеме идеального распределились между двумя крайними полюсами — гегельянским крылом, стремящимся определить идеальное как объективное, и позицией Дубровского, который настаивал на том, что идеальное невозможно рассматривать в отрыве от субъекта. Позиция Дубровского того времени выглядит смело. В 1971 году он следующим образом формулирует свою точку зрения: «Идеальное является исключительно субъективной реальностью и «рождается и существует» только в голове человека, не выходя за ее пределы...» [3, стр. 187].

Идея Дубровского заключалась в том, что все попадающее в общественное сознание, все что становится предметом науки, культуры, общественной жизни, идеи, теории, концепции, которые разделяют тысячи, миллионы или даже миллиарды людей, прежде чем стать достоянием общества, проходят в этот мир через индивидуальные сознания отдельных личностей. Более того, оно существует, меняется, «живет» только в индивидуальных субъективных реальностях. Поэтому сознание, как некоторую особую реальность (субъективную реальность), невозможно игнорировать.

Дубровский многократно подчеркивал, что не спорит с важнейшей ролью общественного сознания в формировании индивидуального, однако, функцию источника содержания, которое впоследствии становится общественным содержанием, он сохранил за сознанием каждого отдельного члена общества.

Удивительно и показательно, что полемика Дубровского с его оппонентами марксистской традиции привела его к ряду заключений, к которым пришел в полемике с физикализмом через три десятка лет Дэвид Чалмерс. А именно к тому, что индивидуальное сознание не сводится ни к чему, кроме самого этого индивидуального сознания, что его невозможно игнорировать, неверно выводить из (редуцировать к) онтологий иного порядка — физической или общественной. В качестве подтверждения, в текстах раннего Дубровского находим идеи очень близкие Чалмерсу. Так Чалмерс разделяет ментальное на два типа — психологическое и феноменальное. На основании этого разделения в дальнейшем он формулирует «трудную проблему». Близкое разделение «субъективного» мы находим и у Дубровского. Сравним определения двух авторов.

Чалмерс пишет: «В основе всего этого лежат два совершенно разных понятия ментального. Первое — феноменальное понятие ментального. Это понятие ментального, понятого в качестве сознательного опыта, и ментального состояния как осознанно переживаемого

ментального состояния... Второе — психологическое понятие ментального. Это понятие ментального как каузальной, или объяснительной, основы поведения. Некое состояние является ментальным в этом смысле, если оно играет надлежащую каузальную роль в продуцировании поведения или, по крайней мере, играет надлежащую роль в объяснении поведения... В соответствии с феноменальным понятием ментальное характеризуется тем, как оно чувствуется; в соответствии с психологическим понятием ментальное характеризуется тем, что оно делает» [4, стр.28].

Достаточно близко разделение Дубровского «субъективного» на «субъективную реальность», внутренний духовный мир, и каузально-деятельную часть. Дубровский пишет: «Акцентируя внимание на понятии субъективной реальности, психология имеет своей задачей объяснение так называемого внутреннего, духовного мира личности. В этом отношении все множество психических явлений, образующих субъективную реальность, представляет все множество идеальных явлений. Второй тип значений, выражаемых термином «субъективное», включает либо некоторую объективную реальность, связанную с личностью и понимаемую в бихевиористском смысле как поведение, цепь объективно регистрируемых действий личности, либо — в большинстве случаев — некоторое недифференцированное единство явлений субъективной и объективной реальности, ограниченное личностью» [3].

Поразительное сходство мысли, причину которого можно было бы искать в научной среде двух философов. Так Чалмерс черпал вдохновение в работах Нагеля (Каково быть летучей мышью?) [5], Джексона (Эпифеноменалтные квалиа) [6] и, конечно, Декарта (дуализм). Но, главное, он уделил большое внимание изучению научной стороны вопроса — кибернетике, нейрофизиологии, психологии. В свою очередь, Давид Израилевич, прекрасно ориентируясь в мировой философии (как предшествующих этапов, так и современного), будучи советским философом, должен был использовать советские источники. И здесь мы видим сходство с Чалмерсом, так как Дубровский нашёл главные источники именно в научной среде выдающихся советских ученых, таких как Павлов, Выготский, Брушлинский и многие другие.

Дубровский упоминает Павлова в ключевом месте определения «субъективной реальности»: «Наконец весьма часто термин «субъективное» употребляется в еще более узком смысле, а именно: как особое внутреннее состояние личности, вовсе не обязательно связанное всегда с внешними двигательными актами, как некоторое единство многих подобных состояний, как «субъективный мир» личности. В таком смысле употребляется в большинстве случаев термин «субъективное»

И.П.Павлов. Здесь уже «субъективное» может быть довольно четко противопоставлено «объективному». В этом смысле «субъективное» обозначает весь класс сознательно переживаемых психических явлений, взятых самими по себе, в отвлечении от связанных с ними экстеродвигательных актов, от вызвавших их внешних причин и обуславливающих их мозговых нейродинамических процессов». [3, Стр. 202].

Созвучные идеи Дубровский мог почерпнуть и у современных ему философов. В это время активно писали на близкие темы В.А. Лекторский [7], А.Н. Леонтьев [8], А.Р. Лурия [9] и другие.

Тем не менее, идея Дубровского о «субъективной реальности» не смогла объединить вокруг себя философского течения в СССР того времени. Быть может сегодня мы имели бы авторитетную для всего мира философскую школу в области философии сознания, так как начали бы движение в сторону признания феноменологической роли сознания (наряду с каузальной) значительно раньше. Даже знаменитая статья Нагеля «Каково это быть летучей мышью?», ставшая предвестником «Трудной проблемы», вышла только в 1974 году, то есть на 6 лет позже дискуссии Дубровского и Ильенкова. В чем же дело? Почему Дубровский не стал российским Чалмерсом?

С одной стороны, такой недостаточной внутренней интерес к проблеме «субъективной реальности» в СССР, который мы, напротив, видим в англоязычной философии в то время, был связан с отсутствием необходимых научных данных о сознании и строении мозга, с закрытостью СССР, возможно отсутствием необходимых переводов работ Дубровского. Но, с другой, нельзя не признать, что термин «субъективная реальность» внутренне противоречив, недостаточно определен.

Этот термин возник и как антитеза «объективной реальности», и как попытка узаконить в рамках марксизма роль и место сознания, для которого не нашлось места в онтологии форм движения материи Энгельса. Существенная неточность, однако, как нам кажется, заключается в отождествлении его с потоком сознательных переживаний. Ведь в этом случае оказывается, что сознание отождествляется только с субъективной стороной человека, тогда как в нем (сознании), по мнению в том числе и самого Дубровского, имеет место объективная составляющая.

Такое представление «субъективной реальности» сочетается с обыденными взглядами на сознание как на некоторый психический процесс, который сопровождается «внутренним видением», или как сказал бы Чалмерс — который сопровождается опытом и «не проходит в темноте». В работе 2007 года Дубровский ука-

зывает: «Под человеческой субъективной реальностью имеется в виду динамический континуум сознаваемых состояний человека, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания». [10, Стр. 14]. Весьма интересно, что здесь Дубровский близок к тому определению сознания, которое дал другой известный философ, Дж. Серл, утверждающий, что «то, что я подразумеваю под «сознанием», лучше всего продемонстрировать на примерах. Когда я просыпаюсь после лишённого сновидений сна, я вступаю в состояние сознания, которое продолжается, пока я бодрствую. Когда же я засыпаю, оказываюсь под общей анестезией или умираю, мои состояния сознания прекращаются» [11, Стр. 14].

Действительно, в обоих определениях речь идёт о тех пограничных состояниях, когда, как подсказывает опыт, поток сознания прерывается и субъективная реальность как бы «не существует». Но уже сама такая постановка вопроса ставит понятие «субъективная реальность» в зависимое положение от объективных факторов. Сам Дубровский указывает: «Стоит заметить, что ряд философов, с нашей точки зрения, недооценивают объективность содержания чувственных отображений... субъективная реальность у животных — довольно надёжный инструмент объективного отображения действительности...». [11, стр. 26]. Кроме того философ отмечает: «Разумеется, между субъективной реальностью и объективной реальностью нет непроходимой пропасти, ибо всякое явление из категории субъективной реальности существует лишь в объективированном виде, воплощено в мозговой нейродинамике, проявляется в действиях личности». [11].

Строго говоря, состояния субъективной реальности (в понятиях Дубровского) не могут быть признаны в чистом виде состояниями только субъективной реальности или чистой субъективной реальности. Очевидно, что всякий объект восприятия содержит в себе и объективную, и субъективную составляющие. Имеет место диалектика субъективного и объективного.

Наука не впервые сталкивается со столь противоречивыми понятиями. И ряд подобных проблем был решен в рамках диалектики, как это произошло, в частности, с проблемой соотношения наследственности и изменчивости. Диалектика этих противоположностей «мучила» исследователей до тех пор, пока не был осмыслен определённым образом термин «биологический вид», который включал в себя оба понятия в их диалектическом единстве. «Вид» обладает и свойствами изменчивости, и наследственности, и сегодня это обстоятельство не вызывает теоретических затруднений.

«Биологическая концепция вида разрешает также парадокс, порождённый конфликтом между стабильно-

стью видов в понимании натуралиста и пластичностью видов в понимании эволюциониста. Именно этот конфликт заставил Линнея отрицать эволюцию, а Дарвина — отрицать реальность видов. Биологический вид соединяет в себе дискретность вида в данной местности и в данное время с эволюционной потенциальностью к постоянным изменениям». [12, стр. 22].

Рассмотрение любого понятия, содержащего «внутреннюю» и «внешнюю» составляющую, вероятно, может подпадать под общее определение, данное В. И. Метловым: «...все особенности диалектического противоречия определяются характером отношения субъект объект» [13]. Поэтому если отношение субъект объект удастся зафиксировать в общем «третьем» понятии (таким как «вид» в биологии) диалектическое противоречие перестаёт быть проблемой терминов и переходит в категорию научной задачи.

Так, например, понятие бесконечно малой величины стало той отправной теоретической точкой, из которой выросло все дифференциальное и интегральное исчисление, без которого просто немислим современный мир. Это понятие стало «третьим» по отношению к единичному и множественному, окончательно решив проблему движения, поставленную ещё в Древней Греции Зеноном.

Дубровский обозначает проблему «субъективной реальности», её противоречивость, но, к сожалению, не предлагает понятия, которое бы как «третье» включило в себя противоречие субъект-объект. Или, как назвал это противоречие Вайцзеккер — механизм и индивидуальность. Каждая биологическая живая система есть носитель индивидуальности, но в то же время она подчинена объективным механизмам. Ранее автор писал, что проблема сознания непосредственно связана с разрешением противоречия между позициями «от первого лица» и «от третьего лица» через «третье» [14].

Возвращаясь к понятию «субъективная реальность», заметим, что, если следовать внутренней логике самого понятия, то оно должно обозначать нечто, не содержащее ничего объективного, никакой части объективной реальности. Что, безусловно, отличает «субъективную реальность» (в таком понимании) от сознания, поскольку сознание суть сочетание субъективных и объективных сторон одних и тех же объектов.

Строго говоря, человеческое сознание не может быть сведено только к субъективной реальности. Уместнее говорить о сознании как о «человеческой реальности», которая содержит черты и субъективной, и объективной реальностей. Недаром в приведённой выше цитате Дубровский пишет о «человеческой субъективной реаль-

ности», хотя и делает акцент не на слове «человеческая», а на слове «субъективная».

Понимаемая таким образом «человеческая реальность» может выступать в качестве некоторого «третьего», объединяющего в себе противоречивые субъект-объектные отношения. Действительно, если понимать продукты сознания как объекты человеческой реальности, то это даёт путь для выделения в этой реальности не сугубо субъективных и объективных элементов, а элементов являющихся субъективными и объективными в той или иной степени. При этом само субъективное (в силу того, что объективное отождествляется с необходимым) становится развитой степенью случайного, неопределённого.

Возможно возражение, что оба понятия и объективная реальность, и субъективная реальность — суть пережитки прошлого, химеры марксистской философии, и более того, сам термин «реальность» уже давно вычеркнут из актуального философского словаря. В этом смысле, в классификации отечественного историка философии и авторитетного исследователя проблем сознания Н. С. Юлиной [15] Дубровский был бы отнесён к традиционному реализму. То есть к такой позиции, которая, во-первых, признает реальность саму по себе, а, во-вторых, признает реальность человеческого сознания. И только в этом смысле, то есть имея в виду, что реальность имеет место, вообще уместно говорить о любой форме реальности — объективной, субъективной, человеческой и т.д.

В оппозиции к традиционному реализму сегодня выступают многие авторы, но выделяются отдельные системные позиции, как например традиция Витгенштейна-Райла-Гудмена-Деннета, согласно которой говорить о реальности сознания бессмысленно. Однако, эпифеноменализм Деннета нельзя отнести сегодня к наиболее авторитетным философским течениям. Не только философы, но и учёные нейрофизиологи сегодня склонны признавать реальность внутреннего мира, необходимость его научного познания.

Рассуждая на тему того, что есть сознание и зачем оно человеку, известный психолог, нейрофизиолог и философ В. С. Рамочандран признает роль феноменальной «части» сознания и остроумно замечает: «Чтобы совершать преднамеренные действия, человек должен осознавать — то есть предчувствовать — все последствия действия и стремиться к ним... Я полагаю, что предчувствие и осознание частично располагаются в надкраевой извилине, а стремление требует дополнительного участия поясной извилины... Ощущение свободы, связанное с активностью этих структур, может быть вошедшей в поговорку морковкой на конце палки, которая

подталкивает вашего внутреннего ослика к действию». [16, с. 128].

В 2010 году известный финский психолог Антти Ревонсуо проанализировал широкий спектр современных теорий сознания, и разделил их на две группы — философские и научные (нейрофизиологические) [17]. При этом, последние — научные теории сознания (теория глобального рабочего пространства Баарса, нейробиологическая структура Крика и Коха, теория динамического ядра Тонини и Эдельмана, теория интеграции информации Тонини, таламокортикальная теория Льянаса, теория рекуррентной обработки Ламме, теория микросоздания Зекки и теория «ощущения происходящего» Антонио Домасио) — заняли в его исследовании не меньше места, чем философские. Ревонсуо отмечает, что рывок в области научных теорий произошёл благодаря введению в язык нейрофизиологии понятия «нейронные корреляты сознания».

К сожалению в список упомянутых Ревонсуо теорий не вошло релевантное исследование советского и российского учёного Иваницкого А. М. и др. [20]. Это весьма досадно, так как публикация отечественных учёных опять же опередила пионерские нейробиологические теории Баарса (1988) и Крика и Коха (1980) на несколько лет.

Книга Ревонсуо стала знаковым явлением, отразившим новые тенденции в исследовании сознания. Сегодня кабинетная философия сознания уже не мыслима без лабораторных исследований. Однако, финский психолог указывает на тот факт, что обратная зависимость выглядит ещё более ярко. Без теоретического понимания того, что именно должен найти «микроскоп», это не может быть найдено.

Ревонсуо так резюмирует обзор научных теорий сознания: «До тех пор, пока у нас нет ясного и общепринятого понимания того, что такое сознание — является оно единым целым или набором феноменальных фрагментов, распределено оно последовательно в модулях коры или остаётся целостной сферой в рамках таламокартикальной системы... — у нас не будет ясного понимания того, как и где искать нейрональные механизмы сознания». [17, Стр. 253]. Исходя из вывода Ревонсуо, можно убедиться, что анализ понятий, с помощью которых мы говорим о сознании, сегодня более чем актуален.

Наш анализ понятия «субъективная реальность» не был бы полным без рассмотрения переписки Дубровского и Чалмерса [19]. В этой переписке особенно отчётливо видно отличие позиций двух философов. Для Чалмерса феноменальное сознание является столь удивительной «сущностью» и трудной проблемой именно

потому, что оно, по его мнению, не имеет никакого функционала. Выполняет роль необязательного дополнения к психике. Дубровский в отличие от Чалмерса придерживается функционалистской точки зрения, то есть позиции, что сознание несёт определённую функцию.

В указанном ответе Дубровский пишет: «Остро поставленный Д. Чалмерсом вопрос, почему информационные процессы «не идут в темноте», несёт оттенок удивления, связанный с допущением, что они вполне могли бы идти «в темноте». Но тем самым неявно предполагается, что явления CP тут как бы не обязательны, что и без них все бы происходило точно так же, то есть за ними не признается какой-либо специфической функциональной способности и каузальной действенности».

Дубровский критикует эпифеноменализм Чалмерса и его склонность к рефлексии на тему «философских зомби». Упрекает его в регрессе к идеям Фейербанда и Рорти: «Нетрудно увидеть, что это воспроизводит старый ход мысли (бытовавший в психологии и философии конца XIX века)...» [19]. В качестве решения и выхода Дубровский указывает: «...чтобы преодолеть «психологический параллелизм» и избавиться от «эпифеноменализма», чтобы придать психическим явлениям действительность, надо рассматривать их как высшую форму физиологических процессов, как особую разновидность физического...» [19]. Под этой формой физического Дубровский понимает информацию.

Здесь, несмотря на разногласия в вопросе каузальной роли сознания, снова обнаруживается единство двух философов. Оба они решение проблемы обнаруживают в особой физической природе сознания (в книге «Сознающий ум» Чалмерс прямо указывает, что сознание может быть особой формой фундаментального явления наряду с зарядом, пространством и т.д.), под которой понимают информацию в том или ином виде — «информация об информации», «информация изнутри» и т.д.

Важно, что «информационная теория» сознания используется философами по-разному, но в обоих случаях в связи с проблемой каузальности сознания. Для Дубровского информация — путь к особой каузальности сознания, которую он называет «кодовой зависимостью». Для Чалмерса — попытка классифицировать сознание в привычных для науки (в том числе, физики) терминах, с целью установить фундаментальную связь психического и физического. Проблема такого подхода, однако, заключается в том, что рассуждения о каузальности рано или поздно приводят к проблеме редукции: «...я буду доказывать, что сознательный опыт не является чем-то логически супервентным на физическом и поэтому не может быть редуктивно объяснен». [4, стр. 101].

Вероятно, любая каузальная теория сознания (даже информационная) не может достичь цели. Дело в том, что если исследовать понятие «субъективной реальности» с позиции выделения в ней только сугубо субъективных черт, то рано или поздно окажется, что для собственно субъектной (необъективной) части «субъективной реальности» ничего не остаётся, кроме того, что происходит совершенно случайно. Ведь для всего, что имеет причины, термин «субъективное» в строгом смысле неуместен. Но как можно признать ядром собственной субъективности случайное?! (Если, конечно, понимать случайное в его негативном смысле, узко, неонтологически). Поэтому Чалмерс опускает фактор «случайного», обнуляет его, и утверждает, что для субъективной реальности не остается вообще никакой оправданной функционалом онтологии.

Чалмерс крайне большое внимание уделяет анализу того, что есть законы природы, их несупервентности на физическом и т.п., демонстрирует глубокую эрудицию в области физики и фундаментальных свойств природы, однако совершенно игнорирует такой аспект природы как случайность. Хотя случайность в его понятиях тоже несупервентна на физическом.

Глубокую связь индивидуального (субъективного) и случайного (неопределённого) можно показать на следующем примере. Подбрасывая монетку невозможно надёжно предсказать результат единичного (индивидуального) броска. Выпадет орёл или решка — случайность. Если же совершить тысячу бросков, переходя от индивидуального к множеству, то мы также совершим переход от случайного к вероятностно-необходимому. И сможем с большой достоверностью предсказать совокупный результат тысячи бросков.

Игнорирование случайного в качестве онтологического факта, рассмотрение его только в русле «побочного эффекта» необходимости, пересечения необходимости, внешней стороны необходимого, предопределено структурой человеческого мозга. Нейрон по своей сути представляет собой «машину» для установления закономерностей внешней среды, в который он существует. Поэтому мыслить законами для человека более, чем естественно. Однако, это не означает, что мир в целом построен только лишь на основе необходимых связей. Так телеологическая причинность тоже может быть рассмотрена как вариация случайного.

В этой связи случайное и необходимое, индивидуальное и многое, сознание и психика, рефлексия и автоматизм могут быть представлены не как полюсы дуальной модели мира, а как диалектическое единство, имеющее место в мире. Как человеческая реальность. Как пишет Плейс: «Вопрос, который я хотел бы поднять,

состоит в том, можем ли мы принять это предположение без того, чтобы неизбежно впасть в дуализм, в котором ощущения и психические образы образуют отдельные категории процессов. Я утверждаю, что принятие внутренних процессов не влечёт за собой дуализм...» [20, стр. 15]. Резюмируя, отметим, что понятие «субъективная

реальность» вносит много неопределенности в лексикон философии сознания. Более удачным, на наш взгляд, является понятие «человеческой реальности», позволяющее уйти от проблематики субъект-объект, и говорить о степени субъективности и объективности, случайности и необходимости тех или иных объектов сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский Д. И. Мозг и психика // Вопросы философии. — 1968. — № 8.
2. Ильенков Э. В. Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому) // Вопросы философии. — 1968. — № 1.
3. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. — издательство «Наука», 1971.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. — М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013, стр. 28.
5. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума / Под ред. Д. Хофштадтера, Д. Деннета. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2003.
6. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. № 32.
7. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. — М.: 1965.
8. Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии. — Вопросы философии, 1966(а), № 12.
9. Лурия А. Р. Мозг и сознательный опыт. — Вопросы психологии, 1967, № 3.
10. Дубровский Д. И. Сознание, Мозг, Искусственный интеллект. стр.14.
11. Дж. Сёрл Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002, С. 93.
12. Э. Майр Популяции, виды и эволюция, Издательство «Мир», Москва 1974, Стр. 22.
13. Метлов В. И. Диалектика и современное научное познание // Философия и общество, 2005, № 4.
14. Сафронов А. В. Онтологический статус сознания: преодоление антитезы аналитической философии и феноменологии // Вестник московского университета. Серия 7. Философия, 2015, № 5.
15. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — 408с.
16. В. С. Рамочандран Рождение разума. Загадки нашего сознания. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006, с. 128.
17. Ревонсуо А. Психология сознания. — СПб.: Питер, 2013. — 336с.
18. Иваницкий А. М. Стрелец В. Б., Корсаков И. А. Информационные процессы мозга и психическая деятельность. М.: Наука, 1984. 200с.
19. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу)// Философские науки, 2011, 7–1.
20. Плейс У. Является ли сознание процессом в мозге?// «Герменей», 1(5), 2013.

© Сафронов Алексей Владимирович (Alexey.safronov.w@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М. В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.С. ГОГОЦКОГО (АНАЛИЗ СТАТЕЙ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ «ФИЛОСОФСКИЙ ЛЕКСИКОН» И «ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ...»)

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL
VIEWS OF S. S. GOGOTSKY (ANALYSIS
OF ARTICLES FROM ENCYCLOPEDIAS
«PHILOSOPHICAL LEXICON»,
AND «PHILOSOPHICAL DICTIONARY»)

M. Sharova

Summary. the article is devoted to analysis of philosophical encyclopedic works of S.S.Gogotskogo («Philosophical lexicon» (1857–1873), «Philosophical dictionary» (1876)) in understanding the dynamics of formation of psychological knowledge in Russia in the mid-nineteenth century. Shows the influence of the idealistic system of philosophy on the problems of studying the inner world of man, what in psychology is reflected in the logic of theoretical research. Noted that the methodological context of the philosophical-psychological knowledge is made of concepts: soul, spirit, consciousness, self-knowledge, a conscious will, thought, activity, subject, object, category «I», ethics, the psyche, etc.

Keywords: S.S.Gogotsky, «Philosophical lexicon», «Philosophical dictionary...», the psychology, consciousness, self-knowledge, introspection, observation, category «I».

Шарова Марина Александровна

*К.ф.н., доцент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
sharov.kaluga@mail.ru*

Аннотация. статья посвящена анализу философских энциклопедических работ С.С. Гогоцкого («Философский лексикон» (1857–1873), «Философский словарь...» (1876)) в плане уяснения динамики становления психологического знания в России в середине XIX века. Показано влияние идеалистической системы философии на проблематику изучения внутреннего мира человека, что в психологии нашло отражение в логике теоретического исследования. Отмечено, что единый методологический контекст философско-психологического знания составили понятия: душа, дух, сознание, самопознание, разумная воля, мышление, деятельность, субъект, объект, категория «Я», нравственность, психика и т.д.

Ключевые слова: С.С. Гогоцкий, «Философский лексикон», «Философский словарь...», психология, сознание, самопознание, самонаблюдение, наблюдение, категория «Я».

Философско-энциклопедическое наследие С.С. Гогоцкого (1813–1889) свидетельствует об академической незаурядности мыслителя, в том числе, в области психологического знания. Лекции по психологии он читал в Киевском университете св. Владимира (1869), затем в Киевской военной гимназии (1876) и Высших женских курсах (1877–1880), но формированием интереса к данной тематике обязан своим учителям: П.С. Авсеневу, И.М. Скворцову, В.Н. Карпову, О.М. Новицкому, И.Г. Михневичу [4].

С.С. Гогоцкий последовательно развивал идеи Киевской духовно — академической школы, в том числе, сложившуюся традицию рассмотрения систем немецкого идеализма, что выразилось в отстаивании им нового типа философствования — синтезировании гуманистической сферы знания: философии, психологии и педагогики с целью установления разумного простора личности. «Только там, где имеется самосознание мысли перед внешним миром, определяется и ее отношение к нему, только там утверждается начало и возможность той высшей и многообразной науки, которую мы называем философией»

[1, С. 33]. Философию он рассматривал как умозрительно-нравственную науку, результат «сознательного теоретического и практического отношения к ... предметному миру», а решаемые ей вопросы «содержащимися уже в самой натуре сознания и сознательного отношения к окружающему миру» [2, С. 80]. Философия для мыслителя являлась формой проявления активности сознания, присущей её внутренней природе: на низшей ступени — произвольная игра образов и представлений; на высшей — их мировоззренческое осмысление, соответствующее развитию философского начала. «Философия, начиная свои рассуждения с внешнего предела сознания, потом переходит к рассмотрению внутренней нравственной природы человека, а достигнув полноты исследования, дробится в своих направлениях и занимается преимущественно вопросами нравоучительными» [1, С. 41].

Интерес представляет динамика осмысления философско-психологического знания на примере сравнительного анализа подробных статей из «Философского лексикона» (1857–1873) и академически сдержанных понятий из «Философского словаря...» (1876). В первом,

психология представлялась как «часть в составе философских наук, в которой излагается учение о душе», а также отмечалось, что подобно многим другим дисциплинам «эта часть философии ... не имела научного характера и не существовала в виде отдельной науки или системы исследований, касающихся нашей внутренней жизни» [2, С. 235]. Во втором, психология понималась как «наука, занимающаяся исследованием проявлений нашей душевной жизни, больше или меньше входящих в наше сознание, и на основании их делающая свои заключения о самой душе или о таких ее свойствах, которые не могут быть предметом непосредственного наблюдения» [3, С. 174].

В «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкий обратился к генезису термина «психология», полагая, что до середины XIX века «эта наука не имела достаточного совершенства» [2, С. 235]. Его задачей стало установление предметной области психологии в системе философского знания, с ее последующей институционализацией в качестве самостоятельной дисциплины. По С. С. Гогоцкому, предметом психологии должно стать то, что пронизывает все виды и степени душевной деятельности, то есть сама душа. Отсюда психология как часть философии призвана заниматься исследованием существа души (= субстрата духовной деятельности) и природой сознания, то есть явлениями душевной жизни, предшествующими систематической деятельности мысли и познания и делающими возможной законосообразность умственной и нравственной жизни. С. С. Гогоцкий считал, что психология рассматривает проявления душевной жизни в процессе их перехода в формы, свойственные развитому научному и нравственному сознанию, отражающимися в сознательных произведениях науки, искусства и практической жизни. Он утверждал, что предметом психологического знания можно считать «узел, связывающий бессознательную и безотчетную область душевной жизни с жизнью сознательную и самосознательную» [2, С. 237]. Из статьи «Психология» следует, что наиболее примыкающие к ней сферы знания: 1) антропология, рассматривающая особенности душевно — телесной жизни; 2) естествознание, в частности, физиология и некоторые части физики, поскольку определенное влияние на душевную жизнь происходит со стороны внешней природы. Так, предмет психологического знания занимал промежуточное положение между физической жизнью и сознательно — нравственной.

Основным методом психологии он признавал самонаблюдение, требующее большей концентрации душевных сил, чем наблюдение, поскольку для «для психологического материала нужно наблюдать явления душевной жизни не только в других, но и в самом себе» [2, С. 238]. Самонаблюдение означало наблюдение за фактами сознания, о которых субъект знает в силу их свойства быть

непосредственно ему открытыми. Оно понималось как познание внутреннего плана собственной психической жизни, позволяющее фиксировать ее проявления. Самонаблюдение отображало акты мышления как деятельности разума, структурировало работу сознания, вело к рефлексии, где конечным продуктом выступало субъективное знание себя.

В изданном несколькими годами позже «Философском словаре...» психология понималась уже не в качестве прикладной сферы философского знания, а как самостоятельная «наука, занимающаяся исследованием проявлений ... душевной жизни, больше или меньше входящих в наше сознание, и на основании их делающая свои заключения о самой душе или о таких ее свойствах, которые не могут быть предметом непосредственного наблюдения» [3, С. 175]. Целью психологии стало «рассмотрение последовательного хода ... внутренней или душевной жизни, как бы внутренним возрастанием ее, обнаруживающимся в разных проявлениях, начиная от ощущения — до разума и разумной воли» [3, С. 175]. Задачи психологии: 1) объяснение последовательного развития душевной жизни; 2) анализ способов происхождения проявлений душевной жизни. И хотя о методах психологии напрямую не говорилось, но очевидной выступала субъективизация образа предметного мира в организации собственной жизнедеятельности. Отсюда внутренний мир человека понимался принадлежащим ему как субъекту, а методы психологии были направлены на установление закономерностей развития и функционирования психики (т.е. наблюдение и самонаблюдение).

Энциклопедические издания С. С. Гогоцкого показывают, что методологический аспект фихтевского субъект — объектного познания в контексте психологической мысли только начинал обретать смысловую нагрузку. Субъектом признавалось «личное, сознающее себя начало, отличающее себя не только от вещей, но и от своих представлений и состояний» [3, С. 208]. Познающим субъектом являлся человек, а процесс познания полагался активным, деятельным началом творческой природы субъекта. Познание во многом определялось потребностями человека: материальными и духовными. Философия признавала, что человек не рождается познающим субъектом, а становится им в процессе психосоциального развития. И даже став субъектом, человек не сразу в полной мере обретает субъектность. Развитие личности в качестве субъекта познания состоит в открытии окружающей действительности как все более сложной реальности. Сначала познание проявляется как субъект-объектное, а затем как субъект-субъектное. Объектом понималось «нечто действительно существующее, а не воображаемое. ... объективным называют то, что есть в нашем представлении и предстоит нашему представляющему субъекту ... как принадлежащее ему, и вместе, как отдельное от него»

[3, С. 131]. Субъект — объектное отношение является первым этапом гносеологизации бытия, где человек отражает другие субъекты, упрощая и де — субъективизируя их, то есть отражает как объекты. Более сложно структурированным признается субъект — субъектное познание, где стороны познания выступают равнозначными. Субъект — субъектное познание — это не только признание осознанности своих физических и умственных действий, но и принятие реалии и мыслей другого человека, отличных от себя.

Сложным элементом в системе субъект-субъектных отношений выступает сознающее начало «Я» как сущность собственной сознательной жизни. Категории «Я» в философии С.С. Гогоцкого посвящены статьи в «Философском лексиконе» и «Философском словаре...». Более раннее обращение в «Философском лексиконе» показывает, что понятие «Я» еще «крайне затруднено для объяснения», но, однако же, «под ней понимается «сознание и его составные стороны», поскольку в истории философской мысли «не могло не отразиться присутствие ... такого понятия, в котором содержится самое сосредоточенное сознание и выражение личности» [2, С. 295–296]. Обращаясь к философии Р. Декарта (отождествление «Я» с его проявлениями: мышлением, чувствами и т.д.) и И. Канта (дифференциация «Я» отвлеченного от «Я» эмпирического), С.С. Гогоцкий убедительно показал необходимость введения категории «Я» в психологию как составной единицы при разборе сознания, каковой выступила система И.Г. Фихте. «На антагонизме Я и не — Я Фихте строил ... теорию познавательной и нравственной деятельности, ... полагая, что первая состоит в восприятии, усвоении и переработке перцепций, образующихся в нашем Я под влиянием внешнего мира, или не Я, а вторая — в воздействии нашего Я или его воли на данный мир, или не Я» [3, С. 282]. Однако, уже в «Философском словаре...» моментом субъективации С.С. Гогоцкий признавал «отношение сознающего себя в нас Я к самой основе нашей внутренней жизни», утверждая, что «на этот — то вопрос и обращает внимание позднейшая психология» [3, С. 282]. Категория «Я» в философии С.С. Гогоцкого выступала как самосознающее начало, наделенное разумом и волей, способное сосредотачивать все, что входит в его сущностную основу.

Но, стараясь дать подробную характеристику категории «Я», мыслитель понимал, что «само происхождение сознания и понятия Я, как выражения личного существа, науке не доступны» [2, С. 300].

В «Философском словаре...» он упоминал о былой дифференциации психологического знания на умозрительное (= идеалистическое) и опытное (эмпирическое) направления, но ко второй половине XIX века преодолевших принципиальные разногласия и выступивших в едином методологическом ключе — изучении внутреннего мира человека, сознания, психики и т.д. Характерна сохраняющаяся онтологическая близость психологии с антропологией, где последняя трактовалась рассматривающей психофизиологические свойства человека (темперамент, телосложение, возраст и т.д.). Отмеченная в «Философском лексиконе» связь с естествознанием (областями физики, физиологией и т.д.) не получила дальнейшего обоснования, но взамен этого утвердилось самостоятельное направления — психофизика. В «Философском словаре...» психофизика, по сути, являлась синонимом физиологии и понималась как «объяснение происхождения проявлений душевной жизни, особенно низших, которое делается наблюдением над сопровождающими их переменами в телесном организме, подлежащими точному изменению и вычислению» [3, С. 176]. О возрастающем интересе к психологии свидетельствовало включение в словарь понятия «психиатрия», как «науки, занимающейся исследованием душевных болезней и средств их врачевания» [3, С. 174], что говорит о проблемах диагностики психической нормы и психических отклонений.

Философско-психологические работы С.С. Гогоцкого написаны в период поиска теоретических и методологических истоков психологической науки, задолго до основания М.М. Троицким первого в России психологического общества при Московском императорском университете (1885). Они во многом предвосхитили свое время и легли в основу рассмотрения ряда психологических вопросов: природа души и сознание, субъект — объектное познание, наблюдение и самонаблюдение, категория «Я» в философии и психологии, воля и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гогоцкий С. С. Введение в историю философии. Киев, 1871. 174 с.
2. Гогоцкий С. С. Философский лексикон. Т. 4, выпуск 1, Киев, 472 с.
3. Гогоцкий С. С. Философский словарь. Вступительная ст. А. А. Шевцова. (печатается по изданию Гогоцкий С. С. Философского словаря или Краткого обзора философии и других научных выражений, встречающихся в истории философии». Киев. 1876). СПб., 2009. 287 с.
4. Шарова М. А. Теистическая психология в философских изысканиях преподавателей Киевской духовной академии начала XIX века // Успехи современной науки. 2017. № 1. Т. 4. С. 148–151.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Arpentieva M. — Grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, Tsiolkovskiy Kaluga state University
 mariam_rav@mail.ru

Belevich N. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
 n-2012@mail.ru

Belyakova I. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
 i.g.belyakova@gmail.com

Bernatskiy V. — Omsk State Technical University
 Bernatskiy33@rambler.ru

Boenkina E. — Post-graduate, Tomsk State Pedagogical University
 Postgraduate
 elboen@mail.ru

Bondarenko V. — Candidate of medical Sciences, senior researcher, associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
 bondarenko.vv@dvfu.ru

Chotchayev A. — Graduate student, Karachay-Cherkess state university of U.D. Aliyev (Karachayevsk)
 char999@mail.ru

Dontsov N. — Financial University under the Government of the Russian Federation
 NVdontsov@gmail.com

Fugina O. — Moscow State Institute of Culture
 Temple_dance@mail.ru

Kutejnikov A. — Associate Professor, The North-West Institute of Management - Russian Academy of National Economy and Public Administration
 alex_kutejnikov@mail.ru

Laptinskaya S. — Doctor of philosophical Sciences, Professor, Moscow state Institute of culture of the Ryazan branch (Russian Federation IPCC)
 zipa2016@list.ru

Makuhin P. — Omsk State Technical University
 petr_makuhin@mail.ru

Polyakov D. — The North-West Institute of Management - Russian Academy of National Economy and Public Administration
 d.y.szags@mail.ru

Safronov A. — PhD in Technical Sciences, MSU named after M.V.Lomonosov
 Alexey.safronov.w@gmail.com

Shadiev D. — Postgraduate student, University of the Humanities and Social Sciences, Russia, Saint-Petersburg
 d19901510@mail.ru

Sharova M. — Candidate of Philosophical Sciences (Ph. D.), Associate Professor, Kaluga State University named after K. Tsiolkovsky
 sharov.kaluga@mail.ru

Zavertyaeva A. — Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
 anita.the.89@gmail.com

Zhuykova M. — Candidate of Psychological Sciences, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
 mgv84@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).